

**ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ
НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ
В СССР**

**ОФИЦИАЛЬНЫЙ
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

ВЫПУСК III

Заседания 16, 17, 18 и 19 апреля 1933 г.

**ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»
МОСКВА — 1933**

ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

*Витвицкого Н. П., Гусева В. А., Григори А. В., Зорина Н. Г., Зиверта Ю. И.,
Кушни Дж., Крашенинникова М. Д., Котляревского М. Л., Кутузовой А. С.,
Лобанова А. Т., Лебедева В. П., Макдональда В., Монкгауза А., Нордволла Ч.,
Олейника Г. Е., Сужоручкина Л. А., Торитона Л. Ч. и Соколова В. А.*

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ВЫПУСК III

Заседания 16, 17, 18 и 19 апреля 1933 г.

ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

МОСКВА — 1933

Техредактор А. Боровский
Объем 10¹/₂ печ. листов
Формат бумаги 62×94/16
Тираж 30.000 экз.
Уполном. Главлита А—90669
Зак. 6698

Третья фабрика книги ОГИЗ РСФСР треста «Полиграфкнига» «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16

ПРОТОКОЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СОСТАВ СУДА

По постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 30 марта 1933 г. настоящее дело передано на рассмотрение Специального присутствия Верховного суда СССР в следующем составе:

Председатель

УЛЬРИХ, В. В.

Член Верховного суда СССР

Члены суда

МАРТЕНС, Л. К.

Директор Дизельного Института

Профессор по кафедре моторов внутреннего сгорания

ДМИТРИЕВ, Г. А.

Начальник «Главэнерго»

Инженер-электрик

Запасный член суда

ЗЕЛИКОВ, А. В.

Председатель Центрального Комитета профессионального союза рабочих, инженеров и техников электрической промышленности и электрических станций

Секретарь

КОСТЮШКО, А. Ф.

Старший инспектор Верховного суда СССР

ОБВИНЕНИЕ

ВЫШИНСКИЙ, А. Я.

Прокурор РСФСР

РОГИНСКИЙ, Г. К.

Помощник прокурора РСФСР

ЗАЩИТА

БРАУДЕ, И. Д.; СМИРНОВ, А. А.; КОММОДОВ, Н. В.; ЛИДОВ, П. П.; ДОЛМАТОВСКИЙ, А. М.; ШВАРЦ, Л. Г.; ПИНЕС, И. Г.; КАЗНАЧЕЕВ, С. К.; ЛИБСОН, И. Н.

Члены Коллегии защитников

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 апреля 1933 г. 10 час. 30 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Заслушав ходатайство сторон о приобщении к делу ряда документов, Специальное присутствие вынесло следующее определение: ходатайство защиты о приобщении к делу блок-нота конторы фирмы «Метрополи-тен-Виккерс» от 1928 года к делу не приобщать, ибо эти документы в этом блок-ноте никем не подписаны.

Что касается остальных ходатайств как прокуратуры о приобщении к делу ряда справок, а также личных дел отдельных осужденных в связи с нахождением в заключении, равным образом ходатайство защиты о приобщении остальных документов—ходатайства удовлетворить.

Какие имеются вопросы к экспертизе у защиты?

Коммодов. Позвольте огласить.

Председатель. Пожалуйста.

Коммодов. Вопросы, предлагаемые подсудимым Монкгаузом:

1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка.

2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым.

3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, проведенное ВЭИ.

4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара.

5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания, являются достаточными.

6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс» применяется на заграничных станциях и работает удовлетворительно.

7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй и трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу.

8. Отвечают ли представители фирмы, производящие монтаж турбогенератора, за состояние сливного канала на Орехово-Зуевской станции.

9. Можно ли считать представителей фирмы «Метро-Виккерс» ответственными за плохое состояние изоляции в выводе роторов генераторов на 1-й МГЭС, если принять во внимание, что все электрические соединения произведены русскими и из русских материалов.

10. Известно ли комиссии, что хауз-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс».

Вот все 10 вопросов.

Председатель. У защиты есть еще ходатайства?

Либсон. Для уточнения социального происхождения Котляревского ходатайствую о приобщении к делу документа, свидетельствующего о происхождении отца Котляревского.

Председатель. У других защитников есть ходатайства?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых есть ходатайства?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Вопросов тоже нет ни к кому?

У других защитников вопросов к экспертизе нет?

Защита. Нет.

Председатель. Сколько потребуется времени экспертизе для того, чтобы дать заключение?

Экспертиза. Это зависит от вопросов. Если ответить на все вопросы, которые здесь заслушаны, то придется получить некоторый дополнительный материал и это будет нам лимитировать время на ответ.

Вышинский. На разрешение экспертной комиссии поставлено 10 вопросов. Прокуратура не возражает против рассмотрения экспертизой и дачи ответов по 8 вопросам. В отношении двух вопросов обвинение возражает по следующим соображениям: п. 8 «отвечают ли представители фирмы, производящие монтаж турбогенератора, за состояние сливного канала на Орехово-Зуевской станции» (стр. 52). Во-первых, здесь опять-таки неточность редакционная—очевидно не производящие, а производившие, потому что сейчас, в данное время, какой монтаж производится представителями фирмы мы не обсуждаем. Если производившие, то тогда надо сказать какой монтаж, где, когда, в какой период времени. Здесь имеется ссылка на обвинительное заключение, лист 52. Там о представителях фирмы как раз не говорится, а кроме того самое основное—мы вообще представителей фирмы, как и самую фирму здесь не судим.

Коммодов. Я имею в виду отдельных представителей.

Вышинский. Защитник Коммодов нарушает процессуальный порядок,—отвечают отдельные лица из фирмы, производящие монтаж и т. д. По соображениям, которые я имел честь доложить суду, обвинение возражает против ответа на 8 пункт.

Пункт 9. «Можно ли считать представителей фирмы «Метро-Виккерс» ответственными за плохое состояние изоляции в выводах роторов генераторов на 1-й МГЭС, если принять во внимание, что все электрические соединения произведены русскими и из русских материалов» (стр. 53). Здесь содержится два факта, на которые нужно обратить внимание, во-первых, невозможно ставить вопрос условным порядком, не проверивши предварительно фактов. «Если это оборудование поставлено русской фирмой»... и т. д. Нужно установить, какое это обо-

рудование и кем оно установлено. Второе, на стр. 53 обвинительного заключения по поводу этих фактов говорится буквально следующее: «Плохое состояние изоляции в выводах роторов генераторов систематически приводит к остановке генераторов». Следовательно этот вопрос не повторяется и не идентичен тому вопросу, который в виде определенного тезиса выставляется в обвинительном заключении. Ибо говорится не кто ответственен и ответственные ли представители фирмы «Метро-Виккерс», а констатируется факт, который установлен актом экспертной комиссии и поэтому необходимо ознакомление с делом, где содержится обследование акта и говорится об аварии.

По этим соображениям по пункту 9-му обвинение представляет свои возражения.

Коммодов. Это все общие замечания. Я нигде намеренно не говорил о фирме, как таковой. Я говорил об отдельных представителях, которые судятся по настоящему делу.

Вышинский. Представители не судятся, судятся граждане.

Коммодов. Но по своему официальному положению они являлись представителями, особенно Монкгауз. Я понимаю, что отдельные представители не могут компрометировать всей фирмы. Это совершенно ясно. Поэтому я не говорил о фирме, как таковой.

Что касается вопроса 8-го, то,—как выяснилось на судебном следствии, состояние сливного канала в значительной степени зависело от строительных работ. Вот почему это давало мне основание поддержать ходатайство подсудимого Монкгауза о постановке этого вопроса. Экспертизе вопрос этот понятен. Редакционные погрешности или неправильная перепечатка на машинке не изменяют общего характера вопроса. Он ясен и понятен и по этому вопросу был материал на судебном следствии, поэтому мне казалось бы, что такой вопрос поставить возможно.

Что касается вопроса 9-го, то если он поставлен в условной форме, то предполагается, что у экспертизы имеется материал по этому вопросу и они знают или могут узнать по материалам, чья была эта установка. Поэтому я думаю, что можно было бы удовлетворить в данном случае ходатайство подсудимого Монкгауза и поставить на разрешение экспертной комиссии все 10 вопросов.

Дмитриев (член суда). Подсудимый Монкгауз, вы задаете такой вопрос: «Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара».

Испытания этих турбогенераторов были произведены?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. И данные об этих испытаниях имеются?

Монкгауз. Да.

Дмитриев. Подсудимый Монкгауз, по 4-му вопросу суд желает знать, на какую часть обвинительного акта вы ссылаетесь, задавая подобный вопрос, т. е. «считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали при испытании гарантированный фирмой расход пара».

Монкгауз. Это на стр. 39.

Дмитриев. Пожалуйста, прочтите.

Монкгауз (читает). «Работа агрегатов при расстроенном регулировании, заключает экспертная комиссия, может привести либо к серьезным авариям, либо увеличить их...».

Дмитриев. Но это идет под заголовком, который говорит: «Наличие ненадежного регулирования турбины, которое с момента пуска не выдержало гарантии и не обеспечило нормальной эксплуатации», т. е. не турбина не выдержала гарантий на расход пара, а не выдержаны гарантии регулирования.

Вы понимаете гарантию регулирования очевидно как гарантию на зависимость расхода пара от нагрузки?

Монкгауз. Может быть это немножко неправильно сформулировано, потому что при испытании на расход пара одновременно мы испытываем регулировку со всех сторон.

Дмитриев. Как бы вы желали изменить редакцию?

Монкгауз. Можно так оставить или можно просто так сказать: выдержан ли гарантированный расход пара.

Дмитриев. Если оставить в такой редакции, будет ли это верно? Точнее будет сказать «считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали испытание на регулирование», ибо в обвинительном заключении идет разговор только о регулировании.

Монкгауз. Я должен объяснить, почему это так. По-английски «консомпшн тест» есть испытание расхода пара. Поэтому получилось недоразумение в формулировке.

Дмитриев. Вы не возражаете против такой формулировки?

Монкгауз. Можно.

Председатель. Суд задает следующие вопросы экспертизе:

1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка (стр. 30).

2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым (стр. 31).

3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, проведенное ВЭИ (стр. 31).

4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэс, выдержали испытания на регулирование (стр. 39).

5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания, являются достаточными (стр. 39).

6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс», применяется на зарубежных станциях и работает удовлетворительно (стр. 41).

7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу (стр. 50).

8. Известно ли комиссии, что хауз-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс» (стр. 53).

Что касается 8 и 9-го вопросов, то эти вопросы снимаются, поскольку суд не обвиняет фирму и не обвиняет отдельных представителей фирмы, а обвиняет отдельных граждан советских и английских в отношении конкретных действий, предусмотренных нашим Уголовным кодексом.

Какой перерыв потребуется экспертизе?

Экспертиза. По всем вопросам, кроме 3 и 4, ответы могут быть сформулированы и переданы суду через час. По вопросам 3 и 4, ввиду того, что в деле не имеется протокола испытания ни генератора, ни турбин, ответ может быть дан нами через час по получении материалов.

Председатель. Откуда должны быть получены материалы?

Экспертиза. Из Оргэнерго и ВЭИ.

Вышинский. Может быть сразу следует запросить и Главэнерго?

Экспертиза. Через час по получении материалов ответ может быть дан.

Председатель. Чтобы не затягивать этим судебной процедуры сегодня, если нет дополнительных вопросов, то суд предлагает, не объявляя следствия законченным, устроить перерыв до 7 часов вечера. После этого заслушать заключение экспертизы и после маленького перерыва приступить к прениям сторон часов в 8.

Вышинский. С моей стороны возражений нет.

Коммодов. Нам было бы желательно иметь перерыв до завтрашнего утра, чтобы подготовиться.

Председатель. Больше дополнительных вопросов к подсудимым ни у кого нет?

Вышинский. У меня нет.

Шварц. У меня есть один вопрос к Зорину.

Подсудимый Зорин, вы объясняли суду, что Торнтон дал вам предложение вступить и приобщиться к контрреволюционной организации во время последней пятой встречи. Подтверждаете?

Зорин. Да.

Шварц. Она состоялась в ноябре 1932 года?

Зорин. Да.

Шварц. Когда вы получили от него 1 000 рублей?

Зорин. В эту же встречу.

Шварц. То есть?

Зорин. То есть около середины ноября.

Шварц. Когда вы ушли в отпуск в 1932 году?

Зорин. 27 декабря.

Шварц. Вернулись?

Зорин. Не вернулся, был арестован.

Шварц. Не вернулись из отпуска и были арестованы. Позвольте задать последний вопрос. Эта тысяча рублей была передана за конкретную вредительскую работу, уже произведенную или за будущую?

Зорин. За будущую.

Шварц. Одну тысячу рублей вы получили за будущую вредительскую работу. Вы успели ее осуществить?

Зорин. Нет.

Шварц. Это вопрос о связи. Торнтон еще не вернулся?

Зорин. Нет.

Шварц. Значит после отъезда вы его не видели?

Зорин. Нет.

Председатель. Больше вопросов нет?

Вышинский. Не имеется.

Председатель. Объявляю перерыв до 7 часов.

Заседание Специального присутствия Верховного суда СССР
закрывается в 11 час. 10 мин.

П. п. В. В. Ульрих
Председатель Специального присутствия
Верховного суда СССР.

А. Ф. Костюшко
Секретарь

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 апреля 1933 г. 19 час.

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется. У экспертизы имеется заключение?

Экспертиза. Есть протокол.

Председатель. Огласите пожалуйста.

Голубцов. Экспертной комиссии было предложено 8 вопросов, по которым она сделала следующее заключение:

Вопрос 1. Мог ли кусок металла, найденный под клапаном, пройти в турбину, поскольку на паровой коробке имеется предохранительная сетка? (Стр. 30.)

Ответ. Комиссия считает, что при наиболее неблагоприятных условиях является возможным, что куски металла, найденные под клапаном и перед сеткой, под влиянием проходящей струи пара со временем могли бы частично разрушить сетку и проникнуть в турбину. Однако комиссия считает, что главная опасность от попадания железа под клапан заключалась в том, что железо не давало возможности полного закрытия стопорного клапана. В случае отказа от работы главного регулирования при сбросе нагрузки (что не является необычным для турбины «Метро-Виккерс») разгон машины должен быть предотвращен закрытием стопорного клапана. Невозможность его закрытия из-за попадания куска железа могла поэтому служить причиной большого разгона турбины и даже аварии.

Вопрос 2. Могло ли качество монтажа при установке генератора быть причиной вытекания лака из статора, поскольку обмотка статора производится на заводе и статор присылается готовым?

Ответ. Качество монтажа генератора при условии присылки его завода готовым не является причиной вытекания лака. Однако ошибки в монтаже и установке охлаждения генератора и в аппаратуре, связанной с охлаждением, могут повысить температуру обмотки статора, благодаря чему вытекание лака усилится.

Вопрос 3. Считает ли экспертиза нагревание генератора на Челябинской электростанции нормальным и отвечающим техническим нормам, если принять во внимание исследование, произведенное в ВЭИ (Стр. 31.)

Ответ. По договору Аркоса с фирмой «Метро-Виккерс» в отношении генератора для Челябинской станции максимальное увеличение температуры сверх температуры окружающего воздуха в 35°, при мак-

симальной длительной нагрузке в 24 000 киловатт (30 000 киловольт-ампер) не должно превосходить: для обмотки статора, при измерении термометром, 50° Цельсия, а при определении по методу сопротивления—80° Цельсия (для обмотки ротора при определении по сопротивлению в 80° Цельсия).

При испытании генератора № 2 на Челябингрэсе, произведенном ВЭИ с 11 по 27 июля 1932 г., было установлено, что в отношении нагревания меди ротора и железа статора генератор удовлетворяет нормам СГЭ, но в отношении нагрева меди статора генератор не удовлетворяет техническим условиям договора, так как по ртутному термометру на лобовых частях статора повышение температуры, вместо допустимых по договору 50°, достигало 60° при силе тока статора в 1 541 ампер. Следовательно, при номинальном токе статора в 1 578 ампер превышение температуры было бы еще больше.

Вопрос 4. Считает ли экспертиза, что турбогенераторы фирмы «Метро-Виккерс» мощностью в 24 000 киловатт, установленные на Ивгрэсе, выдержали испытание в части регулирования? (Стр. 39 обвинительного заключения.)

Ответ. На основании рассмотренных материалов, представленных в распоряжение экспертной комиссии, последняя устанавливает:

1) По договору изменение числа оборота при мгновенном сбросе от полной нагрузки до нуля не должно превышать плюс 5% и плюс 3% при установившемся режиме.

2) При мгновенном сбрасывании или изменении 25% от полной нагрузки число оборотов не должно превышать плюс 5% и плюс 2% при установившемся режиме.

3) 22 октября 1931 г. (см. акт от 12 ноября 1931 г.) представитель Ивгрэс в присутствии представителя фирмы Шепли произвели испытание регулирования турбины № 2 на сброс нагрузки, при этом во всех случаях число оборотов повышалось до, приблизительно, 3 300 оборотов в минуту и регулятор безопасности приходил в действие.

4) На техническом совещании 11 декабря 1931 г. в присутствии представителя фирмы Торнтон были отмечены следующие дефекты регулирования турбин:

а) необходимость ручного регулирования обходным вентилем на паропроводе при холостом ходе для поддержания постоянного числа оборотов;

б) повышение числа оборотов свыше 5% при частичном сбросе нагрузки (10—15 тыс. киловатт) и выключение при этом машины автоматом безопасности.

5) В отчете об испытании турбины № 1 и 2, произведенных Оргэнерго в январе 1932 г., относительно регулирования турбин указано:

а) при сбросе 17 100 киловатт на турбине № 1 сработал автомат безопасности. Увеличение числа оборотов в этом опыте составило 7%;

б) при пробе скоростного автомата на той же машине искусственным повышением числа оборотов путем подтягивания муфты регулятор автомат безопасности подействовал при повышении числа оборотов на 9½%;

в) на турбине № 2 при сбросе 16 000 квт было повышение числа оборотов на 7%;

г) при сбросе 11 600 киловатт у этой же турбины число оборотов возросло на 6⁰/₀.

Изменения повышения числа оборотов как при сбросе нагрузки, так и при испытании автомата безопасности производились при помощи предварительно выверенного тахограмма (тахограммы этих испытаний имеются в материалах).

На основании указанного экспертиза констатирует неудовлетворительную работу регулирования обеих машин и считает, что «гарантии в отношении регулирования не выдержаны».

В о п р о с 5. Считает ли экспертиза, что меры, принятые персоналом фирмы для устранения дефектов облопачивания являются достаточными? (Стр. 39 обвинительного заключения.)

О т в е т. На основании рассмотренных актов и материалов, фиксирующих поломки облопачивания турбин на Ивгрэсе и на других станциях, а также на основании просмотра материалов конструктивного и расчетного характера, комиссия приходит к заключению, что меры, принимавшиеся для устранения этих дефектов, были недостаточны. Конструкция лопаток ненадежна, так как лопатки слабы, имеют чрезмерное напряжение от паровой нагрузки и ломаются вследствие усталости металла при резонансных вибрациях. Введение скрепляющей проволоки является лишь паллиативной мерой, направленной к улучшению условий работы лопаток за счет предотвращения резонанса одного из типов тангенциальных колебаний лопаток (т. е. одного определенного порядка тангенциальных колебаний).

Имея в виду также возможные резонансы аксиальных колебаний, чрезмерное напряжение лопаток в данных конструкциях при аксиальных вибрациях и ничтожное влияние проволоки на аксиальные вибрации, следует признать установку лопаток с проволочными бандажами равно как и установку новых лопаток той же конструкции взамен сломанных (что практиковалось по несколько раз) мерой недостаточной.

Действительной мерой комиссия считала бы радикальную переделку конструкции облопачивания в сторону значительного снижения напряжения рабочих лопаток, чтобы избежать усталости металла при имеющихся вибрациях турбинных лопаток.

В о п р о с 6. Известно ли экспертной комиссии, что предохранительное устройство регенеративного подогревателя к турбинам «Метро-Виккерс» применяется на заграничных станциях и работает удовлетворительно? (Стр. 41 обвинительного заключения.)

О т в е т. Экспертиза не располагает документами, подтверждающими надежную и безупречную работу предохранительной аппаратуры подогревателей турбин «Метро-Виккерс» на заграничных станциях. Однако имеющиеся материалы о работе защитной аппаратуры подогревателя № 3 турбин 24 000 киловатт свидетельствуют о случаях отказа от работы аппаратов при наполнении подогревателей водой (поплавок аппарата заполнялся водой и не работал).

Это обстоятельство говорит о ненадежности работы предохранительной аппаратуры на Ивгрэсе.

В о п р о с 7. Можно ли считать повреждение значительным, если регулятор напряжения на второй трансформаторной группе 1-й МГЭС через 8 часов после аварии был введен в работу?

Отвѣт. При аварии с регулятором второй трансформаторной группы на 1-й МГЭС 40 000 ква, происшедшей 1 октября 1932 г. (справка Мосэнерго от 16 апреля 1933 г.), были повреждены четыре втулки переключательного масляника, контакты переключателя и контакты масляного выключателя.

Трансформатор был снабжен временной защитой транслей. Релэ были сильно затянуты и при аварии с трансформатором защита не сработала, и генератор, от которого производилось испытание, был выключен от руки.

Экспертиза устанавливает:

1) повреждение оборудования при аварии не приняло больших размеров;

2) выход из работы трансформаторной группы продолжался порядка 8 часов;

3) часть поврежденного оборудования была заменена из имеющегося на станции запасного фонда, часть же, ввиду отсутствия запасных частей, после зачистки и ремонта была поставлена обратно на свое место.

Однако экспертиза считает:

1) выход из работы такого крупного агрегата, как трансформаторная группа 40 000 ква, даже на несколько часов может вызывать большие расстройства в электроснабжении;

2) если бы трансформаторная группа при ее пробном включении не была поднята от нуля от отдельного генератора, а была бы непосредственно поставлена под нагрузку, то в этом случае размер аварии был бы значительно больше и повреждения оборудования гораздо серьезнее, что вывело бы трансформаторную группу из работы на значительный срок.

Вопрос 8. Известно ли комиссии, что хаус-турбина № 17 на 1-й МГЭС не является машиной поставки фирмы «Метро-Виккерс». (Стр. 53 обвинительного заключения.)

Отвѣт. Экспертизе известно, что хаус-турбина № 17 1-й МГЭС не является машиной поставки и фирмы «Метро-Виккерс».

Члены экспертной комиссии: Голубцов, Браилов, Новиков, Улатов, Снетков, Смирнов.

Председатель. Имеются ли вопросы у защиты?

Защита. Нет.

Председатель. Имеются ли вопросы у прокуратуры?

Рогинский. Нет.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, имеются ли у вас вопросы к экспертной комиссии?

Монкгауз. Вопросов у меня нет, но я считаю, что это не совсем здесь все правильно: есть некоторые пункты, по которым можно спорить... Я думаю, что можно было бы поспорить с этой комиссией, но не место здесь для спора. Если были такие места, где мы не выдерживали гарантии, если такие случаи были—это нужно было сообщить нашей фирме через Электроимпорт и Аркос. Я думаю, что в этом решении можно поспорить.

Рогинский. Я плохо слышу Монкгауза.

Председатель. Подсудимый Монкгауз говорит, что есть некоторые пункты заключения экспертной комиссии, которые можно оспаривать.

Рогинский. Я полагаю, что если подсудимый Монкгауз имеет основания опровергать те или иные утверждения, которые вынесены экспертизой, то нужно сделать сейчас на этом заседании, причем это опровержение должно касаться конкретных фактов, вменяемых в вину Монкгаузу.

Мы здесь неоднократно указывали и суд это подтверждал, что вопросы, связанные с доставкой оборудования фирмой, вообще не являются предметом рассмотрения судебного заседания. Мы здесь рассматриваем исключительно и только конкретные факты преступления, предъявленные отдельным подсудимым, сидящим на скамье подсудимых. И с этой только точки зрения и может рассматриваться заключение экспертной комиссии.

Монкгауз. Если с этой точки зрения нужно рассматривать решения экспертной комиссии, тогда у меня нет больше вопросов, потому что я думаю, вы согласны, что в большинстве ответы, которые экспертиза дала, указывают на дефекты, которые ни в коем случае не могут быть отнесены к подсудимым.

Рогинский. Это—вопросы оценки фактов, которая будет дана здесь в прениях сторон.

Председатель. Имеются дополнительные вопросы у прокуратуры?

Рогинский. Нет.

Председатель. Ходатайства?

Рогинский. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов?

Смирнов. Разрешите два вопроса узко биографического характера подсудимому Макдональду.

Председатель. Пожалуйста.

Смирнов. Я хотел спросить Макдональда, когда, в каком возрасте у вас заболела нога? Вы ушибли ее, разбили. Долго ли вы были лишены возможности владеть этой ногой без какого-нибудь аппарата, приспособления?

Макдональд. Пять лет.

Смирнов. Значит с 11 до 16 лет. Вы имели аппарат, что ли?

Макдональд. Да.

Смирнов. В вашей семье еще две сестры и брат. Брат еще совсем молодой, а сестры постарше, или брат постарше, а одна сестра еще совсем молодая девушка?

Макдональд. Одной сестре 26 лет, другой 21 год. Брату тоже 21 год.

Смирнов. Что они, близнецы?

Макдональд. Да.

Смирнов. Брат и старшая сестра работают?

Макдональд. Все трое работают.

Смирнов. Больше вопросов нет.

Либсон. Подсудимому Макдональду вопрос. Скажите, пожалуйста, когда вы работали в Москве или когда вы работали вне Москвы на других электростанциях, приезжая в Москву, вы обычно проживали там, где все англичане, т. е. в этом общежитии?

Макдональд. Да.

Либсон. Всегда там были, там ночевали, столовались, все время были там?

Макдональд. Да.

Либсон. У меня вопрос к подсудимому Олейнику. Скажите, когда вы работали на МОГЭС, где вы проживали?

Олейник. В гостинице.

Либсон. В какой?

Олейник. Минское подворье.

Либсон. А вы бывали часто в общежитии у англичан?

Олейник. Я был в Лосиноостровской один раз, а в конторе бывал почти каждый выходной день или через выходной день—раза 2—3 в месяц.

Либсон. В конторе бывали часто?

Олейник. Раза 2—3 в месяц.

Либсон. Больше вопросов не имею.

Председатель. Объявляю судебное следствие законченным. После перерыва будет речь государственного обвинителя Вышинского. У меня имеется один вопрос к защите: вы распределили порядок выступления?

Либсон. Первым будет выступать Казначеев, потом Шварц, потом Пинес, Либсон, Смирнов, Брауде, Долматовский, Лидов и Коммодов.

Председатель. Объявляю перерыв на полчаса.

* * *

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается. Слово предоставляется государственному обвинителю т. Вышинскому.

Вышинский. Может быть какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного суда по настоящему делу. Нас отделяет немного времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того предварительного расследования, и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения Специального присутствия Верховного суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное, мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классовой ненавистью, охваченные своим чувством классовой вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях

и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возмущенное хладнокровие, переступают границы допустимого и конечно получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор. Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоевавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоевавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой коммунистической партии новое социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политотчете ЦК говорил, что:

«Говорят далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнанных Беседовских, Саломонов, Дмитриевских и т. п.

Но это становится,—говорил товарищ Сталин,—совсем забавным,—им оказывается, не нравится советский строй. Но нам тоже не нравится капиталистический строй, не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет многомиллиардными богатствами. Но, раз мы согласились,—говорит товарищ Сталин в этом своем историческом политотчете,—не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян Союза советских социалистических республик, закрепленное нашей конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей

последовательностью. Понятно следовательно, кто не хочет считаться с нашей конституцией, может проходить дальше—на все четыре стороны».

Этим господам, видите ли, не нравится наша конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и конституцией, и советскими порядками, и советским судом клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями—словом, обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд—это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это классовый суд, то-есть суд, который стоит на-страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплуататоров, против врагов трудящихся, то в этой стране нет правосудия.

Мистер Пэтрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно в Советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, подвешенное позади судейского стола, за которым судьи сидели и курили». Мистер Хенон—с места—«Судьи курили?»—Мистер Пэтрик: «Да». «На этом полотнище,—продолжал мистер Пэтрик,—большими белыми буквами было написано: «Суд—орган пролетариата».

«Это одно,—говорит он,—из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях».

«Эти слова означают как раз то, что они говорят,—суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели».

«Но,—продолжал Пэтрик,—сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь,—говорит далее Пэтрик,—что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Пэтрик хотел сказать, что раз классовой борьбы нет, то следовательно суду ничего не остается делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего

класса и никогда не отрывали от этих задач и задач нашей судебной действительности нашей судебной работы.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту действительно величайшую особенность нашего советского правосудия: «На месте старого суда,—говорит он про нашу Октябрьскую революцию,—она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, и только этих классов, в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий».

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющей величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов эксплуатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был,—говорит Ленин,—в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации».

И когда нам говорят о том, что вот наш советский суд—классовый суд и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплуататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплуататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

Кое-какие господа из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудие, а в советском суде правосудия искать нельзя.

Вот например майор Хильс (Hills), выступая не так давно в палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (то-есть в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, а также капиталистических, как Америка, несравнимо с правосудием в России».

Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет».

Майор Хильс—храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору не плохо ответили его же сограждане, другие члены парламента.

Вот например Криппс, в том же заседании, в палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд адвокат, если бы он был здесь, я уверен поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела шотландского шелка. Прошел целый месяц после ареста

и освобождения под залог, прежде чем обвинение было полностью сформулировано».

Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керквуд, заявивший, что в 1913 году член парламента от Дэмбартона был арестован в 1 час 30 минут ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев.

Это не я говорю. Это говорит Керквуд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане, не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неразвращенными глазами эту действительность, каждый день издевающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии, и в частности,—я об этом должен сказать именно на этом процессе,—со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Рэнсимен сказал по поводу нашего процесса, то есть именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов, в роде этого по обвинению в саботаже, часто случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился бы осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на ходу опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается одного из крупнейших процессов и кстати сказать одного из крупнейших вредительских процессов—к Шахтинскому процессу, по которому были оправданы: Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер.

4 из обвиняемых по крупнейшему вредительскому процессу, по процессу о контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать тот вывод, которым он поделился в палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метро-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и в частности такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплуататорских классов, пытающихся скрыть и замазать истинную эксплуататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности—своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы английского государства. У Маркса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности». И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны?

Маркс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... тот получает на предварительный просмотр только обвинительный акт и первоначально данные мировому судье показания, и следовательно не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас по окончании обвинения отвечать, говорить может только один раз. Если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, он погиб».

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям основоположником научного социализма и одним из величайших наших учителей—Карлом Марксом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью-лидер» характеризует мирутский процесс, «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира». И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция. 4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «третья степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физического и морального воздействия,—все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране—к Советской стране, по отношению к един-

ственному в мире подлинному правосудию—правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу и общим вопросам наших судебнопроцессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось в частности о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом»... Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знает участия защиты, но это потому, что самый наш закон, и я должен об этом напомнить сегодня, и в частности 111 и 112 ст.ст. Уголовно-процессуального кодекса на самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела,—обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие так называемые цивилизованные страны, то очень нетрудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на кодекс 1924 года. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147, защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, «если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и в частности при помощи той 206 ст. Уголовно-процессуального кодекса, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно,—они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который конечно должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые,—я назову Торнтон, я назову Монкгауза,—по крайней мере пытались осуществить здесь перед нашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря ту линию, которая была им заказана

и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги». Басня Торнтон о «моральном давлении», с которым он так постыдно оскандалился, басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, — я не знаю, кто был инициатором ее, — но версия, здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был поплатиться необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта, на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать, — это документ, носящий № 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза. «Советский посол, — телеграфирует Ванситтарт сэру Овию, — был у меня по моему требованию». Так сказано в документе 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, — читаем мы дальше, — что из того, что произошло вчера в палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой были инсценировкой, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз — козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких индустриальных мероприятий в России».

«Советское правительство, — говорится в этом документе, — может говорить что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана, занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии, эта телеграмма под номером 27, а вчера — 15 апреля в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что «этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае, — это следующее: «я сам не знаю, чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответствующим образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея предъявленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму

в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«И,—говорит оратор,—справлялся у посла относительно допрашивающих—со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное конечно сообщение, которое могло разумеется внушить очень печальные настроения, даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывные 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз, один против трех смен следователей—все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза.

19 часов. Вероятно первый совравший, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования в связи с этим процессом,—требования, с негодованием нами отвергнутые.

И когда здесь вчера Монкгауз заявил: «я признаю свою ошибку, я извиняюсь», то мне казалось, что он извиняется не перед вами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул.

А как обстояло дело на самом деле?—Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3 часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 часов 30 мин. В 7 часов 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток—36 часов, 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось, что?—Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены в связи с этим заявлением является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно предъявил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали Шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков.

Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас и не только остатками той буржуазии, которая ниспровергнута и Октябрем и всеми 15 годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазии, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской революцией капиталистических эксплуататорских классов в нашей стране, находящих всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги,

как я уже сказал, встречаются обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу пятью днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов. При всем отличии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением, несмотря на то, что у них нет никакой надежды на какой-нибудь успех в своей вредительской работе. Важно отметить именно то обстоятельство, что хотя вредительство, бывшее, по словам товарища Сталина, несколько лет тому назад своего рода модой, перестало уже быть этой модой, тем не менее эти вредительские акты, продолжают, тем не менее они организуются и, что очень важно сейчас отметить, организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения, область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства.

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу Шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако одновременно нужно будет сказать, что, несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых выражается это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, неослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду,—говорил товарищ Сталин,—то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызвать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага,—таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Но нужно иметь в виду,—продолжал товарищ

Сталин,—и то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение не есть простое географическое понятие. Капиталистическое окружение—это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и при случае путем военной интервенции: Доказано, что вредительство наших спецов, анти-советские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР...»

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией, этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже взорвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, будь то Гусев или Лобанов, Сухоручкин или Зорин, будь то Торнтон или Монкгауз, будь то Олейник—один из наиболее непривлекательных типов из числа подсудимых, или Кутузова, характеристику которой мы дадим несколько позже,—все это убедительно говорит действительно о тех классовых отношениях своеобразия нынешних форм этой классовой борьбы, проявляющейся в частности и в актах вредительства.

Было бы однако в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электровредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс,—что и сейчас мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой—одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалистического строительства, произошел перелом и в нарастающей и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931/32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись на нашей советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удиви-

тельного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда товарищ Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса примерно к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, товарищ Сталин оказался прав. «Вредители есть,—писал товарищ Сталин,—и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону советской власти,—активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы, и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье». А те, которых мы из подполья сейчас вытащили за ушко, да на солнышко, производят впечатление, в своей подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей 2-го сорта».

Правда, среди них есть еще доцент Зорин, правда, среди них еще есть достаточно крупные инженеры, например, Сухоручкин, но среди них преобладают Олейники, Гусевы, Лобановы, люди, которые вредят потому, что это лежит не столько в их убеждении, сколько лежит в их социальной природе. Мы должны констатировать своего рода измельчание, которое как раз говорит о том, что вредительство доживает в нашей стране, очевидно, свои последние дни. Конечно оно и впредь еще будет вспыхивать то здесь, то там, поскольку будут оставаться классы, поскольку будут оставаться еще неисчезнувшие и неустраненные классовые противоречия, поскольку будет еще существовать капиталистическое окружение, неизбежно влияющее на возникновение контрреволюционных, вредительских рецидивов в СССР. Именно поэтому мы должны будем и впредь попрежнему сохранять нашу классовую бдительность, ни в какой мере не ослабляя нашей решительности в борьбе с этими явлениями, ни в какой мере не ослабляя и нашу беспощадность в истреблении этих позорных контрреволюционных явлений.

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования, 2) военный шпионаж, 3) подкуп. Тягчайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, хотя во всех вредительских контрреволюционных группах всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напомню здесь объяснения некоторых подсудимых, которые на мой

вопрос—«чем же вы руководствовались» и даже на вопрос своих собственных защитников—«руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями»—мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос—до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс, гигантски растущий в своих творческих силах, в своем творческом строительстве, растет во всех областях этого своего строительства, растет культурно, растет экономически, растет политически, в то же самое время как эти последние остатки, эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу?—Мы судим электриков-вредителей, организовавших в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемуся за свои все новые и новые успехи. Конечно мы заранее были уверены—и действительность это красноречиво подтверждает,—что все и всякие подобного рода попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние. И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 000 киловатт,—Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Могэс, Зугрэс, Днепрогрэс, Нигрэс, Челябингрэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам товарища Ленина, «коммунизм есть советская власть плюс электрификация».

Мы имели в 1928 году только 18 районных станций с мощностью 610 киловатт, а в 1932 году мы имеем 44 станции с мощностью в 21½ миллиона киловатт. Мы имеем теперь мощность всех станций в 4 600 000 киловатт против 1 875 000 киловатт в начале первой пятилетки.

Мы имели в 1928 году количество электроэнергии, измеряемой в 5 миллиардов киловатт-часов, а в 1932 году мы имеем 13½ миллиардов киловатт-часов в год.

Ну-ка, вредители,—что вы на это скажете? Пропали ваши усилия и не могли не пропасть, потому что против вас стоит непобедимой стеной пролетариат, против вас стоит непобедимой стеной честная советская

интеллигенция, вместе с рабочим классом строящая социалистическое общество, против вас стоит во всеоружии пролетарская диктатура, а вы— лишь жалкая группа отщепенцев технической интеллигенции, группа, отмеченная клеймом позора.

Я уже указывал на то, что мы благодаря величайшим усилиям, величайшим жертвам, величайшему самопожертвованию, настойчивости, труду имеем 10 станций мощностью свыше 100 000 киловатт. Среди них имеются те самые станции, с которыми нам сейчас, к сожалению, приходится иметь дело, когда мы говорим о вредительских группах, о контрреволюционных гнездах, пытавшихся разрушить молодой организм этого еще строящегося участка нашего социалистического хозяйства.

В настоящее время, как я уже сказал, изменились в значительной степени по сравнению с тем, что мы имели в прошлые годы, и методы вредительства. В данном деле со всей отчетливостью сказались основные четыре способа вредительства: во-первых, заведомое, умышленное сокрытие государственными служащими, поставленными на ответственные посты, тех дефектов, устранение которых являлось их первой и прямой обязанностью.

Второе—затягивание работ всякими искусственными способами: ненужным ремонтом, плохим монтажом и т. д., удлинением пусковых периодов, отсрочиванием испытательных сроков, наибольшим удлинением этих сроков.

Третье—прямая порча агрегатов, как это мы видели например в случае, о котором здесь так эпически спокойно повествовал Гусев, когда рассказывал о порче им моторов в 1 400 л. с., или Котляревский, когда говорил о том, как он сунул болт в междужелезное пространство между ротором и статором и вывел таким приемом турбогенератор из строя.

Четвертое—более утонченные, более искусные, более хитрые и более скрытые замаскированные методы вредительства, удара по нашему хозяйству, когда сознательно подбираются соответствующие вредительским целям кадры, когда сознательно ставятся на более ответственные участки работы менее подготовленные для этой работы люди, когда более ответственная и важная работа заведомо и сознательно для организующих это вредительское дело поручается тем, кто менее подготовлен или вовсе не подготовлен к этой работе, с прямым расчетом, что непроверенный кочегар заснет, что неопытный механик не поймет, в чем дело, не сумеет во-время открыть клапан, который нужно, или, наоборот, закроет клапан, который не нужно, и т. д. и т. п. Вот нынешние методы и способы вредительства, которые обладают всеми необходимыми для успеха этого вредительства качествами, когда вредитель может действовать с очень малым риском, когда, действуя таким образом, он может рассчитывать на очень большую безнаказанность, когда он наконец может рассчитывать на длительность самого срока своей вредительской работы. Эти вредительские действия тем и опасны, что они, будучи очень часто сами по себе мелкими, в то же время производимые систематически изо дня в день, на каждом шагу, затрагивая каждый агрегат или множество отдельных агрегатов, именно этой своей обыденностью и повседневностью способны у некоторых притуплять чуткое и настороженное отношение к этим явлениям.

Здесь характерна именно форма этих вредительских актов, очень удобная для того, чтобы прикрыть это вредительство всякого рода «объективными причинами», «неполадками», тем, что как будто вовсе не зависит от злой человеческой воли.

Это в высшей степени характерно сказывается на анализе целого ряда аварий, с которыми мы встречаемся в настоящем деле и которые будут дальше служить предметом моего более подробного анализа.

Мы знаем, что в настоящее время классовый враг, разгромленный, разбитый, не сможет, не сумеет, как бы он этого ни хотел, пойти прямой атакой против советской власти, против социалистического строительства, на каком бы участке этого строительства он ни обнаружил свое присутствие. Мы знаем, что от этих прямых, лобовых ударов классовый враг, потерпевший жесточайшее поражение, перешел к другим методам, действуя так называемой тихой сапой. Именно этим объясняется то, что он становится менее легко уловимым, менее легко уязвимым и менее следовательно доступным для изоляции.

Но в этом и заключается громадная опасность этих преступлений, самих по себе может быть мелких, но во всей своей совокупности составляющих громадную социальную опасность. Социальная опасность преступлений, составляющих содержание данного дела, заключается не в том, что взорваны станции, не в том, что выведены из строя сильные, крупные, обладающие большой мощностью турбины, что разрушена и расстроена вся система электроснабжения.

Нет. Но этого и быть не могло, этого и быть не может, потому что фабрики у нас находятся в руках пролетариата, потому что рабочий класс достаточно бдителен для того, чтобы предотвратить такие тяжелые последствия, какие могли бы быть при условии безнаказанной деятельности вредительских групп и отдельных вредителей. Опасность этих преступлений, которыми мы занимаемся в нашем деле, заключается не в этом, а в том, что преступники пытаются бить по мелочам, создавая непрерывные затруднения, непрерывное «аварийное состояние», как это мы видели на отдельных примерах, по отдельным станциям—по Зуевке, по Мосэнерго, по Ивгрэсу, по Златоусту, по Челябинскому и т. д. и т. п.

Здесь, на протяжении всего этого процесса, несколько раз некоторыми обвиняемыми были сделаны попытки объяснить свои действия тем, что они-де оказались вовлеченными в эту контрреволюционную деятельность другими лицами, и в частности английскими монтажными инженерами, сидящими на скамье подсудимых. О вине английских монтажных инженеров по этому делу мы будем говорить особо. Сейчас я говорю об этом для того и потому, чтобы сразу же наметить основные линии обвинения.

Нужно сразу же сказать, что мы к государственным служащим, нарушившим свой долг перед государством, потерявшим чувство своей родины, забывшим свой долг перед своим социалистическим отечеством, должны подходить и подойдем самым суровым образом, безотносительно к тому, явились ли они «жертвой» чьего-либо коварства или же пошли по пути преступления самостоятельно, независимо ни от каких посторонних влияний.

Мы должны раз навсегда, и пользуясь высокой трибуной Специального присутствия Верховного суда, на всю нашу страну заявить о том, что

государственные служащие есть государственные служащие, к которым у нас будет отношение как к государственным изменникам в тех случаях, когда они будут действовать так, как действуют подсудимые, привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу.

Я должен буду напомнить постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 14 марта этого года, которое, хотя и обращено непосредственно к ОГПУ, имеет для нас глубочайшее принципиальное значение, постановление, которое говорит об особо строгой ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты, ими совершаемые, за которые они должны отвечать особо строго, и что эта особая строгость будет применена по отношению ко всем уличенным в этих преступлениях служащим в государственных учреждениях и предприятиях. Каждый гражданин нашей страны, состоящий на службе в наших государственных учреждениях и предприятиях, которому вверен определенный участок работы, на ответственности которого лежит правильное функционирование того или иного учреждения или предприятия, являющегося элементом, составной частью всей системы нашего государственного устройства, должен нести особую ответственность перед своим обществом, перед своим народом. От этой ответственности он не может быть освобожден ни в малейшей степени, независимо от того, сам ли он пошел по пути преступления, или его кто-то повел по этому пути преступления, или с ним еще кто-то пошел по этому пути преступления.

Вот почему государственное обвинение, поддерживающее обвинение по настоящему делу против лиц, сидящих на скамье подсудимых, будет и в дальнейшей своей оценке и квалификации степени ответственности и вины отдельных подсудимых исходить именно из этих соображений, имея в виду, что мы должны самым суровым образом ответить на каждую попытку изменить своему долгу государственного служащего, и я бы сказал даже больше,—даже независимо от степени и объема причиненного государству этими преступлениями вреда.

В этом деле государственное обвинение считает основными и главными виновниками государственных служащих, и против них обвинение в первую очередь направляет свое острие, улики, доказательства и требования суровой уголовной репрессии. Ибо именно они—государственные служащие—обязались честно работать на пролетарское государство и изменили этому обязательству, изменили своему долгу, предали свое пролетарское государство. Мы к ним относимся поэтому иначе, чем относимся к служащим частных фирм, частных контор и своих, и чужих. Мы должны особенно подчеркнуть сугубую ответственность наших государственных служащих по сравнению с ответственностью специалистов-иностранцев или вообще иностранцев, может быть не специалистов, или иных специалистов, чем те, за которых мы их принимали, явившихся к нам работать, участвовать в нашем общем государственном строительстве. Конечно отвратительны, безобразны преступления, совершенные Торнтонами и Монкгаузами, Кушни и Макдональдами. Но нет слов, чтобы выразить все чувство негодования, чтобы найти формулу презрения, говоря об ответственности государственных служащих нашей страны, забывших свой долг перед своей страной, изменивших своей социалистической родине. Они изменяли, изменяли настолько

систематично, настолько повседневно, что, в сущности говоря, некоторые из них даже забывали, чьи они служащие, и вели себя так, как будто они являются служащими не государственного учреждения, а служащими тех коммерческих предприятий, которые сами несут очень высокие обязательства и очень высокую ответственность перед нашим государством, с которым они вступают в те или иные деловые отношения.

Я хочу воспользоваться этой частью своей речи, чтобы решительным образом отвергнуть всякие попытки, которые делались Монкгаузом, потащить обвинение на путь нападения на отдельные иностранные фирмы, в частности на фирму «Метро-Виккерс». Сегодня ряд вопросов, которые были заданы Монкгаузом экспертизе, в сущности говоря, нельзя было расценить иначе, как попытку спровоцировать нас, попытаться изобразить дело так, как будто бы на скамье подсудимых сидит не Монкгауз, а фирма «Метро-Виккерс». Я тогда же предостерегал от подобного рода недоразумений и должен сейчас от этого так же решительно предостеречь. Если бы у нас были достаточные данные для предъявления обвинения к фирме «Метро-Виккерс», мы не остановились бы на полпути. Но в данном случае мы должны сказать, что у нас для этого оснований нет, что судить «Метро-Виккерс» в связи с настоящим делом в уголовном порядке или в каком-нибудь ином, чем это предусмотрено существующим договором по отношению к фирме «Метро-Виккерс» мы не собирались и не собираемся. Преступления отдельных должностных лиц Московской конторы «Метро-Виккерс» или даже преступные действия отдельных лиц за пределами СССР, имеющих отношение к этой конторе, мы никак не склонны рассматривать как действия, совершенные этой фирмой, за которые эта фирма должна нести ответственность как таковая. Мы говорим об отдельных лицах, будь то Монкгауз или Ричардс, мы говорим об отдельных преступлениях как тех, которые находятся сейчас на нашем рассмотрении, так и тех, которые не находятся на нашем рассмотрении в данное время, вне какого бы то ни было отношения к фирме, по отношению к которой Монкгауз сегодня сделал попытку поставить вопрос так, как будто это не он, а фирма сидит на скамье подсудимых. Монкгауз должен забыть, что он здесь фигурирует в каком-нибудь ином качестве, кроме одного — обвиняемого в тягчайших государственных преступлениях служащего этой фирмы и не больше. Точно так же, как он должен забыть, что он здесь может фигурировать в качестве уполномоченного по Московской конторе, принимающего на себя обязанность защищать всех остальных служащих этой конторы, привлеченных к ответственности по настоящему делу.

Я уже сказал, что государственное обвинение строит свое обвинение по отношению к подсудимым по настоящему делу по трем основным направлениям.

Это раньше всего умышленная порча агрегатов, оборудования. Это, во-вторых, военный шпионаж и, в-третьих, та система подкупов, с которой мы столкнулись в очень широком виде при рассмотрении индивидуальных преступлений отдельных, привлеченных к ответственности по настоящему делу, подсудимых.

По вопросу о военном шпионаже в ходе судебного следствия было много разговоров, и некоторые из подсудимых делали вид, что они,

В сущности говоря, недостаточно ясно себе представляли содержание этого понятия. Это очень упорно и настойчиво пытался нам здесь внушить Торнтон, который говорил, что шпионаж в его представлении (а эту версию поддерживал и Монкгауз, а за ними двумя шли потом и другие обвиняемые из английских граждан, например Кушни) очень серьезно расходится с теми представлениями, какие он получил в процессе предварительного расследования из формулировок предъявляемых ему обвинений. Все они делали вид, что шпионаж по нашему советскому праву в их представлении есть собирание «всяких» сведений и что там, когда они говорили о признании себя виновными в собирании шпионских сведений, они говорили, если хотите, и правду и неправду. Правду потому, что они употребляли эти слова «шпионские сведения», а неправду потому, что под этими словами они представляли себе совершенно не то содержание, которое соответствует статьям нашего Уголовного кодекса.

Я думаю, что в этот вопрос нужно внести полную ясность. Мы словом «шпионаж» не играем. Мы имеем совершенно точное и ясное представление о том, что такое шпионаж, как контрреволюционное преступление, и мы вправе требовать от каждого прибывающего на территорию нашей страны такого же ясного и точного представления о том, как наш закон и наше государство понимают значение этого слова, значение и содержание этого преступления.

Индивидуализируя и характеризую положение в этом процессе каждого отдельного подсудимого, я останавлиюсь дальше специально на вопросе о том, как ни Торнтон, ни Монкгауз не имели никакого права прикидываться по-своему понимающими значение шпионажа, сводя это понимание не к шпионажу, а к добыванию каких-то «обывательских» слухов и слухов. Но сейчас я хочу остановиться на теоретическом, если позволено будет так сказать, хотя и очень беглом, изложении понятия шпионажа по нашему праву.

Я хотел бы также просить разрешения, ввиду интереса некоторых параллелей, коснуться этого вопроса и с точки зрения иностранного права, права иностранных государств и в том числе английского права, статутного права.

Мне кажется, это будет не бесполезно для нашего дела с точки зрения характеристики или оценки индивидуальной ответственности того или иного подсудимого по настоящему делу в связи с предъявленными к ним в этой области обвинениями.

Мы знаем, что и отдельные лица, находящиеся на нашей территории, и даже целые группы этих лиц занимаются собиранием разнообразных сведений на территории нашей страны. Но мы никогда не предъявляли и не думаем предъявлять кому-нибудь обвинение в шпионаже на основании только того, что кто-либо, вращающийся в тех или иных кругах нашего общества, вполне легальными путями получает те или иные сведения и об экономическом положении нашей страны, и об урожае, и о ходе той или другой хозяйственно-политической кампании, скажем, посевной или хлебозаготовительной, или о тех или иных даже затруднениях, которые переживает та или иная отрасль нашей промышленности или нашего хозяйства, неизменно растущего в процессе постоянного и победоносного преодоления возникающих на его пути затруд-

нений. Мы не вменяем никогда в вину и не можем рассматривать как основание для привлечения к ответственности по обвинению в шпионаже, экономическом или политическом, и тех, кто пользуется различного рода сведениями о политических настроениях тех или иных кругов нашего общества, даже если он эти сведения о политических настроениях этих кругов попытается в той или иной обстановке направить против наших интересов. Мы не можем, скажем, требовать, чтобы лица, принадлежащие к другим классам, стоящие на почве совершенно иных, свойственных им классовых интересов, имеющих определенное совершенно миропонимание и отношение к окружающей их действительности, воспринимали явления нашей действительности так, как воспринимаем мы, советские люди.

Мы никогда не ставим и не поставим вопрос об ответственности по статье 58-6 Уголовного кодекса, когда будем иметь дело с получением или даже собиранием сведений такого рода, о которых я только что доложил суду, т. е. таких сведений, как сведения об экономическом положении, о политических настроениях, об урожае, о разного рода хозяйственных кампаниях и т. д. и т. п.

Но, разумеется, это не дает и не должно давать никому никаких оснований пытаться прикрывать действительно шпионскую работу в настоящем значении этого слова указанием на то, что это «обывательские сведения», как пытался утверждать здесь Торнтон, ссылаясь к тому же на якобы очень широкое понимание шпионажа с точки зрения нашего советского права. А Торнтон так и говорит, что, признавая себя виновным в шпионаже, он думал, что у нас шпионскими сведениями считаются не сведения, имеющие военно-государственное значение, как это есть на самом деле, а всякие сведения, и в том числе такого рода сведения, о которых мы говорили уже выше. Почему он мог так говорить? Может быть потому, что хотел использовать действительно достаточно широкие определения в этой области права капиталистических стран, согласно которым под шпионаж можно подвести и такие действия, которые направляются и против интересов отдельных капиталистических групп или даже отдельных капиталистов.

Наше право для этого не дает никаких оснований. Мы имеем совершенно точное понятие о шпионаже. Оно в высокой степени точно изложено в наших действующих законах, и с точки зрения именно наших действующих законов мы и постараемся строить свое обвинение в шпионаже, которое мы предъявляем по нашему делу целому ряду обвиняемых.

Но предварительно несколько слов о том, как смотрят на вопрос о шпионаже различные иностранные государства. Если обратиться к английскому праву, то мы здесь для ответа на данный вопрос имеем материал в виде закона 22 августа 1911 года о государственных тайнах и такой же закон под аналогичным названием от 1920 года. Статья 2-я закона о государственных тайнах от 22 августа 1911 года, представляющего собой новую редакцию закона 1889 года, гласит следующее: «При уголовном преследовании на основании этой статьи не требуется, чтобы вина обвиняемого была установлена каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности и интересам государства. Обвиняемый может быть осужден, хотя бы такое деяние

и не было установлено, если из обстоятельств дела, из его поведения или из доказанных свойств его характера явствует, что цель, которую он преследовал, заключала в себе угрозу и опасность интересам государства».

Вот как буржуазия защищает интересы своего государства, свои классовые интересы, когда ставит вопрос об ответственности по статьям о шпионаже.

И дальше: «Если какой-нибудь снимок, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запретному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте или используемые в нем, будет собрано, оглашено или передано лицам, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что названные предметы или сведения были изготовлены, добыты, собраны, записаны, оглашены или переданы с целью, угрожающей безопасности интересов государства».

Вот как буржуазия защищает свои интересы в этой области.

А что такое с точки зрения английского закона 1911 года эти самые «запретные места», т. е. «места, запретные в смысле настоящего закона?» Ответ на этот вопрос и очень ясный ответ дает следующая 3-я статья, которая состоит из целого ряда разделов, в том числе и раздела, содержащего следующий перечень:

«Все железнодорожные пути, дороги, проезды, каналы и иные средства сообщения по суше или по воде, включая все постройки, которые составляют их часть или находятся в связи с ними, все места, используемые для производства газовой, водяной или электрической энергии или для иной работы государственного значения» и т. д.

Вот что говорит эта статья, вероятно хорошо известная Торнтону, как бывшему военному и как настоящему военному шпиону.

Мы имеем посвященный тому же вопросу и другой английский закон, являющийся дополнением к только что оглашенным мною двум статьям из этого закона 1911 года, это закон 23 декабря 1920 года, где точно так же, даже еще более решительно, буржуазия в своих интересах, я это еще раз подчеркиваю и повторяю, защищает и охраняет при помощи закона о шпионаже свои кровные, государственные интересы.

Я имею здесь в виду 2-ю статью этого закона, которая излагает чрезвычайно интересные мысли.

«При производстве дел,—говорится здесь,—о ком-нибудь по обвинению в преступлении, предусмотренном 1-й ст. Основного акта, факт, что лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношение с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо, с целью, угрожающей безопасности и интересам государства, получило или пыталось получить информацию, дающую повод предположить, что она прямо или косвенно полезна неприятелю, или может быть полезна неприятелю, или получена с расчетом того, что она может быть ему полезна».

И дальше: «Должно считаться установленным, если только противное не будет доказано, что лицо было в сношениях с иностранным агентом» и т. д., и т. д.

Вот какие законы существуют, гражданин Торнтон, в вашем государстве, защищающем тайны военно-государственного характера, за нарушение которых применяются чрезвычайно серьезные наказания, за нарушение которых виновный в этом подвергается чрезвычайно серьезной ответственности. И после этого Торнтон пытался здесь прикинуться каким-то политическим младенцем, наивным человеком, не знающим, что такое шпионаж, хотя и признавшим себя виновным в собирании, как он сам собственноручно писал в своих показаниях, шпионских сведений.

Наряду с этим право капиталистических государств знает еще понятие экономического шпионажа в смысле охранения так называемых промышленных тайн. Для примера можно сослаться хотя бы на германский закон от 9 марта 1932 года. Мы не знаем промышленных тайн в смысле капиталистического права, но и у нас есть понятие экономического шпионажа, под которым понимается собирание и разглашение экономических сведений, являющихся сведениями, специально охраняемыми государством и перечисленными в перечне, специально указанном в соответствующих законодательных актах, в данном случае—постановление Совнаркома СССР от 27 апреля 1926 года, которое содержит исчерпывающий перечень тех сведений, при разглашении которых имеется основание для предъявления обвинения в преступлении, подходящем под понятие экономического или военного шпионажа.

Конечно различные мерки, различный подход к этим вопросам в различных государствах объясняются различной природой этих государств. Нужно вообще иметь в виду, когда мы говорим о государстве пролетарской диктатуры, о Советском государстве, что мы имеем дело с государством особого рода, которое, по словам Владимира Ильича, является в сущности уже полугосударством. И действительно, наше государство осуществляет задачи защиты интересов рабочего класса, интересов трудящихся масс, основная и единственная цель и задача нашего государства заключается в защите и охране этих интересов, в борьбе против всякого рода эксплуататорских явлений, против эксплуататорских классов. Конечно наше государство совсем иного типа, иного рода, иной породы, чем эксплуататорские государства. И хотя мы часто употребляем слово—государство, но мы никогда не должны забывать, что самая природа нашего государства в отличие от буржуазных государств обязывает нас к иному подходу в решении различных задач нашего государственного строительства, чем это имеет место в этих буржуазных государствах.

Так обстоит дело в частности и с вопросом об ответственности наших государственных служащих, о которой я говорил в предыдущем своем изложении, когда я подчеркивал особое значение, которое мы придаем ответственности за совершенные против нашего государства преступления нашими служащими. Это объясняется тем, что наши служащие являются слугами трудового народа, что они являются служащими нашего государства, которое является государством трудящихся масс, государством рабочих и крестьян, создающих все ценности, все благо, являющиеся основой и источником самого существования нашего государства. Этого нет ни в каком капиталистическом государстве. Отсюда различие в подходе к решению этого вопроса и в сфере уголовной политики. В то время как буржуазия, создавая законы, направляемые

и против служащих, и против трудящихся вообще, действует исключительно в своих классовых интересах, в интересах меньшинства, противостоящего интересам масс, мы, направляя свои законы против служащих, изменяющих нашему государству, действуем в интересах трудящихся и в интересах государства трудящихся, которое защищает таким образом против изменников, против всяких попыток противопоставить себя и свои интересы интересам государства, как государства трудящихся. То же самое и с особой силой нужно сказать и по вопросу, который я сейчас затрагиваю в связи с вопросом о шпионаже, как преступлении, направляемом против государства трудящихся и с этой точки зрения перерастающем в наших глазах в величайшее преступление против рабочего класса, против пролетариата и против всего будущего всей человеческой цивилизации, создаваемой победоносными успехами нашей пролетарской революции.

Отсюда—и те суровые уголовные репрессии, которые мы опрокидываем на головы всех тех, кто только попробует пустить в ход шпионаж против интересов пролетарского государства.

Третий раздел преступлений, с которыми мы сейчас имеем дело в данном процессе,—это раздел, который я озаглавил словом подкуп. И здесь нужно опять-таки исходить из принципиальных особенностей нашей советской жизни, нашего советского строя, с одной стороны, и принципиальных особенностей, которыми характеризуются быт, привычки, нравы и система взаимоотношений в различных кругах различных капиталистических стран,—с другой. Монкгауз не мог согласиться с обвинением в оценке трех тысяч рублей, которые были даны Долгову в качестве взятки, утверждая, что это была не взятка, что это был подарок. Конечно понятие взятки, понятие воровства, как и другие понятия, о которых я уже раньше говорил, у нас и в буржуазном обществе бывают очень часто различными, и это вполне естественно.

У В. И. Ленина есть одно место, где он говорил об этом различии. Разрешите мне привести этот красноречивый пример: «Когда рабочий, — писал Ленин, — украдет булку, то его в буржуазной стране посадят за это в тюрьму, а когда богатый украдет железную дорогу, то его назначают сенатором...» Это действительно свидетельствует о величайшем принципиальном различии взглядов на вещи: воровство бедняком куска хлеба — в глазах буржуазии — преступление, воровство богатым целой железной дороги — это проявление большого государственного ума и большой государственной виртуозности, за это нужно назначить сенатором.

Так и в области взяток. Мы говорим о взятке, как о разъедающем наш организм зле, с которым нужно самым жестким, самым беспощадным образом бороться, стараясь выжечь каленым железом из системы наших отношений такие явления, как взяточничество. А между тем мы знаем, что в буржуазных кругах — отдельных конечно, я не хочу делать слишком широких здесь обобщений, — в отдельных буржуазных кругах, предпринимательских, деляческих, банкирских и т. д. и т. п., да и во всем буржуазном обществе в целом, когда мы говорим об этом принципиально, взятка не считается преступлением, ибо на взятке держится нередко все благополучие разных выскочек, карьеристов, парламентских и биржевых дельцов и т. д. и т. п.

Все ваши, граждане Монкгауз и Торнтон, разговоры о том, что это «подарок», потому что он «небольшой», потому что он дается за «работу», за то-то и то-то, для нас не убедительны. Такие «подарки» мы рассматриваем как взятку, потому что это есть такого рода действия, которые влекут за собой переключения внимания энергии, стремлений, желаний, обязанностей от интересов государства к частным интересам, очень часто в определенных случаях противоположным интересами государства.

Да, да и так это и с вашей фирмой, в отношении которой мы—я еще раз это повторяю—не имеем данных для привлечения по этому делу к уголовной ответственности, но которая, по вашим же собственным словам и показаниям, гражданин Монкгауз, от которых вы пытались уйти после того, как вы их зафиксировали собственной подписью, — выполняет очень часто, сплошь и рядом недобросовестно свои обязанности по отношению к Советскому государству. Последнее вы здесь сами характеризовали таким образом, что если бы вы были покупателем, то не стали бы покупать такого оборудования, которое вы как продавец осмеливаетесь однако продавать за трудовые народные деньги, выплачиваемые вам нашей страной за это оборудование.

Пусть тот же самый Монкгауз и пусть тот же самый Торнтон и пусть те же самые другие их сограждане, о которых я индивидуально буду говорить в следующей части своей речи, передавая взятки нашим государственным служащим, подкупая этими взятками этих государственных служащих, переводя их на сторону своих интересов и противопоставляя их интересам нашего пролетарского государства, — пусть они не смеют прикрываться тем, что у них понятия об этих действиях связываются с понятием не о взятке, а о подарке. Законы их собственной страны не позволяют им ни думать, ни говорить, ни защищаться такими соображениями.

Я хочу напомнить здесь несколько законов английского статутного права, посвященных именно этому вопросу о взяточничестве. Вот например мы имеем закон 1889 года о взяточничестве в публично-правовых организациях. Из этого закона видно, как буржуазия умеет свои общественные организации, свои организации публично-правового характера защищать строже и сильнее, чем частные предприятия, когда эти частные предприятия и организации осмеливаются вступать в противоречие с государственными интересами.

Мы имеем закон 1906 года, который носит характерное название «о предупреждении коррупции», той самой коррупции, которой обвиняемые систематически здесь занимались под прикрытием своей фирмы, и аналогичный закон 1916 года.

По закону 1889 года взяткой считается «предоставление кому-либо (так и сказано, гражданин Монкгауз) в качестве взятки обещания, предложения подарка, ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность, что должно побудить его что-либо сделать или воздержаться от выполнения чего-либо, имеющего отношение к делу, в котором принимает участие публично-правовая организация».

Вот как ставится дело. Если государственный чиновник стоит на страже интересов учреждения, в котором он выполняет ту или иную функцию, то всякого рода подарки, предоставление ему каких-либо

материальных ценностей, которые могли бы его заставить что-либо сделать, или что-либо не сделать, вопреки его долгу, служебным обязанностям, являются уже взяткой, рассматриваемой в соответствии с этим законом как уголовное преступление.

То же самое по закону 1906 года, где говорится следующее: «Если кто-либо, действуя недобросовестно, в качестве чьего-либо представителя примет или добьется, чтобы ему были даны или согласится получить от кого-либо для него самого или для другого лица подарок или что-либо, имеющее ценность для побуждения к выполнению или воздержанию от выполнения» и т. д., это есть уже взятка.

В законе 1916 года говорится то же самое, причем создается очень интересная презумпция: что «до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться установленным, что деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах...»

Вот как говорят законы, законы той страны, которая вас, обвиняемые Монкгауз, Торнтон и другие, сюда послала для определенных целей в силу договора, существующего между нашими учреждениями и вашей фирмой, представителем которой вы, Монкгауз, здесь в Москве являетесь. Взятка есть взятка. Как бы ее ни называли, она не изменит своего существа и по законам буржуазного государства и тем более по нашим законам.

Может встать юридический вопрос о том, почему в нашем обвинении не предъявлена специальная статья, говорящая о взяточничестве, тогда как мы обвиняем во взяточничестве. Почему ее здесь нет? Почему среди всех этих статей—58—6, 7, 9 и 11—не нашлось места и специальной статье, говорящей о взяточничестве—118 ст. Уголовного кодекса? Ответ на этот вопрос очень прост—потому, что взятка в тех условиях, при которых является достаточно обоснованным предъявление обвинения и, буду надеяться, осуждение по этому предъявляемому нами обвинению в преступлениях контрреволюционных, является лишь своеобразной формой проявления этого контрреволюционного преступления, потому что в этих условиях и при этих обстоятельствах взятка по самому существу своему является контрреволюционным преступлением, является крупнейшим и тягчайшим государственным преступлением.

Это не просто взятка, которая дается за оказание той или другой «услуги», не затрагивающей и неспособной затронуть самих основ государственной системы отношений. Когда взятка приобретает характер способа, при помощи которого пытаются контрреволюционеры нанести удар именно этим отношениям, затронуть именно эти основы государственных отношений, тогда мы не можем рассматривать уже ее как обыкновенную взятку в ее специфической форме, как это выражено в ст.ст. 117 и 118 Уголовного кодекса РСФСР, т. е. как получение каким-либо должностным лицом вознаграждения за выполнение или невыполнение каких-либо служебных действий,—а рассматриваем это лишь как своеобразное проявление коонтрреволюционного преступления, посредством которого оказывается то же самое классовое сопротивление делу социалистического строительства, которое оказывается и при по-

мощи контрреволюционной агитации, и при помощи других самых разнообразных средств в деле вредительства и сопротивления врагов нашей страны успехам нашего социалистического строительства.

Аналогичный случай мы имеем и с декретом 7 августа, когда при определенных условиях воровство (хищение) рассматривается не как простое воровство, но поднимается до значения крупнейшего политического акта, который вырастает в крупнейшее контрреволюционное действие, квалифицируемое этим декретом 7 августа, как всем известно, именно как крупнейшее, как величайшее государственное преступление, покушающееся на самую основу советского строя, какой является наша священная и неприкосновенная социалистическая собственность.

Вот почему и здесь не должно быть места удивлению по поводу того, что мы не предъявляем специальной статьи, говорящей о взяточничестве, мобилизуя ее из множества статей нашего Уголовного кодекса, но включаем состав предусмотренного этой статьей преступления в общий состав преступлений, поглощаемых всеми теми статьями, которые перечислены в обвинительном заключении и которые направлены против обвиняемых всем острием статей о контрреволюционных преступлениях 58—6, 7, 9 и 11 Уголовного кодекса.

Председатель. Сейчас 11 часов 45 минут. Объявляю заседание закрытым до 11 часов утра 17 апреля 1933 года.

П. п. В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия
Верховного суда СССР

А. Ф. Костюшко
Секретарь.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 апреля 1933 г. 11 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается. Слово предоставляется государственному обвинителю т. Вышинскому.

Вышинский. Переходя к характеристике отдельных преступлений, совершенных каждым из подсудимых, необходимо дать характеристику тех событий, которые имели место в связи с этой преступной деятельностью на тех или иных электростанциях, и дать наконец квалификацию этих преступлений с точки зрения требований нашего уголовного закона.

Мы имеем ряд станций, о которых уже говорилось очень детально и обстоятельно на всем протяжении судебного следствия. Мы имеем Златоустовскую станцию, Зуевскую электростанцию, Ивановскую электростанцию, Бакинскую электростанцию и целую группу электростанций, объединяемых в этом деле и в наших материалах общим именем— Мосэнерго.

Позвольте мне и перейти к краткой характеристике положения дел, создавшихся на каждой из этих станций в связи, а отчасти и в прямой зависимости от преступно-вредительской, контрреволюционной деятельности связанных с этими станциями и работающих на этих станциях контрреволюционеров и вредителей, привлеченных по настоящему делу.

Златоустовская электростанция. В период времени 1931 — 1932 годов на Златоустовской электростанции мы наблюдаем ряд систематически повторяющихся из месяца в месяц аварий. Мы имели здесь ряд аварий, не одну аварию, а ряд аварий с мотором в 1400 л. с., обслуживающим, как вы помните из данных нашего судебного следствия, крупносортовый стан прокатного цеха, который непосредственно обслуживал производство ряда заводов и в том числе военные цехи и военные заводы.

Мы имели аварии с мотором в 1400 л. с. на Златоустовской электростанции—10 апреля, 12 мая, 13 июня и т. д. и т. д. в течение этих двух лет, но это не значит, что этих аварий не было раньше. Эти аварии были и до этого. Если мы говорим об этих авариях, то только потому, что именно эти несколько аварий дали нам нити к тому, чтобы вскрыть истинные и подлинные причины этих аварий, а, во-вторых, потому, что по поводу этих аварий были составлены акты, вопреки тому методу действий вредителей, который между прочим заключался и в том, чтобы или вовсе не составлять актов

Об авариях, или составлять акты заведомо таким образом, чтобы в них не были установлены действительные причины этих аварий. Мы имеем ряд аварий с мотором в 1400 л. с., которые имели своим прямым последствием попытку нанести удар по тому производству, которое в свою очередь имело основное значение для прокатки и в частности имело основное значение для военного производства. 5—6 раз подряд выводится мотор из строя благодаря сознательной, умышленной вредительской работе нескольких лиц—Гусева, Соколова, Макдональда, на этом именно участке сосредоточивших свое основное внимание и напрягавших все свои усилия, чтобы бить по этому очень важному, с точки зрения нормального хода производства и в частности военного производства, агрегату этой электростанции.

Но этим делом не ограничивается. Мы имеем факт замораживания котла № 8, когда не были закрыты шиберы—тоже совершенно сознательно, и когда это привело тоже к аварии.

В конце 1931 года выводится из строя на той же электростанции углеподача. При двух углеподачах, из которых одна играет резервную и очень важную роль, умышленно и опять-таки очень тонко, под видом некоторого рода переустройства,—тоже своего рода рационализация, о которой здесь говорил подсудимый Гусев,—разрушают фундамент, а затем начинают ремонт углеподачи, выводя ее из строя и оставляя станцию в таком состоянии, которое на их вредительском языке получило специально техническую формулу—«аварийного состояния» станции.

Мы имеем наконец задержку в переоборудовании котлов №№ 1, 2 и 11, что привело станцию в такое положение, когда она должна была иметь и имела в действительности только сниженную мощность и сниженную очень значительно, примерно наполовину—с 12000 киловатт нормальной мощности могла развить едва только 6000 киловатт. Вы помните, товарищи судьи, как эти аварии производились. Нельзя сказать, чтобы они производились уж очень сложным способом. Наоборот, как показывал здесь уже Гусев, авария с мотором в 1400 л. с. была вызвана очень легким путем—введением в межжелезное пространство между статором и ротором постороннего металлического предмета.

Анализируя причины этих аварий, и в частности и важнее всего аварии 10 апреля, мы видим, что целый ряд других аварий с тем же мотором, о котором я говорил сейчас,—аварии 12 и 13 июня и другие, явились прямым результатом недоброкачественного, недобросовестного устранения причин первой аварии, сознательного и умышленного плохого ремонта после первой аварии. Именно этот плохой, умышленно плохо произведенный ремонт мотора после первой аварии был причиной и ряда последующих аварий, с которыми мы встретились затем на этом моторе в 1400 л. с. Анализируя причины этой аварии, экспертная комиссия пришла к заключению, что смещение статорного железа могло произойти из-за попадания в межжелезное пространство постороннего металлического предмета и что в нормальных эксплуатационных условиях постороннее железо не могло попасть в мотор и может быть втиснуто туда только искусственно.

Но тогда, когда экспертная комиссия анализировала эти данные, опираясь на аварийный акт, она конечно не имела в виду показаний

Гусева, которые прошли здесь перед судом, в которых Гусев рассказал сам, как в действительности это постороннее железо попало в мотор, как оно было туда вложено сознательно, умышленно, благодаря вредительским планам, на основе которых развертывалась вся деятельность Гусева в этот период.

Зимой 1932 года на Златоустовской электростанции произошла новая авария с котлом № 8, который стоял в холодном резерве. И эта авария была произведена умышленно и, как оказалось не бог весть каким мудреным способом — не были закрыты шиберы, не была спущена вода, а когда пришла зима — котел замерз, и произошел разрыв ряда трубок. По заключению экспертной комиссии и эта авария могла произойти либо от халатного отношения котельного персонала к оборудованию, или от злого умысла.

Защита могла бы стать на почву этой альтернативы и сказать — экспертиза установила, что авария могла произойти или по причине злого умысла, или по причине халатности. Экспертиза не может сказать иначе, ибо она добросовестно, объективно обследовала этот вопрос, не имея в виду субъективной деятельности того или иного лица. Экспертиза исходила лишь из общих технических условий, в которых эти факты, чисто объективные, имели место. Характеризовать же эти факты с точки зрения персональной деятельности это уже наше дело. Наше дело показать, что и здесь причиной являлась не халатность, а именно злой умысел. Из этих двух возможных причин в данных конкретных условиях с аварией котла № 8 и играла роль только одна причина, и это опять-таки злой вредительский умысел, контрреволюционный акт, направленный против нормальной работы этой электростанции.

На той же электростанции в начале 1932 года была произведена, как я сказал, разборка резервной углеподачи. При каких условиях возможна была разборка этой резервной углеподачи — вот первый вопрос, который следствие поставило перед экспертной комиссией. И получило ответ: «Разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Таким образом возникает второй вопрос, поставленный перед экспертизой, — были ли все эти три условия налицо в момент, когда происходила разборка углеподачи. Экспертиза ответила: «В данном случае этих условий не было, ибо для монтажа этой углеподачи должны были иметься все необходимые части, должны были быть предварительно осуществлены все подготовительные работы». Не было сделано ни первого, ни второго. А потому, на основании строго объективного анализа имеющегося в деле материала, экспертиза пришла к заключению, что «разборка углеподачи была произведена с явно вредительской целью». Здесь даже не нужно иметь сознания преступника, здесь даже не нужно иметь живого автора этих вредительских действий. Достаточно иметь заключения экспертизы, чтобы сказать, что здесь не может быть и речи ни о какой халатности, здесь не может быть речи даже о преступной халатности. Здесь могут быть только пря-

мые вредительские действия, в лоб направленные против нашего советского и в данном случае силового хозяйства, ибо то, что совершали подсудимые, свидетельствует только об одном и не может свидетельствовать ни о чем другом, — свидетельствует о злом вредительском умысле, о сознательной вредительской работе, о сознательном вредительском разрушении, о том, что мы называем диверсией.

Мы имеем таким образом ряд аварий, которые все являются результатом умышленной контрреволюционной диверсионной деятельности людей, которые, будучи поставлены властью, поставлены рабочим классом, нашей пролетарской революцией на посты, на которых им было доверено государственное имущество, не только не хранили и не охраняли его, но пытались его портить и калечить, подготавливая и совершая диверсионные акты, ведя хотя и в скрытой замаскированной форме, но подлинную войну с рабочим классом путем разрушения, путем уничтожения нашего государственного имущества.

Мы имеем далее на этой же станции ряд актов сознательного выведения из эксплуатации котлов. Котлы Стерлинга № 1 и № 2, каждый поверхностью по 260 кв. метров, с мая 1928 года выводятся из строя по прямому поручению и с прямым соучастием Макдональда, по плану, который разрабатывается, проводится систематически и методически в жизнь и притом по совершенно легальным основаниям: ремонт, переделка, перестройка. Тоже «реконструкция».

Переделываются топки, и переделываются таким образом, что, несмотря на то, что в 1930 году необходимое для успешного окончания этой переделки импортное оборудование уже лежит на площадке этой станции, тем не менее эта переделка длится около или даже свыше 2 лет.

И дальше, здесь же 3-й котел, котел № 11 ЮМТ, который переделывается, монтируется в течение двух с половиной лет.

А здесь какие причины? Экспертная комиссия говорит: «Наличие злого умысла и по меньшей мере преступная халатность». Но и преступная халатность также есть не что иное, как проявление этого преступного умысла. А в результате — задержка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов.

Зуевская электростанция. В июне-июле 1932 года на Зуевке произошла авария с генератором № 3. Как она произошла? Об этом говорил здесь Котляревский, очень спокойно говорил. Я даже думал, что Котляревский, как я это дальше должен буду сказать и о некоторых других, например о Сухорункине, вероятно чувствовал себя здесь как бы на академическом заседании какого-нибудь научно-технического общества, где он делал спокойный академический доклад о своих достижениях в области вредительства. Поразительная картина, чудовищная картина! Чудовищно, когда инженер, действительно призванный создавать, когда инженер на советские пролетарские средства вскормленный и вспоенный на груди пролетарской революции, змеиным жалом пытается вонзиться в самое сердце этой революции! Котляревский здесь говорил о том, что он вложил в генератор болт и вызвал аварию. Хорошо, что эта авария не повлекла за собой таких послед-

ствий, какие она вообще могла повлечь. Но разве это был один единственный случай и разве там не находились другие посторонние болты в таких местах, где им никак не надлежало находиться. Мы это установили здесь на судебном следствии. Куски доски, камень, какая-то щетка для обметания в недрах наших машин.

Экспертная комиссия по этому поводу пришла к совершенно категорическому выводу. Она говорит: «Случай нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болтов, кусков доски, камня и пр.) не могут рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого, злого умысла». «Всякий техник (добавляет она) не может не понимать, что попадание посторонних предметов, особенно болтов, в межжелезное пространство генератора может привести к серьезному повреждению статора и выходу из строя всего агрегата».

Мы имеем также на Зуевке ряд аварий, которые произошли с турбинами №№ 1—3 с масляными насосами, по поводу которых я также хотел бы напомнить заключение экспертной комиссии, установившей, «что состояние масляного насоса, которое наблюдалось на этой турбине №№ 1—3 на этой Зуевской электростанции, ставило под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

На основании всех материалов, которые прошли перед нами на этом судебном следствии, мы можем прямо сказать, что это не только явно недобросовестное отношение к делу лиц, производивших монтаж, а то, что мы характеризуем опять-таки как умышленную вредительскую деятельность.

Я не буду останавливаться на других авариях этой же самой Зуевской электростанции. Я должен буду только просить суд обратиться к материалам экспертной комиссии, вспомнить об этих фактах в своей совещательной комнате и также вспомнить о той оценке, которая экспертами-техниками была дана этим авариям, свидетельствующим о том, что в результате своей работы в известной мере, в известные периоды времени эта группа зуевских вредителей добилась того, что Зуевская электростанция на некоторых своих участках была действительно в течение некоторого периода времени приведена в аварийное состояние.

Ивановская электростанция — Ивгрэс. В течение времени с января 1932 года по день возбуждения расследования по настоящему делу — начало 1933 года и здесь равным образом происходит целый ряд разнообразных аварий, в своем результате выводивших из строя те или другие агрегаты. Эти аварии являлись следствием различных причин — и ненадежного регулирования турбин, и следствием ненадежного облопачивания турбин и неправильной работы контрольно-измерительной аппаратуры. Кроме того здесь имел место случай неоднократного, я не скажу выхода, а вывода из строя моторов цепных решеток котлов путем очень примитивным — путем перелома кабеля, питавшего эти моторы. Мотор кабеля выводился из строя вследствие засорения мотора песком.

Имели место неоднократные ложные выключения фидеров собственных нужд. Мотор дымососа котла № 5 умышленно сожгли путем умышленного закрытия вентиляции этого мотора, был произведен взрыв контактной

коробки мотора пожарного насоса тоже путем введения посторонних предметов туда, а кроме того осуществлялись систематические расстрой-ства телефонной станции, что прерывало связь между отдельными агре-гатами всей электростанции и что, разумеется, вело к тем же самым последствиям, ослаблявшим производственные возможности этой станции, к чему была направлена и вся деятельность этой ивгрэсовской вреди-тельской группы.

Я хотел бы теперь кратко коснуться Бакинской государственной район-ной электростанции, где тоже мы имеем с турбогенераторами №№ 11 и 12 ряд систематических аварий, ряд простоев машин, начиная с 1928 года и продолжая это и в 1930 году—авария 11 марта и в 1931 году—авария 15 февраля и опять-таки в 1931 году—авария 21 февраля и опять-таки— в 1931 году—авария 22 марта. Эти аварии были обнаружены только при вскрытии турбины № 11 для ревизии перед производством испытания машин согласно договору, хотя, учитывая размеры этих аварий, нужно было признать, как утверждает экспертная комиссия, что эти аварии должны были сопровождаться внешними признаками — стуком машины, усиленным шумом и вибрацией, нарушением плавности хода, а все это не могло не обратить на себя внимание рачительного и добросовестного персонала, обслуживающего эту станцию, мотор которой монтировал обвиняемый Кушни. Правда, эти последние аварии были тогда, когда он уже был здесь в Москве, но оставленное им наследство, связанное с ава-риями 1928 года, сыграло очевидно свою роль и в дальнейшем.

И наконец последняя электростанция или, вернее, группа электростан-ций, которые объединяются тем, что я здесь уже сказал — Мосэнерго, тоже говорят о систематических авариях на протяжении целой пятилетки.

Можно сказать, что у вредительской группы Мосэнерго была своя вредительская пятилетка, начинающаяся в 1927—1928 годах и, нужно на-деяться, прерванная, и окончательно, изъятием вредителей, арестованных по этому делу.

Мы имеем ряд аварий на 1-й ГЭС с турбинами №№ 27 и 28. Я прошу обратить внимание на это действительно совершенно невероятное мно-жество аварий, систематически следующих одна за другой — 9 марта, 10 мая, 16 июня, 28 ноября и т. д. и т. п. Вредители остановили работу циркуляционных насосов турбин: 4 декабря 1931 года происходит авария на Шатурской станции, входящей также в систему Мосэнерго, 22 мая, 18 ноября 1931 года, 9 мая 1932 года происходят аварии на Орехово-Зуевской электротеплоцентрали. Все это дает нам полное право задуматься наконец над тем, где же причины этих аварий, в чем же секрет этих аварий на этих станциях, аварий, которые, как это было выяснено на судебном следствии в результате допроса по этому вопросу товарищем Рогинским, как раз обслуживают чрезвычайно важные и ответственные участки крас-ной Москвы,—«Серп и молот», «Спартак», Кремль, Крутицкие казармы, казармы имени Дзержинского. Вся радиопередача выключается в резуль-тате одного только удачно проведенного вредительского акта, выводящего из строя распределительные турбины, сидящие на распределительном щите в 6 600 вольт.

Мы имеем связанные со станцией Мосэнерго однако не только отдель-ные предприятия, отдельные учреждения нашей красной столицы, мы

имеем связанные с Мосэнерго крупнейшие промышленные центры всей Московской области — Коломна, Егорьевск, Подольск, Сергиево, Тула, Зарайск, Рязань, Ногинск, Кашира, — вот целая система крупнейших важнейших, имеющих общегосударственное и военно-государственное значение предприятий, на работе которых стоит и держится известной своей частью мощь и сила нашего советского хозяйства, нашей социалистической промышленности — крупнейшие заводы Электростали, Тульские заводы, «Серп и молот», «Амо», «Трехгорная мануфактура», целый ряд текстильных, металлообрабатывающих, химических, цементных заводов и фабрик, не говоря о системе мелких заводов, питающихся электроэнергией от станции МОГЭС. Вот почему естественно на МОГЭС было направлено основное внимание вредительской группы, вот почему естественно нужно было здесь действовать наиболее умело, тонко, решительно, при помощи наиболее квалифицированной агентуры. И вы видите, товарищи судьи, что если мы в других случаях имеем перед собой такие фигуры, как Олейник или Лебедев, второстепенные сравнительно фигуры, попавшие в сеть этих разведчиков, шпионов, провокаторов и вредителей, то вы здесь, на МОГЭС, имеете другую группу гораздо более квалифицированных, гораздо более опытных, гораздо более солидных людей, которым и платить-то как-то не особенно было удобно, и платить-то не особенно прилично, хотя все-таки платили и надо сказать плохо платили. Доцент Зорин, — о чем речь будет дальше, — инженер Сухоручкин, — вы его показания здесь помните, — инженер Крашенинников, — и его вы тоже помните, — три надежных опоры вредительской контрреволюции, заговорщиков на Мосэнерго. Это опытные, спокойные, не теряющие мужества, как некоторые из их участников, умеющие скрывать свои вредительские действия — «работу», «деятельность» люди, умеющие понимать друг друга с первого слова, я скажу больше и дальше, — с первого взгляда. Тут кое-кто из защитников пытался так построить защиту в отношении других подсудимых — «что же, вы разговаривали первый раз 10 минут, другой раз 20 минут, третий раз 30 минут, в общей сложности за все встречи 2 часа и что же за такой 2-часовой разговор можно сделать?» Наивное рассуждение, тоже свидетельствующее о недостаточном ясном представлении, о ком идет речь и о каких делах идет речь. Именно эти люди — Зорин, Сухоручкин, Крашенинников, это — люди, понимающие с одного слова, что от них требуется, это — люди, понимающие, что говорит выражение глаз, что говорят складки губ, умеющие воспринимать эти вредительские песни без слов контрреволюции. И меня несколько не удивляет, что у них был мгновенный разговор, что у них был быстроходный разговор, несколько не удивляет!

Что мы видим на Мосэнерго? Я сказал — авария на 1-й МГЭС, на Шатурке, на Орехово-зубовской ГЭС. Мы имеем таким образом достаточно длинную серию аварий, организованных достаточно умело и опытно.

Заканчивая перечень этих аварийных вредительских случаев, я должен все-таки с удовлетворением констатировать, что как ни многочисленны были эти аварии, они не смогли причинить нашим социалистическим предприятиям, сколько-нибудь значительного вреда, что все эти вредительские акты разбились о мощь и прочность наших предприятий. Я должен констатировать бессилие, ничтожество этих людей, такое же бессилие этих вредительских актов, какое некоторые из их соучастников,

и в частности Торнтон, обнаружили здесь, такое же бессилие и ничтожество в организации своей собственной защиты.

Позвольте перейти к характеристике преступлений, роли и ответственности отдельных преступников. Мы имеем перед собой такой факт, как собственное признание ряда людей. Это могло бы освободить в иных случаях вообще от исследования каких бы то ни было других доказательств. Мы знаем, что по процессуальному праву и любого капиталистического государства, и в частности по процессуальному праву Англии, одно только сознание обвиняемого перед судом дает право суду не производить никакого судебного следствия. Такая же процессуальная норма имеется и в нашем праве, ибо не всегда при наличии сознания обвиняемого является необходимость проверки всех обстоятельств дела в целях проверки правильности этого признания. Но в буржуазном праве этот принцип—не случаен. В буржуазных странах продолжает царить старое средневековое представление о значении и качестве доказательств, среди которых личное сознание обвиняемого считалось лучшим, считалось «царицей всех доказательств».

Поэтому с точки зрения тех, кто следит за каждым шагом судебного следствия и так нервно следил и следит за ходом предварительного следствия, что терял по временам хладнокровие и ударялся в истерику, мы могли бы сказать, что даже, исходя из объяснений подсудимых, надлежит признать обвинение полностью доказанным.

Но надо подчеркнуть, товарищи судьи, что в этом процессе, который имеет величайшее значение, наряду с признанием самих обвиняемых мы имеем целую сумму объективных доказательств, против которых не могут устоять никакие враждебные нам силы.

Мы никогда не имели такого богатого обличительного, обвиняющего доказательного, объективного материала, каким является эта папка экспертизы, опирающейся на имевшие место факты аварий, на обследование этих фактов аварий, на тщательный анализ причин этих аварий и на выводы совершенно категорического порядка, говорящие о том, что эти аварии были, что они были организованы умышленно. Таким образом у нас имеются в руках все эти объективные материалы, которые говорят о том, что даже при самом пылком воображении нельзя выдумать того, что в действительности имело место, это зафиксировано, запечатлено и в актах и фотографиями и даже в лживой защите тех из обвиняемых, которые пытаются вообще опорочить все то, на что мы ссылаемся, на что еще недавно ссылались они сами, как на имевшие место достоверные и безусловно установленные факты.

Я хотел просить Специальное присутствие Верховного суда, когда оно будет обсуждать приговор, обратить внимание именно на эту сторону дела и еще раз просмотреть, хотя бы для этой цели с точки зрения оценки позиции обвинения в этом вопросе, представленное нами Верховному суду наше обвинительное заключение, где мы в основу кладем экспертизу, где мы кладем в основу наших обвинений твердо установленные факты, где мы в основу кладем материал с точки зрения техники, с точки зрения технической экспертизы, те самые факты, из анализа которых мы приходим к оценке субъективных показаний и субъективных признаний.

В моем присутствии на предварительном следствии товарищ Рогинский

и следователь по важнейшим делам вели допрос Макдональда, и Макдональд в первые же 10 минут нашего разговора с ним по поводу предъявленного ему обвинения на дознании в ГПУ подтвердил правильность своих показаний и дал дополнительные,—я думаю, я уверен в этом,—искренние и добросовестные показания, которыми не отличаются показания других его сограждан, привлеченных к этому делу, в частности показания Торнтонна.

Этот штатский скромный инженер, который к тому же и не играет такой роли в этом деле, как Торнтон, а может быть именно поэтому, в этом процессе нашел в себе достаточно мужества, чтобы сознаться, будучи схвачен за руку, в тех преступлениях, которые он действительно совершал. Он действовал, этот штатский инженер, мужественнее, чем действовал этот месопотамский храбрый воин. Когда мы спросили Макдональда, чем же объясняется то, что вы дали такие показания, Макдональд ответил: «Двумя обстоятельствами: я хочу внести полную и возможную ясность в это дело, и я должен дать эти показания под тяжестью предъявленных мне улик и доказательств». Вот был ответ Макдональда. И это правда, и это верно, ибо тяжесть наших улик очень велика, тяжесть этих улик опирается на громадную работу, сделанную в процессе предварительного следствия, в небывалые по быстроте сроки. Это техническая проверка тех актов, на основании которых было возбуждено и,—я сейчас могу с удовлетворением сказать,—прочно стоит наше здание государственного обвинения.

Гусев—начальник Златоустовской электростанции, Василий Алексеевич, с 1918 по 1920 год служил в армии Колчака, куда поступил добровольцем. Мы встречались кое-где в различных процессах по государственным преступлениям с преступниками, которые бывали в армиях белых, контрреволюционных армиях, но не так часто мы встречаем тех, кто там бывал в качестве добровольцев. Доброволец Гусев, который участвует в боевых походах колчаковской армии против армии рабочих и крестьян, который после разгрома колчаковской армии не извлекает из этого для себя никаких уроков, который продолжает оставаться, собственно говоря, тем же колчаковцем, хотя и не в рядах армии, каким он был, когда добровольно вступил в ряды этой армии.

И вот он попадает на Златоустовский завод. Он довольно быстро проходит ряд должностных ступеней, и наконец мы его застаем в положении, когда ему доверяется судьба Златоустовской электростанции.

Он—начальник Златоустовской электростанции, обслуживающей громадный комбинат, громадной государственной важности, имеющий заводы, предприятия громадного государственного значения.

Я не могу конечно здесь не отдать должного и тем лицам, которые допустили подобное положение, что еще раз свидетельствует об отсутствии у кое-кого из наших хозяйственников классовой бдительности, очень часто мешающей им правильно расставить силы в своих предприятиях, правильно формировать кадры предприятия, а в особенности для такого ответственного участка, каким является электростанция, да еще Златоустовская электростанция.

Но сейчас речь идет о Гусеве. Гусев сам себя охарактеризовал достаточно хорошо, как явно выраженный, совершенно сложившийся тип контрреволюционера, разведчика, шпиона, вредителя, сам объясняющий

это той средой, в которой он вращался, теми приятельскими отношениями со всеми этими Шалаевыми, Богуславскими, осужденными в свое время по другим вредительским делам. Но это дела не меняет, это только дело объясняет. И вот Гусев портит мотор и потом, когда его схватили, говорит—получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортового стана прокатного цеха Златоустовского завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок.

Снарядами эти господа интересовались очень серьезно, и вполне понятно почему, как вполне понятно для чего и как вполне понятно—для кого. Интересовались очень серьезно. Не могу сразу же не сказать о том, что ведь именно Гусев, по словам того же Торнтон, который сначала «полагал», а потом подтвердил, что Гусев был, по его выражению, резидентом Макдональда в Златоустовском районе, систематически занимался собиранием сведений военного характера и эти сведения направлял Макдональду, а Макдональд—Торнтону, который получал эти сведения только одним путем, как он сам говорил—от Гусева, ибо только Гусев был единственным источником получения этих сведений, которые получал Торнтон. А что это за сведения, это мы уже видели,—это сведения о военных цехах, сведения о снарядах, сведения о высококачественной стали, которая нужна для авиационных моторов, которая нужна для тех же снарядов, которая нужна для холодного оружия, которая нужна для вооружения нашей Красной армии. Собирает сведения, портит машины, станы! Как он это сделал? «При контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора я подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот листок железа и явился причиной аварии, так как, попав в межжелезное пространство, произвел сдвиг части пакета статорного железа и роторного; сдвинутое железо повредило гильзу, в которой заложена обмотка статора, а это последнее обстоятельство и явилось причиной аварии». Сдвиг железа произошел в нескольких местах, говорит Гусев. Но так как этот дефект не был исправлен, то он не только произвел аварию, не только повредил обмотку статора, но и обусловил ряд дальнейших аварий, явившихся прямым результатом первой аварии, обеспечивших систематические удары по этому же самому мотору, приводящему в движение этот же самый крупносортовый стан прокатного цеха металлургического завода, именно с целью помешать выпуску снарядов и приостановить снарядные заготовки.

Мы не готовимся к войне, но мы готовы к войне, и с этой точки зрения надлежит оттенить вот эти диверсионные акты, которые направлены были на то, чтобы попробовать ослабить нашу обороноспособность, о которой, как об этом я считаю уместным сейчас еще раз напомнить, свидетельствует показание Торнтон 13 марта о его шпионской сетке, он чрезвычайно интересовался, говоря об оборонительных и наступательных возможностях Советского союза.

Хорошие возможности! Крепкие возможности! Попробуйте, господа разведчики!

Я не хочу останавливаться на таком же подробном анализе вредительских актов того же Гусева в отношении углеподачи, потому что все эти материалы были уже подробно рассмотрены на судебном следствии в деле, вы их еще раз внимательнейшим и подробнейшим образом про-

смотрите вне этой борьбы сторон, в своей совещательной комнате— и сделаете все необходимые выводы.

Я не скрою от суда своего представления о Гусеве, как об одной из главных фигур в этом контрреволюционном заговоре в электропромышленности. Я по отношению к Гусеву должен потребовать наиболее сурового наказания, чем в отношении какого-нибудь другого обвиняемого, исходя из этой его роли, характера его преступлений, а также исходя из тех общих, принципиальных соображений, определяющих содержание и направление нашей советской уголовной политики, о которой я вчера говорил достаточно продолжительно для того, чтобы сегодня к этому вопросу не возвращаться, и в частности, опираясь на известное вам, товарищи судьи, постановление президиума Центрального исполнительного комитета советов от 14 марта этого года.

Соколов—электрик той же станции—Василий Андреевич. Он вначале занимает должность помощника Гусева по силовой станции, а впоследствии выдвигается на должность главного электрика силовой станции.

Соколов признал себя виновным, но для нас его признание недостаточно.

Чем доказывается виновность Соколова, кроме тех признаний, которые были даны им на предварительном следствии и которые здесь были подтверждены. Они подтверждаются и Гусевым. Гусевские показания не вызывают никакого сомнения, ибо они опираются в свою очередь не только на показания Макдональда и других, но также и на тот объективный материал, который служит одним из основных доказательств по отношению к Соколову. Этот материал говорит о том, что по заданию Гусева и непосредственно под гусевским руководством Соколов принимал участие и проводил лично целый ряд вредительских актов, ведущих за собой аварии, в частности выполнил задание Гусева о порче мотора в 1400 л. с., что повлекло ряд аварий. Он вредил, выводя из строя турбогенератор, он бил по котлам, задерживал ремонт и передачу углеподачи и т. д. и т. п. Он собирал, начиная с середины июля 1932 года, и передавал сведения о шестидневной прокатке болванок на крупносортом стане, с указанием количества идущих, как мы уже говорили, в числе других заготовок и снарядных заготовок. Нужно, товарищи судьи, иметь в виду, что производительность этого стана—ведущего стана прокатки—определяет, в сущности говоря, производительность всего прокатного цеха, и следовательно достаточно иметь эти элементы для того, чтобы составить себе полное представление по тому вопросу, который особенно интересует военных разведчиков, работающих в направлении, враждебном нашему Советскому государству.

Соколов и Гусев—старые друзья и по колчаковской армии, оба добровольцы белой армии. Они перестали там служить только тогда, когда уподобились крысам, спасающимся с тонущего корабля, когда все карты колчаковских генералов были биты, когда вместе с тем были биты карты и кое-каких иностранных генералов, поддерживающих Колчака, когда эти «храбрые воины» пустились во все лопатки куда-то в лес. Из леса они пришли к нам на наши предприятия, но, придя из леса, они, как волки, продолжают в лес глядеть.

И третья фигура златоустовской вредительской группы—Макдо-

нальд, монтажный инженер. Приехал он на Златоустовскую электростанцию в конце 1929 года. Несколько лет гостеприимно принимала его наша страна, и он «хорошо» оплатил за это гостеприимство.

Он работал на Златоустовской электростанции до апреля 1931 года, вошел во вредительскую контрреволюционную связь с Гусевым, Соколовым, с Котляревским на Зуевке, участвовал в той работе, которую я характеризовал в отношении Гусева и Соколова, был схвачен за руку, был пойман в буквальном смысле этого слова с поличным, вынужден был признать себя виновным. Он признался и дал объяснения не только о себе, но и о других соучастниках из своих сограждан. «В 1929 году,— говорит Макдональд,— я был летом на даче у Торнтон, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Я вчера говорил, что конечно экономические и политические сведения—их экономическим и политическим сведениям—рознь. Мы не строим своего обвинения в шпионаже по этой линии на том, что здесь Торнтон было названо «обывательскими» сведениями. Мы так не строим нашего обвинения, но я дальше постараюсь доказать, что сведения, которые здесь в момент своего полупризнания Макдональд пытался прикрыть этим безобидным термином—«политические и экономические сведения» да еще «нужные для нашей фирмы». Я постараюсь доказать, что это вовсе не те «безобидные» сведения, которые бывают нужны, конечно, какой бы то ни было фирме, имеющей дело с нами на территории нашей страны, а что эти сведения совершенно определенного характера, именно те сведения, которые составляют содержание военной государственной тайны, получение, собирание и передача которых являются прямым содержанием того, что понимает под шпионажем статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР, соответствующие статьи нашего Уголовного кодекса, что именно эти сведения, а не какие-либо другие «безобидные» «обывательские» сведения, получал Торнтон от Макдональда, Макдональд от Гусева, Гусев от Соколова—по этой своеобразной цепочке, в конце концов замыкающейся во всей сумме тяжких улик. Я не буду касаться отношений между этими господами и фирмой, я их не знаю, не хочу знать, я их не касаюсь, не хочу касаться, но для всех ясно и понятно, что не в коммерческих, не в деловых интересах фирмы собирались эти сведения, а именно в тех интересах, о которых сам нам рассказывал, хотя потом и спохватился, что он проболтался, Торнтон при его допросе 13 марта. Но вернемся к Макдональду.

Макдональд говорит: «Когда я возвратился в Ленинград, то я стал собирать здесь сведения и помимо сведений о настроениях и бытовых условиях рабочих, я стал собирать и специальные сведения, а именно сведения о работе военного завода «Большевик», сведения о производстве моторов для аэропланов, а также о производстве орудий». И Макдональд указывает конкретно, кто эти сведения ему давал—Хрущов, Самарин, Редькин, т. е. те лица, которые были привлечены по другому делу о шпионаже, схвачены и осуждены.

Ну, говорил здесь Торнтон, как же можно было не знать об этих моторах для аэропланов, когда шум при их испытании был слышен во всем околотке, когда все слышали шум от этих испытаний? Как

же можно было не знать об этих пушках, когда при стрельбе дрожали окна во всей округе? Стреляют пушки—дрожат окна, все об этом знают. Но позвольте, если это так, как говорит Торнтон, что все об этом знают, так зачем ему нужно было прибегать к помощи Макдональда, платить ему за это деньги? Тогда он должен был бы ему сказать: «Ты что же несешь чепуху, все об этом знают, за что я тебе буду деньги платить?»

Вы—бизнесмен, вы—деловой человек, вы—практический человек, за это платили деньги, платили деньги за то, что он вам говорил о том, как шумят моторы, как стреляют пушки? За это вы платили деньги и такого рода сведения вы получали от Макдональда? Чепуха, детские разговоры! Наконец Макдональд имеет какое-нибудь основание вас оговаривать? Макдональд, с которым вы были всегда в хороших отношениях. Макдональд, который никогда не вызывал у вас никакого к себе недоверия, который был вам, к тому же, подчинен, который зависел от вас, а не вы от него—какое основание Макдональду оговаривать Торнтон и одновременно оговаривать самого себя. Нужно сказать, что сам Макдональд пришел к необходимости дать эти показания, потому что Гусев уже сказал, потому что Соколов уже сказал, потому что и Кутузова сказала, наконец и сам Торнтон сказал. И здесь нужно припомнить ту умильную сценку, которая разыгралась при неудачной попытке, хотя и в высокой степени беспорядочном виде, но все-таки отступить с раз занятой позиции. Макдональд говорил о том, что он сказал так потому, что ему показали показания Торнтон. А Торнтон, оказывается, показал так потому, что ему показали показания Макдональда—под влиянием показаний Макдональда. В конце концов нельзя было понять, кто же на кого повлиял, кто же говорил под влиянием чьих показаний. Один сваливал на другого,—оба запутались.

Итак Макдональд говорит о себе и говорит о Торнтоне. Говорит совершенно определенно, совершенно категорично, говорит не вообще, бросая тень на себя своей шпионской деятельностью, а указывая конкретных людей, конкретные предметы, конкретные обстоятельства. Ведь Макдональд получал сведения очень осторожно. Вы помните, как мы здесь установили методы сообщения этих сведений Гусевым. Гусев не пишет: производится столько-то снарядов. А пишет Макдональду дружеское, любовное письмо: у нас производится такое-то количество «консервов». Пишет это не обычным путем, а прибегая к вестовщице и посыльному, очень десятистепенной, но все-таки привлеченной к этому делу Марии Федоровне Рябовой, о которой дело доследуется. Макдональд через Рябову, которой имеет особые основания доверять, получает письма от Гусева, который, видя оказываемое Макдональдом доверие Рябовой, сам проникается доверием к этому контрреволюционному почтальону. Но пишет все-таки иносказательно: не снаряды, а консервы.

А люди, которые связаны с ними, фигурируют не под своими именами, а под вымышленными именами. Один именуется «деревом», второй—«слесарем», третий—именами, которые существуют вообще в природе—Василий, Иван, но которые не принадлежат этому человеку. И пользуются вымышленными адресами. Один посылает посылку с письмом, содержащим секретные данные от вымышленного лица, из вымышлен-

ного дома на вымышленной улице. Эта улица конечно существует, дом также существует, но они взяты случайно, именно с «бухты-барахты», взяты для того, чтобы отвести глаза, замазать и прочее.

Подписывается Гусев не Гусевым. В одном случае он подписывается Уткиным, в другом случае он подписывается Мочаловым. Это то, что он сказал. А конечно, товарищи судьи, нужно же иметь в виду, что в этих делах мы не можем не учитывать того обстоятельства, что это все делается конспиративно, делается осторожно, что документы сжигаются, что документы уничтожаются, что по возможности документы даже не составляются, а составленные увозятся в иных случаях туда, куда увез свои 9 секретных дневников Торнтон,—в город на Темзе, в Лондон. Там безопаснее.

Мы спрашивали Макдональда,—вы получали письма от Гусева?—Получал. Как они подписывались? Уткиным?—Уткиным. Эти письма вы как хранили?—Нет, говорит, я их бросал в печку, сжигал. Сжигали?—И дальше Макдональд ведет все-таки хитрую политику здесь на суде. Он признает себя виновным, да не так уж откровенно, как он это должен был бы сделать, если бы хотел, чтобы мы поверили, что то, что он сказал, это все то, что он сделал. Пойманный с поличным схваченный за руку, поставленный перед неопровержимыми доказательствами, которые поражают Макдональда, он все-таки умно и хитро повел свою защиту, стараясь, где возможно и от чего возможно, уйти, и с самого начала говорил и признавал только то, что не признавать не имел никакой возможности. Конечно может быть действительно с этой углеподачей, по поводу которой произошли некоторые разногласия, он и не давал Соколову прямых указаний. Оставим эту углеподачу на том кусочке совести, который может быть у Макдональда сохранился. Дело не в углеподаче, а в том, что Макдональд опытный разведчик, и я бы не сказал, что он менее умен, чем другие его партнеры по скамье подсудимых, а даже определенно сказал бы, что в некоторых случаях он мне кажется гораздо умнее.

Ведь когда мы установили здесь, что письма Гусева он сжигал, Макдональд попытался вильнуть в сторону и что он сказал? Я, говорит, вообще письма свои сжигаю. Но я спросил вторично: а еще от кого получали письма, кроме Гусева?—Он говорит:—ни от кого. Значит, можно сделать вывод, который мы и сделали, что письма от Гусева он всегда сжигал. Сжигают письма конечно не для того, чтобы их кто-нибудь видел и при всем искусстве следственных органов нередко является невозможным восстановить сожженные когда-то письма. Макдональд умеет использовать, как и многие другие, и патефон, и легкие мелкие услуги. Кстати, нужно сказать о методах, которые широко проходят по всем обвиняемым и в частности английского подданства.

Используются все возможности. Кушни сближается со слесарями, приходит к ним в дом, устраивает вечеринки. Лебедев с Эллиотом встречаются где-то, у какой-то дамы, которая организует такие птитсуарэ. И оказывается,—это я потом попрошу суд отнести на счет Кушни,—«между прочим» ведутся разговоры о Красной армии, как например с Емельяновым, о снаряжении Красной армии и т. д., и т. п. А Эллиот ведет разговоры с каким-то Болдиным, а Лебедев слышит

соответствующим уходом, что идет речь о работах военного отдела Ивановского механического завода, которые Эллиот берет себе на заметочку, а Торнтон говорит: «получал сведения от Эллиота».

Таким образом мы видим, как Макдональд, как Торнтон (о нем более подробно дальше) ведут определенную военно-шпионскую работу, собирают военные сведения.

В 1930 году,—говорит Макдональд,—перед моим отъездом в Златоуст, Торнтон имел со мной второй разговор, когда просил меня собрать для него сведения о военных производствах Златоустовского завода, а также о состоянии энергоснабжения этих заводов. Он говорил в несколько завуалированной форме, показывает Макдональд, т. е. в порядке не прямого приказа, давая задание организовать в Златоусте аварию для создания перебоев в работе заводов. Он мне сказал, что если понадобятся деньги, то за этим дело не станет. Он может их у него получить.

Вот три основных момента—военный шпионаж, организация аварий, подкуп, деньги, взятки—три момента, три основных звена той цепи, которая замыкает ответственность и виновность Макдональда и других, о которых я буду говорить дальше.

Выполнил ли Макдональд поручения, которые получил от своего начальника, хотя и не в форме прямого приказа, от Торнтона?—Да, надо признать, что выполнил. Он сказал Гусеву, что надо произвести порчу оборудования, и порча была произведена. А зачем это нужно было делать, почему это нужно было делать?—Для того, чтобы сорвать работу заводов, вызвать простои этих заводов, в том числе и тех, которые работают на оборону, на нашу Красную армию. Получил деньги, деньги передал, деньги распределил. От этих фактов никуда не уйдешь и никак не уйдешь. «Котляревскому, Васильеву, Фомину на Зугрэсе за их вредительскую деятельность я передал около 2000 рублей. Деньги давал отдельно. Котляревскому дал около тысячи рублей. Котляревский дал сведения, указанные в предыдущем показании»,—вот показания Макдональда. Добавляю: последнее показание Макдональда уже в прокуратуре республики о том, что в июне или июле 1932 года была организована авария 3-го генератора. «Она произошла вследствие введения болта в межжелезное пространство, было сделано по моему заданию или Фомичевым или Котляревским».—Вот второе показание Котляревского. Мы спросили Котляревского об этом и он ответил: да, это сделал я, положив болт, вызвал аварию. Круг улик замкнулся. Макдональд пойман, схвачен с поличным. Макдональд умнее других, которые будучи пойманными и схваченными, пытаются делать вид, что они не виновны и делают это больше для того, чтобы реабилитировать себя в глазах своих нелегальных начальников. Макдональд искреннее и смелее других,—прижатый к стене нашими доказательствами, он сознается в том, что достаточно ясно и четко сформулировано в обвинительных пунктах, предъявляемых к подсудимому Макдональду.

Я должен перейти сейчас к Ивановской электростанции, но перед этим я хотел бы только еще раз остановиться на одном сравнительно небольшом, но в высокой степени характерном штрихе, относящемся непосредственно к деятельности Макдональда и в известной степени к деятельности Монкгауза. Я имею в виду факт приезда Гусева в Зуевку

и сообщение Макдональду, находившемуся тогда в Зуевке, о том, что он считает свое положение довольно опасным вследствие того, что ОГПУ напало на след вредительской работы. Он высказал Макдональду это опасение в достаточно тревожной форме, но Макдональд его успокоил, сказав, что, если что стрясется, то он может всегда получить помощь по тому адресу, который был Гусеву сообщен. Этот адрес был адресом Монкгауза. Этот адрес значился в той записке, которую на Зуевке Макдональд передал Гусеву на всякий случай, на случай провала, перед опасностью которого, как Гусев чувствовал тогда, он в это время уже стоял.

И второй эпизод, который касается встречи Гусева с Макдональдом и с Торнтоном в Харциске, встречи, которая явилась результатом прямого вызова Макдональдом Гусева, сопровождалась обменом различного рода соображениями по поводу вредительской шпионской работы и которая должна считаться совершенно установленной как показаниями Гусева, показаниями Макдональда, так и показаниями самого Торнтон, который впрочем по принятой им тактике своей защиты отрицал здесь однако преступный характер беседы, имевшей там место.

Вот этими двумя напоминаниями я бы хотел закончить анализ тех эпизодов, которые касаются непосредственно трех лиц, о которых я говорил—Гусева, Соколова, Макдональда. Перехожу непосредственно к преступной деятельности подсудимых по Ивановской электростанции.

Я хотел бы начать с Нордволла. Какие мы имеем основания предъявлять и поддерживать во всем объеме обвинительного заключения обвинения против Нордволла? Этих данных, я считаю, у нас имеется более чем достаточно.

Нордволл в 1931—1932 годах работал на Ивгрэсе в качестве монтажного инженера фирмы «Метро-Виккерс». Он здесь сошелся с группой местных вредителей, в первую очередь с Лобановым, и повел вредительскую работу, давая задания группе инженеров и техников Ивгрэса Лобанову и другим совершать вредительские диверсионные акты, направленные к порче оборудования, к созданию аварий, которые по его поручению и выполнялись этими лицами, а также скрывать дефекты в оборудовании, что и выполнялось Лобановым, Лебедевым и другими. За это он, Нордволл, систематически выдавал через того же Лобанова взятки, в общей сложности составившие сумму в 5 000 рублей.

Мы имеем против Нордволла раньше всего показания Лобанова, который нам и здесь рассказывал и говорил об этом на предварительном следствии, что он неоднократно беседовал с Нордволлом, выражая свое недовольство существующим советским строем, нашими порядками, своим материальным положением, высказывая различного рода,—как это подтвердил сам Нордволл,—антисоветские суждения. На почве именно этих отношений настолько сблизился с Нордволлом, что тот и избрал его одним из своих соучастников. Впрочем, объективно говоря, трудно сказать, кто кого избрал своим соучастником—Нордволл ли Лобанова, Лобанов ли Нордволла, и это между прочим черта, которая характеризует известные трудности настоящего процесса и по отношению к ряду других подсудимых.

В самом деле, каждый из подсудимых, являющийся служащим одного из наших советских государственных учреждений,—здесь сам это при-

знавал, а факты, которые имеются у нас в руках, это подтвердили,— уже в течение ряда лет зарекомендовал себя, и свои антисоветские настроения, и свои антисоветские действия. В этих условиях едва ли правильно было бы установить такой переплет отношений между Лобановым и Нордволлом, что сам Лобанов, этот тип прожженного вредителя, сделался вредителем под влиянием Нордволла. Я бы не хотел поддерживать эту ересь. Я не думаю, чтобы Нордволл соблазнил одного из малых сих—Лобанова, отнюдь не малого из сих. Я имею все основания полагать, и я постараюсь это далее подтвердить рядом улик, что Нордволл был соучастником Лобанова, что Нордволл использовал вредительскую группу, которая была на Ивгрэсе, в контрреволюционных целях и интересах, что они были в контакте и проводили ту вредительскую деятельность, за которую он платил деньги, ассигнованные на эту вредительскую работу, по соответствующим линиям, какими были связаны Нордволл с Торнтоном.

Итак, мы имеем раньше всего категорические показания Лобанова, которые подтверждены Нордволлом в части, касающейся содержания тех бесед и разговоров, которые между Нордволлом и Лобановым имели место. И если Нордволл говорит здесь о том, что, встречая антисоветские взгляды Лобанова, он не поддерживал эти настроения, а наоборот, их пытался изменить и чуть ли не возвратит Лобанова на путь праведника, то это уже действительно получается довольно забавно потому, что если бы Нордволл действительно был тем без пяти минут большевиком, каким его охарактеризовал Олейник, вообще отличающийся в известной степени болезнью несдержания слова или блудословием, то ведь Нордволл должен был бы совершенно иначе реагировать на те разговоры, на те взгляды, на те суждения, которые он слышал от Лобанова.

Между тем эти антисоветские взгляды, о которых здесь говорит сам Нордволл, не только не мешали его сближению с Лобановым, но они не вызывали очевидно никакой реакции: если оставить совершенно неправдоподобную версию о реагировании на слова, о чем говорил здесь нам Нордволл.

Больше того, Нордволл принимает определенное участие, если хотите, и в облегчении материальных трудностей Лобанова. Эпизод с шубой не такой простенький эпизод, как это может казаться кое-кому, кто склонен сенсационно возвещать миру о том, что все обвинения Нордволла построены на шубе. Шуба—это одна из улики, и далеко конечно не единственная. Лобанов изобличает Нордволла в том, что он с ним вместе осуществлял вредительскую деятельность, давая ему определенные поручения, оплачивая эти поручения и обещая, что в обиде вредители не останутся.

Больше того, Лобанов показывает нам, что Нордволл при этом обращал внимание на то, чтобы портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если портить оборудование, входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то порча оборудования должна быть произведена так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

Это находит свое полное подтверждение в той позиции, которую

занимали по ряду вопросов, связанных с ответственностью их самих и их фирмы, некоторые подсудимые по настоящему делу — тот же Монкгауз, когда он сам подробно перечислял нам здесь ряд дефектов, которые имелись у этих турбин. Он хотел изобразить дело таким образом, что все-таки он, как уполномоченный этой фирмы, да и сама фирма не несут за это однако никакой ответственности, что все это выходит совершенно естественно, что если он продает, или если при его участии монтируется проданное его фирмой оборудование, которое он, по его собственным словам, никогда бы не купил, будь он служащим Наркомтяжпрома, то это естественно потому, что виновата-де в непригодности этого оборудования система оборудования, марка оборудования, тип оборудования. То, что здесь сказал Лобанов, совершенно соответствует той обстановке, на почве которой действительно разоблачена эта вредительская работа, — лучше, по возможности, ударить по оборудованию, поставленному другой фирмой, а если ударить по своему, то тогда, когда можно занять такую позицию, которую и занял Нордволл в известном случае, когда он говорил, что это его не касается и поэтому он может формально по этому вопросу стоять в стороне.

Вот почему эта версия Лобанова не противоречит действительному положению вещей, общей тактике и поведению Нордволла, когда он пытался совместить свою деятельность как представителя и служащего фирмы «Метро-Виккерс» с другой деятельностью, как вредителя, разведчика, работая по военному шпионажу. Эта версия не противоречит, а как раз изобличает то, что это было естественно и что именно разговоры, указания, такие преступные директивы, не только могли исходить, но и на самом деле исходили от Нордволла, что это вполне правдоподобно.

Нордволл платит деньги. Он это отрицает. Что же он не отрицает? Он не отрицает того факта, как передача шубы Лобанову, якобы приобретенной Лобановым от знакомого — и Лобанова и Нордволла — некоего Тейлора. Но позвольте остановиться на одном вопросе, почему Нордволл взял на себя задачу быть посредником в этой сделке? От большого избытка времени или от желания помочь этому антисоветски настроенному и антисоветски действующему Лобанову? Может быть конечно и третья версия — не из желания помочь Лобанову, а из желания оказать услугу своему соотечественнику Тейлору. Нордволлу было безразлично, будет ли греться в этой шубе Лобанов или другой, но, поскольку Тейлор пожелал ее продать, он берет на себя миссию переводчика и организует эту продажу. Очевидно этой версии может держаться и защита.

Но ведь надо будет вскрыть еще один небольшой факт. Шуба-то эта была получена фактически Лобановым не сразу. Эту шубу Лобанов получил через некоторое время в Москве и получил через некоего Воронина. А кто был Воронин? — Воронин был переводчиком на Ивгрэсе. Следовательно у Тейлора была возможность роль переводчика возложить не на Нордволла, а на Воронина, который был там переводчиком и привез эту шубу Лобанову, когда Лобанов находился не на Ивгрэсе, а в Москве. Если впервые, когда спрашивали Нордволла — зачем он вмешался в эту историю с шубой, он ответил — потому что Тейлор не знал английского языка, то теперь мы знаем, что здесь имелся переводчик, который впоследствии принял участие в этой операции. Зачем же вмешался Норд-

волл, если дело с шубой обстояло так просто. Это первый вопрос, который не может не служить косвенной уликой, подтверждающей версию Лобанова, что он эту шубу получил как подарок, в дополнение к тем 5 000 рублей, которые он получил от Нордволла из секретных сумм, ассигнуемых соответствующим учреждением на соответствующую преступную деятельность на территории нашей страны. Когда спросили Нордволла по поводу этой шубы, то он дал несколько объяснений, пытаясь и на предварительном следствии замести следы, обмануть, уйти от фактов. Сначала он заявил, что он сам получил от Лобанова 400 рублей и передал в тот же день или на другой Тейлору. Это записано в протоколе, мы это хорошо помним. Он твердо, настойчиво, без колебаний указывал на то, что он хорошо помнит, что эти 400 рублей получил. И мы спрашивали: вы подсчитали эти деньги или так прямо сунули в карман? Он говорит—прямо так, не подсчитал.—А потом прямо, так и отдали Тейлору? Не подсчитали?—Да, я так отдал. Нет, виноват, это было иначе. Ведь это было так, что мы провели через бухгалтерию нашей же конторы.

Вот к чему сводится его объяснение, которое записано при допросе в прокуратуре республики. Через бухгалтерию конторы провели путем списания 400 рублей со счета Нордволла на счет Тейлора. Сначала он говорит, что получил эти деньги, но если получил, нужно было подсчитать, а может быть он надул его, да еще Лобанов. Он тем не менее не считает этих денег. Передает. А пойманный, он говорит: «нет, я передал через бухгалтерию путем перечисления, в книгах конторы есть отражение».

Что же дальше? Дальше—вместе с Нордволлом едет в контору следователь, осматривает вместе с ним бухгалтерские книги и устанавливает, что никаких решительно сумм, перечисленных на чей-либо счет или Тейлора или на счет Нордволла, не существует в природе. В тех документах, где говорится, что осмотрена вся книга личных счетов, не было установлено нами ни одного признака, который подтверждал бы эту вторую версию Нордволла. Тогда Нордволл мечется. Появляется телеграмма, которую он посылает в Лондон: «Прошу подтвердить, что мною была переведена в тот период времени, о котором идет речь, сумма для оплаты Тейлору». И получается ответ на телеграмму: «Да, сумма в 500 рублей была переведена».

Когда спрашивали Нордволла «за сколько?» он говорит—за 400, а не 500, а теперь говорит: 500, то есть подгоняет свои объяснения под ту телеграмму, которая не подтверждает его первоначальной версии. И что же получается? Получается так: то шуба была куплена, то получены деньги, но не переданы, то переданы, но не записаны, то проведены через Лондон. Челуха, гражданин Нордволл, не выходит это дело!—И вдруг выползают эти 500 рублей, которые впервые названы здесь которые ни разу не были названы на предварительном следствии в соответствующих документах Нордволлом. Понятно почему. Потому, что Нордволл никогда не ожидал тех следственных действий, которые явились ответом на его заpiresательство и которые в ту же минуту были разоблачены в полном объеме. Вот почему мы говорим о том, что Нордволлу от этой шубы не уйти и придется эту шубу ему сейчас надеть на себя.

Шуба принадлежит по существу вам или тем учреждениям, от лица которых и по поручениям которых вы действовали. Это для нас совершенно несомненно.

Нам могут сказать, что все-таки это очень отдаленные косвенные улики. Нам могут сказать, что это все-таки частный случай, что это даже мелочь в роде той трубки, которую Нордволл любезно, хотя и за пятерку, а все-таки продал тому же Лобанову, этому антисоветскому человеку, с которым он дискутирует по поводу его антисоветских настроений. Это умилительная картина, достойная богов, когда «без пяти минут большевик» дарит трубку антисоветскому человеку, который посвящает его в свои контрреволюционные замыслы и настроения. Но очень часто на мелочах и вскрывается большое. Очень часто эти мелочи играют роль таких улик, которые ведут по следам и приводят в конце концов к раскрытию преступления во всем объеме. Именно в этом заключается значение тех косвенных улик, которые всегда сами по себе отдельно взятые, могут казаться имеющими второстепенное значение.

Маленькая черточка—трубка, маленькая черточка—шуба, маленькая черточка—400 рублей, маленькая черточка—4 ошибки, систематически повторяемые одна за другой Нордволлом, изобличают его в упорном желании во что бы то ни стало снять эту шубу со своей вешалки. Это не выходит. И именно в свете этих маленьких бытовых штрихов, на этом фоне показания Лобанова приобретают для обвинения доказательное значение.

Мы имеем показания не только Лобанова, мы имеем показания столь авторитетного в этих вопросах свидетеля против Нордволла, каким является обвиняемый Торнтон, мы имеем его шпионскую сетку, где в числе 12 выделенных им из 27 агентов разведки значится Нордволл, как агент, который занимался собиранием сведений экономического и политического шпионажа, сведений об оборонительных и наступательных возможностях нашей Красной армии, нашего государства. Нордволл не одиноко стоит перед уликами, его подпирают здесь с одной стороны Лобанов, с другой стороны Торнтон, и нужно конечно признать чем-то сверхестественным совпадение таких обстоятельств как матерый разведчик Торнтон, проболтавший, расшифровавший свою сеть и в этом отношении конченный и для разведки человек, и, с другой стороны, исчерпывающие показания Лобанова, который как мне, так и многим может быть кажется не вполне чистоплотной личностью. Но ведь нужно иметь в виду, что с чистоплотными людьми эти господа и не могли обделывать свои нечистоплотные дела. С чистоплотными людьми они не дружили. Когда они встречались с чистоплотными людьми эти чистоплотные люди давали им отпор, такой отпор, какой они получили например от чистоплотного человека, свидетеля Долгова, который получил 3 000 рублей, данные ему в виде взятки Торнтоном, принес их в ОГПУ, раскрыл эту взятку, пришел на гласный суд и здесь в лицо бросил им это обвинение. И они не посмели набросить на него какую-нибудь тень, а создали такую версию о том, что этому Долгову нужна была квартира, они пожалели его, пошли навстречу, хотели устроить квартиру. Потом оказалось, что о квартире не спрашивали, оказалось, что об этих 3 000 никто никогда не спрашивал, потом оказалось что нужно было ждать специального приезда Ричардса,

чтобы оформить эту сумму, а до этого они провели эту сумму в виде «переходящей суммы».

Нам скажут—вы опираетесь на показания Лобанова, но Лобанов—нечистоплотный тип. Скажите, какие чистоплотные люди, они имели дело с чистоплотными людьми. Конечно вы всасывали в сферу своего преступного влияния только нечистоплотных людей, только тех, на каких вы могли ставить ставку с точки зрения их продажности, с точки зрения их подлости или с точки зрения их идейных контрреволюционных убеждений—для нас здесь разницы нет. Поэтому довод, что нельзя опираться на такие показания, как показания Лобанова, не производит впечатления. Этот довод должен быть отвергнут. Мы не имеем права с точки зрения логики судебного процесса, мы не имеем права с точки зрения логики доказательств отбросить показания Лобанова только потому, что Лобанов нам несимпатичен с точки зрения своей моральной неустойчивости.

Лобанов. Я о нем уже сказал. Конечно это разложившийся тип, это тип и вредителя, и шпика второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности того класса, представителем которого он является, класса морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец—заводчик, брат—арендатор мельницы. Вот его родословная, которая определяет его точки моральной опоры. Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль,—она воплотилась и в Лобанове. Но Лобанов именно в силу этих свойств был особенно подходящим материалом для работы в контрреволюционном вредительском направлении, тем более, что это полностью совпадало с его собственными взглядами и стремлениями. Тут имеются налицо факты, говорящие сами за себя, имеются показания, свидетельствующие о том, что Лобанов—и шпион, и вредитель.

Лобанов так о себе и говорит: «Я систематически выводил из строя моторы цепных решеток котлов путем перелома кабелей передачи мотора. Делал это вместе с Лебедевым». Лебедев в этом смысле более положительный тип, если можно так сказать, с большими моральными качествами, чем Лобанов. Вероятно, это объясняется именно тем, что Лебедев является представителем иного социального слоя, чем этот сын заводчика и брат арендатора мельницы—Лобанов.

Лебедев это подтвердил: «Умышленно были засорены подшипники мотора питательного насоса котлов песком». Далее он говорит: «Неоднократно выключались фидера собственных нужд... под видом ложных включений максимальных релэ».

Это делал Лобанов с Угрюмовым. В деле есть показания Угрюмова, включений максимальных релэ».

В начале марта выводится из строя мотор дымососа котла № 5, о чем я уже упоминал в начале своей речи. Это опять-таки осуществляется при помощи Угрюмова—он об этом сам говорит в своих показаниях. Умышленно, вместе с Лобановым была оставлена неотремонтированной крышка контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы попало постороннее тело и создало короткое замыкание в муфте. Это сделал Лебедев, в этом принимал участие Лобанов, это подтверждается материалами предварительного следствия, и все это было совершено по тому плану, который был намечен Нордволлом.

Вот данные, которые позволяют говорить о том, что не может быть никакого сомнения относительно участия вредительской группы в исполнении этих вредительских операций Лобановым, в соучастии с Лебедевым, в соучастии с Нордволлом, который передавал деньги — раз 3 000 рублей, другой раз 2 000 рублей, которые распределялись Лобановым между всеми соучастниками. Это также подтверждено Лебедевым. Кроме того этих соучастников всячески задабривали разного рода дружескими отношениями, дружескими услугами и подарками, деньгами, шубой и пр. и т. п.

Вот почему в отношении Лобанова мы поддерживаем обвинение во всем том объеме, который определен обвинительным заключением.

Лебедев — бывший старший унтер-офицер. Это интересная черта. Разведчики ищут себе соучастников по линии бывших офицеров и унтер-офицеров. Олейник здесь показывал, что Торнтон давал ему указание подбирать людей из военных, которые пригодились бы в случае военной опасности, в случае начала войны, которой нам грозят все время еще с первого момента нашего существования. Торнтон подтвердил, что он действительно говорил с Олейником относительно подбора людей, — но он это якобы говорил в другом смысле — опять в «обывательском» смысле, как в «обывательском» смысле говорил и о снарядах, — подбора людей для замены английского персонала своим русским техническим персоналом. Но в то же время этого самого Торнтона очень интересует вопрос, не офицер ли Зорин, ибо к офицерам у этого унтер-офицера мессопотамской армии особенно лежит душа.

Лебедев обвиняется в том, что он совместно с Лобановым принимал участие в этих вредительских действиях. Кто же играл руководящую роль по отношению к Лебедеву и к Лобанову? Лебедев ставил себе те же самые контрреволюционные цели, которые заключались в подрыве мощи нашей советской промышленности и нашего Советского государства. Это Лебедев осуществлял путем участия в организации систематических аварий, порчи оборудования, получая за свою вредительскую диверсионную работу деньги, взятки. Он сам говорит: получил 900 рублей. Других данных у нас нет. Специальной бухгалтерии они конечно не вели. Мы впрочем установили, что в отдельных случаях ее кое-кто вел, например, Торнтон. Но Торнтон сумел заблаговременно увезти свои дневники, о которых нам говорила здесь Кутузова, в Лондон и следовательно сумел спрятать концы в воду.

Лебедев подтвердил все приведенные против него обвинительные данные, объяснив, что ближайшей целью этой контрреволюционной группы являлась дезорганизация работы Ивгрэса путем сознательной порчи оборудования, путем вывода из строя агрегатов, вызова аварий, создания перебоев на станции в целях сокращения электроподачи, а если окажется возможным, то и в целях полного прекращения подачи электроэнергии заводам, питающимся энергией от Ивгрэса.

Здесь надо сказать о Зиверте. Я не хочу на нем останавливаться особенно детально, потому что инкриминируемые ему преступления являются очень мелкими. Он не предохранил от пыли во время обточки агрегат, на котором работал. Он получал небольшие суммы от Торнтона. Мне кажется, что то, о чем он нам здесь рассказывал, очевидно так и было, потому что мы не имеем оснований подвергать сомнению его показания. В своей последующей работе он в известной степени уже

загладил преступление. Он конечно виноват в тех преступлениях, о которых мы говорим, но о нем, вы, товарищи судьи, будете иметь возможность в совещательной комнате поставить вопрос о том, не надлежит ли считать возможную для него меру репрессии покрытой предварительным заключением и его последующей честной работой на Днепрогрэсе.

О Сухоручкине. Сухоручкина мы здесь допросили очень подробно. Я едва ли ошибусь, высказав убеждение в том, что Сухоручкин является одной из основных и важных фигур этого процесса, этой скамьи подсудимых. К Сухоручкину нельзя подходить с такими требованиями, как к Зиверту или Лебедеву. Его общий культурный уровень, его положение на той станции, где он занимал ответственный пост—заведующего электротехническим отделом, начальника Эксплоатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, все это говорит о том, что к этому участнику контрреволюционной группы, действовавшему по заданиям инженера Торнтонна, выводившему из строя агрегаты, мы должны предъявить наиболее строгие требования.

На 1-й Московской ГЭС Сухоручкин проводит ряд вредительских мероприятий. Он скрывает дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, тогда как он по своей должности обязан был бы разоблачать эти дефекты и давать достаточные основания для немедленного и срочного исправления этих дефектов, не доводя до того, чтобы в силу этих дефектов могли быть какие-нибудь аварийные последствия. Он скрывает дефекты монтажа этого оборудования и именно эти его действия приводят эту важнейшую электростанцию к такому положению, при котором мы наблюдаем систематические аварии, уменьшающие работоспособность этой станции, повышающие стоимость эксплуатации и в частности, и главным образом в отношении оборудования, поставляемого из-за границы, и приводящие тем самым к потере рекламационных сумм. Все это нужно иметь в виду при оценке роли Сухоручкина в этом деле и степени его ответственности.

Одновременно он осуществляет диверсионную работу, являющуюся тягчайшим преступлением. Сухоручкин здесь назвал 6 случаев. Это случай с железной полкой, когда он лично осуществил соединение свинцовой оболочки однофазного кабеля генератора №№ 26, 27 с этой железной полкой. Он рассказывал здесь о том, как он сознательно не проверил состояния оборудования, причем при испытании оказались незалитыми два бака переключателя, что и привело к аварии.

Он назвал третий случай, когда он намеренно затягивал устройство вентиляции в подвале 4-го щита, что должно было по его плану привести к ненормальному перегреву кабелей и их повреждению.

Он говорил здесь относительно сознательного вызова затруднений в системе водоприготовления станции, что привело к аварийному выводу из строя турбин №№ 22, 24, к необходимости их ремонта, что в свою очередь не могло не привести к снижению мощности и нарушению правильной производственной деятельности этих турбин.

Он говорил о том, как на бойлерной установке были сознательно созданы затруднения с теплофикацией новых присоединений тепловых потребителей. Эти затруднения выражались в снижении температур в самое холодное время зимы и в снижении подачи воды.

Сухоручкин этими случаями не исчерпал всей своей вредительской деятельности, всех случаев, которые имели характер некоей репетиции на случай войны, когда намечался вывод из строя и распределительного устройства, того самого устройства в 6 600 вольт, о котором я говорил и которое имело особое государственное и военно-государственное значение. Это то самое распределительное устройство, которое дважды посетил Торнтон, хотя и с разрешения. Но важно отметить то, что разрешение это было ему выдано при помощи Сухоручкина тем самым Рязановым, который впоследствии был изобличен во вредительстве и осужден.

Крупный вредитель Сухоручкин, крупный аварийщик, дезорганизатор нашего хозяйства, убежденный и сознательный враг советской власти,— он должен получить от Верховного суда в судебном приговоре соответствующую и заслуженную оценку.

К р а ш е н и н н и к о в — начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции. Начал с сокрытия дефектов оборудования. Скрыл дефекты рабочих лопаток роторов турбин №№ 26 и 27, скрыл дефект регулирующих клапанов турбин, скрыл дефект конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины № 27, что привело 10 мая 1931 года к остановке этой турбины, скрыл дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 года привело к отрыву этого штока и к снижению нагрузки на турбине № 26 на 5 000 киловатт, скрыл дефективную пайку трубки маслопровода, что привело 9 декабря к разрыву трубки и остановке турбин и т. д. С первого взгляда кажется, что не особенно велика беда—скрыл какие-то дефекты. Этот самый Крашенинников связан с Олейником и через Олейника с Торнтоном. Опять ниточка, ведущая к Торнтону. Этот самый Крашенинников получает деньги через того же самого Олейника и из того же самого тортоновского источника.

З о р и н. Здесь прямая связь Зорина с Торнтоном. Зорин здесь нам называл пять встреч с Торнтоном, и как раз по поводу этих встреч я уже высказывал свои соображения. Эти 5 встреч убеждают в том, как постепенно разворачивается преступная контрреволюционная вредительская связь между Торнтоном и Зориным, который берет на себя определенное обязательство, оплачиваемое Торнтоном, как оплачивается все, что делается по заданию Торнтонна.

Интересно, что Зорин, являясь старшим инженером тепловой группы Мосэнерго, как он здесь выразился, оперативных функций не нес. Он, в сущности говоря, прибывал на место в момент аварий. Но именно с этого момента и начиналась его оперативная работа по исправлению этих результатов аварий. Ясно, какое широкое поле предоставлялось здесь вредительству Зорина.

О л е й н и к. Служащий фирмы «Метро-Виккерс», хороший служащий фирмы «Метро-Виккерс» или плохой служащий «Метро-Виккерс»,—это не наше дело. Он здесь говорил, что он служил «по силе возможности» этой фирме, служил «добросовестно», как и вредил «добросовестно». Я,—говорит он,—все, что делаю, делаю добросовестно. Понятие «добросовестности» у этого «добросовестного» человека очень своеобразное. Этот человек питал уважение к Торнтону. Он же и предал Торнтонна, хотя последний и обещал ему так же блага жизни, как вклад в Английском

банке на черный день. Я,—говорил Олейник,—связал всю свою судьбу с этой фирмой «Метро-Виккерс», я связал с ней все свое благополучие. Но это благополучие Олейника в свою очередь было связано с его преступной работой, которая осуществлялась Олейником, о которой здесь он много и очень словоохотливо рассказывал, избавляя меня от необходимости повторения. Под непосредственным руководством гражданина Монкгауза и гражданина Торнтон, этих господ, очень много заботившихся о судьбе Олейника, протекала вредительская «служба» Олейника.

Что собой представляет Олейник—мы это знаем. Это накипь нашей жизни, это отброс этой жизни. Но тем характернее, что именно эти отбросы пользовались таким доверием у этих граждан, действовавших под прикрытием своей фирмы, тем характернее, что типы, подобные Олейнику или Лобанову, были у них на этой их нелегальной службе.

Кушни. Кушни работал в Баку. Я говорил о состоянии Бакинской ГРЭС за период с 1927 года до последнего времени. В 1928 году начинается деятельность Кушни. Я сказал—Кушни посеял достаточно семян, которые продолжали и после него давать свои ядовитые ростки. Кушни изобличается, во-первых, показаниями Емельянова,—об этом мы говорили на судебном следствии,—Кушни изобличается, во-вторых, Торнтоном, поместившим Кушни в свою шпионскую сетку. Кушни наконец изобличается Макдональдом, который в своих показаниях от 13 марта относительно его преступной деятельности говорит буквально следующее: «Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метро-Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтон. Разъездным помощником являлся Кушни—офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

Вот что говорит Макдональд. Что говорит Торнтон, видно из анализа его показаний от 13 марта, где Кушни значится в шпионской сетке. Совпадение чрезвычайно опасное для Кушни, и Кушни чувствует эту опасность, Кушни ведет себя как испытанный разведчик. С чего он начинает? Он начинает с того, чем и кончает,—с обычного шпионского разведческого приема—отказа давать какие бы то ни было объяснения. Изобличенный этими показаниями, вынужденный признать, что он действительно занимался шпионской деятельностью, он затем из одного допроса в другой категорически отказывается давать какие бы то ни было дальнейшие показания.

Вот его показания 22 марта: «Давать дальнейшие подробные сведения о своей шпионской деятельности в СССР я отказываюсь. Мотивов своего отказа от дачи показания следственным властям приводить не желаю». Вот как отвечает хороший крепкий разведчик.

А вот Кушни допрашивается 23 марта:

В о п р о с: «Признаете ли вы себя виновным в том, что вы в СССР занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического характера?»

О т в е т: «Отвечать не желаю».

Вот как этот «честный инженер-монтажник» монтирует свой ответ.

Вопрос: «Подтверждаете ли вы показания, данные вами на очной ставке с Торнтоном 22 марта, что вы занимались собиранием шпионских сведений экономического и политического порядка в СССР?»

Ответ: «Подтверждаю данные мною показания на очной ставке 22 марта с Торнтоном, что я действительно договаривался, чтобы сведения такого рода собирались».

Вопрос: «Через кого из русских вы собирали шпионские сведения?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «По каким причинам вы не желаете рассказывать о своей шпионской работе в СССР?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вопрос: «Почему вы не желаете отвечать на предыдущие заданные вам вопросы?»

Ответ: «На этот вопрос отвечать не желаю».

Вот классический образец поведения на допросе избалованного шпиона, но шпиона все же с некоторой червоточинкой. Он все же признался, что занимался шпионажем. Вот написал ведь, что подтверждает данные им показания 22 марта, что он действительно передавал шпионские сведения. Признался, а через кого получал,—не хочет говорить. А почему не хочет говорить,—не желает отвечать. Это как называется?—Это называется заперательством пойманного, схваченного на месте. Но это не спасет Кушни, потому что каждый шаг, который он делает, он делает на топкой почве лжи. И он ловится, он разоблачен, как разоблачены вот эти господа Торнтон, Монкгауз, Нордволл, Гусев, Сухоручкин и другие.

А вот очная ставка Олейника с Кушни. Опрашивают Олейника—кто из англичан занимался собиранием шпионских сведений, разведкой. Ответ—Монкгауз, Торнтон, Макдональд, Кушни и другие.

Но Олейник это подтверждает. Торнтон подтверждает. Это подтверждают не только показания Торнтона и Олейника, подтверждает это показание Кушни от 23 марта, когда он отказался назвать русских инженеров, через которых он проводил эту работу. Монкгауз тоже говорит, что Кушни занимался шпионской работой и что шпионскую информацию он получал от Торнтона и Кушни. Олейник подтверждает, Монкгауз подтверждает, Торнтон подтверждает и наконец сам Кушни это подтверждает, но потом спохватывается и заявляет: «Больше ничего не скажу»...

Не скажите? Не нужно. Вы уже все сказали, что могли, и сказали для нас совершенно достаточно для того, чтобы против вас поддерживать в полном объеме обвинение и в диверсии, и в шпионаже.

Круг улик замкнулся. И нет выхода из этого круга, и не сумеет и не сможет Кушни разорвать этот круг улик, говорящих с неоспоримой убедительностью о его виновности, в соответствии с чем и должен быть вынесен приговор.

Кутузова. Здесь дело обстоит наиболее просто. Кутузова с самого начала поставила себе задачу сделать, так сказать, иностранную карьеру. Она говорит: я занималась изучением английского языка, желая поступить на службу в английскую фирму. Ничего предосудительного в этом желании конечно нет. Но интересна эта черточка, эта тяга к иностранной фирме с точки зрения вопроса о чувстве достоинства советского гражданина. Работать не у себя, а у других. Почему? Потому что

здесь можно лучше заработать, больше получить, потому что здесь меньше будет может быть работы, потому что может быть здесь будет и больше удобства. И кто знает—может быть, пригодится когда-нибудь эта самая связь—ведь по мнению всех этих Кутузовых советская власть не прочна, и вот где соберутся 18 вредителей, возьмутся за дело, поднапрут и советская власть рассыплется—тогда пригодится и служба в иностранной фирме. И вот Кутузова устроена на этой службе. Она здесь говорит: я не могла не сблизиться с ними потому, что мы, советские граждане, работавшие в фирме «Метро-Виккерс», окружены были известной стеной изоляции. Чепуха. Ложь. Никакой изоляции. Танцульки, вечеринки, встречи, посещения, пудра, духи, помада и прочее. Какая здесь изоляция? Бросьте эту басню об изоляции, которая вас якобы толкала на отношения секретного, военного, шпионского, разведывательного, вредительского характера. Бросьте. Логика вещей привела вас на этот путь. Но логика вещей была создана вашей логикой.

И вот вы оказались в этой группе. И вот вы, Кутузова, оказались у них на нелегальной службе. И вот вы оказались хранительницей их секретов. Не только ответственный секретарь конторы, но и ответственный секретарь контрреволюционной, вредительской, нелегальной группы. И вы хранили их секреты, переживали вместе с ними опасения и волнения нелегальщины. Но при такой поддержке, с одной стороны, Монкгауза, с другой стороны, Торнтонна вы перешагнули через эти трудности и, катаясь между Перловкой и Москвой в английском автомобиле, среди этих удобств вашей жизни, забыли свое достоинство, потеряли совесть, забыли о том, что вы советская гражданка. Вы продались за деньги, и вы должны также отвечать за это по законам нашего государства.

Но Кутузова имеет некоторые плюсы, хотя и полученные ею с большим запозданием. Она дала искренние и чистосердечные объяснения. Она не пощадила себя, не пощадила и своих соучастников. Она рассказала может быть не все, что она знала, даже наверное не все, но и того, что она сказала, с достаточной, мне кажется, прямоотой и откровенностью характеризует и свою собственную преступную «работу», аналогичную работу своих соучастников, достаточно, чтобы учесть это при окончательном разрешении вопроса о судьбе Кутузовой.

И вот опять, как и в начале процесса, нам приходится возвращаться, замыкая этот круг наших обвинительных пунктов, к трем фигурам, которых, как я уже докладывал суду, обвинение отнюдь не считает центральными фигурами этого процесса, ибо в центре нашего обвинения с самого начала, как это видно и из обвинительного заключения, и из хода следствия, и из формулируемых мною здесь в последний раз обвинительных пунктов, в центре обвинения стоят граждане СССР, государственные служащие. Но из английских подданных, обвиняемых по данному делу, мы выделяем три фигуры—Торнтонна, Макдональда и Монкгауза. О втором я уже сказал, о первом и третьем разрешите сказать последние несколько слов.

Монкгауз. Он прожил в СССР свыше 20 лет. Обвинение считает доказанным, что Монкгауз собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а также некоторых русских инженеров секретные сведения военно-государственного значения, что он принимал участие во вредительской, диверсионной работе указанной контрреволю-

ционной группы, что он за эту шпионскую, диверсионную, вредительскую работу платил систематически различные денежные суммы, давал взятки русским инженерам за сокрытие ими дефектов, имеющих в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс». То есть иначе говоря, доказана его вина в преступлениях, которые по обвинительному акту инкриминируются по ст. 58-6-7-9 и 11 Уголовного кодекса. Я только что говорил о подсудимой Кутузовой. Ее показания достаточно изобличают Монкгауза, характеризуя его роль в этой вредительской контрреволюционной, шпионской работе. Именно она была свидетельницей того, как Монкгауз с Торнтоном намечали план порчи турбин, оборудования, вывода из строя того или иного агрегата. Эти объяснения Кутузовой нашли себе подтверждение и в показаниях целого ряда других лиц. Система взяток, практиковавшаяся Торнтоном при участии Монкгауза, нашла свое подтверждение в эпизоде с попыткой подкупить Долгова, от которой ни Торнтону, ни Монкгаузу уйти некуда. За что была дана взятка Долгову? Взятка была дана за то, чтобы Долгов не выполнил своих обязательств перед своим пролетарским отечеством. Хотели купить Долгова—сорвалось. Он на это не пошел. Он не только не пошел на это, но честно раскрыл эту попытку его подкупить. Это оказался вынужденным признать сам Монкгауз, которого не спасут запоздалые отказы от своих собственных признаний, голые отказы. Монкгауз думает, что стоит ему только сказать: «я отрицаю», «теперь я не так говорю, как говорил раньше»,—чтобы мы убедились в правдивости его утверждений. Но Монкгауз не только отрицает, он еще и инсинуирует, как это было тогда, когда он наврал относительно 18-часового допроса, в чем он и должен был принести извинение. Он допрашивался в Прокуратуре Республики и сказал, что он не признает себя виновным в трех пунктах, но признал себя виновным в пункте 4-м, а этот 4-й пункт говорил именно о том, что он вместе с Торнтоном дал Долгову взятку.

Но это не единственный эпизод. Монкгауз говорил следователю: «Я знал о том, что Торнтон привозил различные вещи советским инженерам и техникам, но предполагал, что он получает деньги за эти вещи».

Следовательно здесь можно прийти к заключению, что Монкгауз не только был осведомлен о подкупах, которыми занимался Торнтон, но принимал непосредственное участие в даче взяток, как это было с Долговым, когда 3 000 рублей были списаны по специальному разрешению Монкгауза и Ричардса и так далее.

Я здесь должен сказать однако несколько неприятных вещей, не только касающихся Монкгауза, но и некоторых, весьма неприятных традиций конторы «Метро-Виккерс». Я имею в виду показание Монкгауза, правда, не о себе, а о своем предшественнике, о некоем Антоне Антоновиче Симоне. Этот самый Антон Антонович Симон за период времени с 1923 по 1928 год был директором по операциям с СССР фирмы «Метро-Виккерс». Он очень интересно охарактеризован тем же самым Монкгаузом, преемником Симона и, можно сказать, преемником в полном смысле этого слова. Как характеризует эту плодотворную деятельность Антона Антоновича Симона Монкгауз? Он сказал вот что: «Я знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для взяток». Вот какое разоблачение тайн Мадридского двора.

«И я твердо верю,—продолжал Монкгауз,—что он был заинтересован

в некоторых контрреволюционных движениях, но я не пользовался его доверием. Он не верил мне по некоторым личным и политическим мотивам. Я не могу сообщить точных сведений о его деятельности в этом направлении. Симон умер в 1927 году и тотчас же я был назначен руководителем в СССР по фирме «Метро-Виккерс». Моим начальником с начала работы и до сегодняшнего дня был господин Ричардс, которого я знал со студенческих времен, потому что он кончил в то же время, как и я».

Остановимся пока на этом факте. Итак, дается Долгову взятка. В этой взятке принимают живейшее участие Монкгауз и Ричардс. Потом, когда эта взятка оказывается разоблаченной, тогда Монкгауз, во-первых, пытается отрицать, но припертый доказательствами к стене, не видя выхода, сознается. А здесь опять пытается доказать, что никакой взятки не было, что в практике конторы «Метро-Виккерс» взятки никогда не имели место. А тут, оказывается, существовал целый специальный фонд для взяток... Монкгауз знал, что его предшественник занимался систематическим подкупом служащих наших советских учреждений. Монкгауз знал, что у Симона был специальный фонд, которым он пользовался для этих преступных целей, этот фонд был не только у Симона. Этот фонд был и у Монкгауза. И вот после всего этого Монкгауз говорит, что никаких взяток не давалось, что он благородный человек и вообще не может понять, о каких взятках здесь идет речь, что в лучшем случае имели место подарки.

Так обстоит дело со взятками или «подарками». А за что давались эти взятки, какие были эти сведения, за которые давались эти «подарки»?— Эти взятки давались за сведения, которые точно так же собирал Монкгауз, как и собирала остальная шпионская сетка английских разведчиков. Мы имеем показания того же самого Монкгауза, которые бросают свет и на эту сторону дела. Вы имеете его показания, где он говорит, что шпионские сведения действительно им получались главным образом от Кушни, о котором мы достаточно уже говорили сейчас, и от Торнтона, роль которого в этом отношении достаточно исчерпывающим образом была здесь тоже уже охарактеризована.

На предварительном следствии, на допросе в Прокуратуре Республики Монкгауз не посмел отрицать своих показаний, данных ОГПУ, где он говорил, что он занимался собиранием шпионских сведений. Но он попробовал прикинуться непонимающим, что такое шпионаж. Но и тут он должен был немедленно сдать, заявив: «Содержание слова «шпионаж» я понимаю и знаю, что под шпионажем разумеется собирание и передача сведений, являющихся государственной тайной».

Это вы говорили? Говорили. Таким образом вы оказались вынужденным признать, что вы понимаете, что такое шпионаж, что вы понимаете шпионаж именно в смысле собирания и передачи государственных тайн, в каком говорит о шпионаже и обвинение.

Монкгауз вообще пытался на допросах заниматься филологией—от исследования слова «шпионаж» перешел к исследованию о том, что такое «нелегальный».

Эту экскурсию в филологию Монкгауз предпринял по поводу случая нелегального перехода Ричардсом финляндской границы, о чем нам рассказал Монкгауз. Поправляясь, Монкгауз добавил: «не нелегальный,

а секретный». Хорошо. Значит, так и скажем: не нелегальная деятельность, а секретная деятельность. Меня это с точки зрения обвинения полностью устраивает, не знаю, устроит ли это Монкгауза.

Один маленький штрих. Когда мы говорим о Монкгаузе, то мы не должны забывать 1917 год, мы не должны забывать 1918 год, когда Монкгауз служил в Архангельске в интервенционистском отряде английского корпуса, который вел войну против нашей советской власти, против рабочих и крестьян нашей страны, вел вооруженную борьбу под руководством, при непосредственном и активном участии в этой борьбе против нас того Ричардса, с которым и дальше поддерживал связь Монкгауз по своей работе в «Метро-Виккерс» и который тогда был связан с знаменитой «Интеллидженс Сервис», связь Ричардса с которой в настоящее время меня совершенно не интересует. Это не случайное обстоятельство, как не случайное обстоятельство и то, что нам сообщил на допросе Монкгауз, что, когда он, утомленный военными подвигами в Архангельском интервенционистском корпусе, вернулся на отдых в Лондон, он получил предложение снова поехать в Россию, но уже не на север, а на юг, в армию Деникина. Он отказался из-за утомления; его утомление мало меня интересует, но характерна его плодотворная деятельность в интервенционистском корпусе под руководством Ричардса, которая дала достаточно оснований для того, чтобы предложить ему продолжить эту карьеру интервента, но уже не на севере, а на юге, уже в рядах деникинской армии.

Интервенты знали, кому они делали такое предложение...

И наконец вредительство, аварии, науськивание, использование тех или других вредителей, использование ими той обстановки, которая к сожалению еще у нас полностью не исчерпана и которая еще возможна вследствие того, что мы еще имеем в нашей стране остатки эксплуататорских классов, что мы имеем вокруг нашей страны капиталистическое окружение, питающее определенным образом классовую борьбу в нашей стране, выделяя, мобилизуя и направляя враждебные нам силы, хотя бы и совершенно ничтожные.

Я бы хотел, чтобы уже больше не возвращаться к этому, обратиться в связи с Монкгаузом еще к одному моменту, который не может нас не интересовать и который уже привлекал наше внимание. Я хочу здесь напомнить беседы и запись бесед, которые вел наш народный комиссар по иностранным делам товарищ Литвинов с британским послом сэром Эсмондом Овием 16, 19 и 28 марта, именно в той части, которая касается разгромленной, неудачной, но все же сделанной здесь на суде Монкгаузом вылазки с целью опорочить наше предварительное следствие. Я коснусь одного факта, который имел место при ведении предварительного следствия и в частности в отношении английских граждан, как и впрочем в отношении и советских граждан,—это действительно чрезвычайная быстрота произведенного следствия.

11 марта ночью был произведен арест, и уже 12 апреля мы проделали работу, о которой говорят те материалы, какие на протяжении пяти дней проходили перед судом. Совершенно естественно, что нужно было работать быстро, упорно и много. Совершенно был прав товарищ Литвинов, когда он говорил, что мы пошли такими быстрыми шагами именно по настоянию НКВД, а НКВД пошел максимально навстречу

пожеланиям никого иного, как именно британского посольства. При нормальных условиях допрос Нордволла и Монкгауза продолжался бы, читаем мы в записи товарища Литвинова, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение 3 дней. Нужно следовательно иметь в виду, что если 12 марта был допрос в течение всего дня, занимая примерно 7—8 и даже 10—12 часов, если 13 марта, хотя и с тремя перерывами, три раза шел допрос того же Монкгауза или того же Торнтон, то это, в сущности говоря, наши следственные органы делали под прямым нажимом, как это говорит товарищ Литвинов, НКВД, который торопил нас поскорее это дело кончить в интересах самих же арестованных. И что самое для нас существенное, как можно усмотреть из этой записи, никто иной, как сэр Эсмонд Овий настаивал на том, чтобы как можно скорее было закончено это расследование. И когда, идя навстречу этим требованиям, следственная власть работала 8—10—12 часов в сутки вместо того, чтобы растянуть на несколько недель допрос, допрашивая в день по 2—3 часа, вдруг появляется в несколько иной обстановке соответственно инспирированный Монкгауз, делающий попытку заявить, что его утомляли длительным допросом по 18 часов. 18 часов не было, но были допросы в 10 часов, были допросы в 12 часов, хотя и с перерывами на обед, с целыми часами этих перерывов, которые требовались и для отдыха, и для принятия пищи, и для направления на допрос из изолятора и обратно, что в общем составляет не менее 20—30 процентов всего времени, ушедшего на эти допросы. Этот факт небесполезно установить для того, чтобы учесть все обстоятельства, очевидно толкнувшие Монкгауза на путь этой клеветы, этой злостной неправды, которая причинила и ему некоторую неприятность, за которую он здесь извинился.

Торнтон. Торнтону вменяется в вину следующее: организация через разветвленную сеть монтажных инженеров и техников, служащих конторы «Метро-Виккерс», экономического военного шпионажа. Во-вторых, привлечение к шпионской работе ряда русских инженеров и техников. Организация аварий на ряде электростанций Союза: дача взяток за организацию этих аварий, за сокрытие дефектов оборудования, монтированного монтажным персоналом конторы в лице некоторых соучастников этой контрреволюционной группы.

Какие у нас имеются данные против Торнтон? Во-первых, против Торнтон у нас имеется ряд таких объективных данных, как многочисленные случаи дефектов в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс» на целый ряд электростанций, крупные и мелкие дефекты, которые вызывали крупные и малые аварии, которые вызывали длительные или менее длительные простои турбин и следовательно наносили нам серьезный ущерб. Дефекты несомненно были. Об этом говорил сам Монкгауз. Эти дефекты скрыть во что бы то ни стало, чтобы защитить в иных случаях материальный интерес самой своей фирмы, могло явиться необходимым, это—первое; чтобы использовать это как объективные причины, как ширму из объективных причин, за которой можно удачно скрыть свою субъективную, активную контрреволюционную вредительскую работу, это—второе. Это наконец использование этих дефектов таким образом, чтобы активизировать на этой основе вредительскую работу путем организации самих аварий, это—третье. Рядом с этим—организация военного шпионажа, подкупы и взятки, которые, как я

уже сказал, являлись одним из широко распространенных методов работы именно этой группы, этой преступной шайки, пойманной и сейчас здесь на суде полностью изобличенной.

Какие у нас имеются основания утверждать и настаивать на виновности Торнтона? Мы имеем здесь следующие материалы. Во-первых, признание самого Торнтона. Торнтон признал себя виновным в организации экономического и военного шпионажа. Торнтон признал себя виновным в собирании сведений шпионского характера через разветвленную сеть своей агентуры, некоторых служащих фирмы «Метро-Виккерс» и не служащих фирмы «Метро-Виккерс», но работающих в соприкосновении с ними. Он признал дачу взяток русским инженерам и техникам за шпионаж через отдельных инженеров и техников, служащих этой фирмы, и непосредственно. Он признал дачу взяток за заведомое сокрытие дефектов оборудования. Так было на предварительном следствии. На судебном следствии Торнтон, как вы помните, отказался от того, что он признавал на предварительном следствии, за исключением собирания экономической информации, не составляющей уголовно наказуемого преступления.

Придется вернуться кратко к анализу поведения Торнтона на суде. Возьмем за исходное, наиболее благоприятное для Торнтона положение,—его признание в том, что он собирал сведения, собирал информацию, не говоря о том, какого характера эта информация. Установим бесспорные факты и нам будет проще и нам будет удобнее и легче распутать этот узел. Итак, Торнтон собирал сведения через ряд своих сотрудников и через других лиц, с которыми он находился в деловых и неделовых связях из несотрудников своей фирмы. Это факт бесспорный, он сам его признал.

Второе—он признал, что получал в частности информацию из Златоуста. Он признал, в-третьих, что эту информацию из Златоуста он получал от Гусева и Макдональда, и в-четвертых, что никакой другой информации кроме той, которую он получал через этих лиц, он ни от кого не получал. Это тоже бесспорно.

Теперь спросим и проверим, какова же была действительно эта информация из Златоуста?—Спросим Гусева и получим ответ,—информация военно-шпионского характера: количество снарядов, типы снарядов, работа прокатки, сведения о стали, которая является высококачественной и идет тоже на военные нужды. Вот показания Гусева и Макдональда. Вот вам сумма всех данных, которые не оставляют никакого сомнения в том, что из Златоуста шла одна информация,—военная информация, и что если это так было и если Торнтон ни от кого не получал информации, кроме этих людей, то эти люди могли дать только ту информацию, какую давали в действительности. Здесь голому отрицанию противопоставляется документ самого Торнтона, признающего, что он занимался шпионажем военного характера.

Как тут быть? Чему же здесь верить, что принимать за достоверное? Совершенно естественный, единственно возможный ответ: можно верить только фактам. Сведения из Златоуста получали? Получал. Вы сами говорите только через Гусева? Принимаем эту версию. Вы сами говорите только в соучастии с Макдональдом? Примем эту версию. Никаких других данных не нужно. Обратимся к тому, какие это были све-

дения. И Макдональд и Гусев говорят согласно, какие это были сведения.

Но Торнтон не только через Гусева занимался получением военных сведений.

Вспомните не отрицаемые Торнтоном показания о том, что он получал сведения с Мытищинского завода об изготовлении там военных тележек для Красной армии. Получал сведения с Путиловского завода. Он сообщал кроме того, что на Путиловском заводе в некоторые цехи закрыт доступ посторонним лицам, потому что эти цехи якобы переведены на военную работу, и в частности в тот период это было, поясняет Торнтон, когда в 1931 году у СССР возникли осложнения на Дальнем Востоке.

Гусев—о снарядах, кто-то—о Мытищах, Макдональд—о Путиловском заводе. Торнтон сам наблюдает, слушает, высматривает, что где делается. Завод «Большевик» с пушками и с моторами присоединим сюда. Эллиот собирает сведения через своего собеседника на вечере у какой-то Волковой о военном отделе Ивановского завода. Олейник имел специальное назначение проследить направление воинских эшелонов на Иркутск.

Особый интерес опять-таки через Кушни к состоянию Красной армии. Вот ряд данных, в совокупности своей достаточно убедительно характеризующих роль в этом деле Торнтонна.

Мы имеем таким образом целую кучу данных, которые говорят о том, что Торнтон работал именно как организатор этой военной разведки. Вот Маккракен. По собственным показаниям Торнтонна этот Маккракен сообщал ему, что когда он ехал в Кузнецк, видел много поездов, много эшелонов, идущих с военным снаряжением на Восток, а также когда он уезжал из Кузнецка, там было много войска. Видите, как Маккракена интересуют войска, а Торнтон разговаривает на тему о том, куда идут эти эшелоны. А вот разговор Торнтонна с Кларком. «Кларк сообщал мне о разных контрреволюционных актах, которые были ему известны». Тут смешиваются были и небылицы и главным образом небылицы по типу рижских уток. Кстати, виноват, не в вашей ли кухне готовились эти рижские утки, что на какой-то завод будто бы привезли чуть ли не целый вагон динамита, чтобы взорвать этот завод, и т. д. и т. п. Одновременно с этими сплетнями и рижскими утками *made in Riga*, которые составляются при непосредственном и при благосклонном участии Торнтонов, Маккракенов и Кларков, собираются сведения о направлении и движении войск, подсчитывается даже количество эшелонов, обращается внимание, с чем идут эти эшелоны, идут ли с аэропланами или с моторными обозами, или с людьми.

Все выясняется, все выпрашивается, высматривается, это видно из показаний Торнтонна уже позже, 13 марта 1933 года. Торнтон говорил, что он себя плохо чувствовал 13 марта, а 15? Торнтон ответил: лучше. А 16? Ответ: еще лучше, а 17? Тоже. Вот видите, гражданин Торнтон, чувствовал себя хорошо, а наговорили таких вещей, таких «снарядных» сведений, от которых, пожалуй, можете взорваться.

Или возьмем дальше, когда спрашивали Торнтонна 16 марта:

Вопрос: «Какие конкретные факты в вашей информации вы сообщили Ричардсу по военной промышленности?»

Ответ: «Я сообщил Ричардсу, что новый турбинный цех Путиловского завода был закрыт и наших инженеров туда не пускали. Согласно рассказам наших инженеров цех перешел на изготовление военного снаряжения».

Это что—«обывательские» сведения?

Другое показание Торнтон: «В 1931 году в период осложнений на Дальнем Востоке я указал Ричардсу, что на Мытищинском заводе часть цехов перешла на изготовление тележек для Красной армии. Эту информацию я получил от нашего монтера Уортер».

Вот как обстоит дело. Возьмем показания от 12 марта. Мы здесь имеем список бывших офицеров и солдат—служащих фирмы. Очень интересное совпадение. Дальше идут—Нордволл, Поллит, Риддл, Торнтон, Монкгауз и так далее.

Ну как, гражданин Торнтон, у вас дело обстоит с военным шпионажем? Неважно для вас, неважно. Выходит так, что сведения к вам стекались из разных сторон. Олейник дает сведения о военных заводах около Перми, Лебедев о военном отделе в Иванове, Макдональд об испытаниях орудий, о моторах, о Путиловском заводе, о его военных цехах, Уоттерс то же самое. Олейник о военных эшелонах на Иркутск с орудиями, аэропланами. Поручили Олейнику во время пребывания его на Украине прощупать—нельзя ли подобрать небольшую, но крепкую группу бывших офицеров, которые могли бы пригодиться на случай интервенции, на случай войны. Этот разговор был? Торнтон не может этого отрицать, но пытается вилять. «Подтверждаете вы это или нет?», спрашиваю Торнтон. Он говорит: «Что касается подбора людей для диверсии и шпионажа, я отрицаю, но помню, что говорил Олейник о подборе технического персонала из русских для замены англичан»...

Кому это вы рассказываете?—Вы подбираете специальных людей. Вот они—Гусев, который сидит за вашей спиной, Лобанов, это бывшие белогвардейские офицеры. Вот ваша сеточка, ваша диверсионная группа!

Вот как обстоит дело с военным шпионажем, вот как обстоит дело с целой кучей улик, которые имеются в этом отношении против вас. И Макдональд, и Олейник, и Гусев, и Лебедев, и наконец сам Торнтон—можно было бы очень и очень много против вас выдвинуть и других улик, но и этих достаточно для того, чтобы ваша роль, как организатора военно-шпионской работы, здесь была полностью раскрыта, изобличена и заклеяна. Затем этот ваш документ от 13 марта, от которого вы так усердно отрещиваетесь. Когда, товарищи судьи, мы заводим речь об этом документе, Торнтон теряет последнее самообладание, он вскакивает, как мы видели не раз, и говорит: «Я полностью отрицаю». Он отрицает из 10 документов именно этот документ, а не документ 12 марта—до этого ни допрос 14 марта—после этого ни 20, ни 1 апреля—ни один из протоколов этих дней так не волнует Торнтон, как именно этот документ. Конечно надо сказать, что этот документ мы должны оставить на совести Торнтон—это его документ. Достоверность того, что он в нем сообщил, установить может в настоящих условиях только он. Этим документом он не только разоблачает, раскрывает свою сетку этих 15 разведчиков, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, и 12 разведчиков, которые были заняты военным шпионажем, он разоблачает, что руководство этой шпионской организацией на терри-

тории СССР осуществляется британским разведывательным учреждением по имени «Интеллидженс Сервис» через его агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя фирмы «Метро-Виккерс». Это должно лежать полностью на совести Торнтона, если по отношению к нему можно говорить еще о совести.

Не нравится Торнтону этот документ, но документ есть все-таки документ. Торнтон пытался опорочить этот документ ссылками на какое-то «моральное давление». Что же вы не рассказали подробно, что это за «моральное давление», как это так на вас «морально давили». Он сказал: «мне говорили, что если ты будешь давать показания правильно, тогда будет хорошо». Я не постесняюсь перед всем миром, через посредство этого зала заявить то же самое: если вы будете давать показания правильные, будет лучше, чем ежели вы будете говорить неправду. Что ж, разве я оказываю этим на вас «моральное давление»?

Потом, говорит он, мне еще сказали: «Если ты будешь давать иные показания, то ты окажешься бесполезным и в Англии, и в СССР». Позвольте и мне оказать на вас такое же «моральное давление» и сказать: гражданин Торнтон, вы уже бесполезны и здесь и там, потому что вы как разведчик доказали всю свою несостоятельность, ибо вы через 24 часа после ареста выдали свою агентуру и сделали это потому, что вы трус и предатель по природе и вам не может доверять даже ваша английская разведка. А здесь же, в СССР, вы бесполезны потому, что после того, что произошло, от вас не может быть никому никакой пользы.

Вот вам «моральное давление». Я вам показал, что вы собой представляете с точки зрения тех требований, которые к вам могут предъявить люди, умеющие уважать себя и других, защищать свои интересы, выполнять свой долг, чего вы к сожалению не выполнили ни по отношению к нашей стране, обманув наше доверие, ни по отношению к учреждению, доверившему вам свои тайны. А что еще говорили вы по поводу «морального давления»? Ничего. И еще одно замечание. Вы говорите, что протокол 13 марта содержит в себе неправду. Допустим. А подумали ли вы, что, сообщая то, что вы сообщили 13 марта, вы играли человеческими головами, головами своих товарищей? Вы это понимали! Нет, этот документ вам не удастся опорочить. Но пусть он останется на вашей совести.

Вы указали между прочим в этой записке и на одно лицо, находящееся здесь на скамье подсудимых—это Грегори. Я должен сказать, что оговор подсудимого или какого-нибудь другого лица может иметь значение только тогда в нашем суде, когда он сопровождается какими-нибудь объективными данными, когда он не остается только голым оговором. Когда Торнтон говорит о Кушни, мы видим деятельность Кушни; когда Торнтон говорит о Монкгаузе, мы видим деятельность Монкгауза; когда Торнтон говорит о Нордволле, мы видим деятельность Нордволла; когда Торнтон говорит о Макдональде, мы видим деятельность Макдональда. Когда Торнтон говорит о Грегори,—я должен признать это,—одного голого заявления Торнтона, не подкрепленного другими данными, считаю недостаточным для того, чтобы поддержать обвинение в отношении Грегори. Я считаю возможным вынесение по отношению к нему оправдательного приговора.

Я исчерпал все те аргументы, исчерпал все те данные, которыми я

располагал, если говорить об основном, о важнейшем, о самом существенном.

Сформулировано окончательно и в последний раз обвинение. Распределена тяжесть этого обвинения между отдельными подсудимыми. Моя задача в этой стадии нашего процесса уже исчерпана. Главная и основная группа намечена—это Гусев, это Сухоручкин, это Зорин, это Лобанов, это Крашенинников, это Соколов. Дальше идут более мелкие и второстепенные фигуры из наших граждан. Дальше—группа английских граждан—Торнтон, Монкгауз, Макдональд, Нордволл, Кушни. Грегори я исключаю из этого перечня.

Государственное обвинение не сомневается в том приговоре, который будет вынесен вами, товарищи судьи, по настоящему делу. Вы будете, расценивая деятельность каждого из подсудимых, решать несомненно и ряд вопросов, которые мы здесь в процессе прений едва ли смогли исчерпать во всей полноте. В частности вопрос, который я поставил и который вы также должны будете разрешить,—это вопрос, кто кого из этих различных групп обвиняемых в тех или иных плоскостях их соприкосновения организовывал, подговаривал, вовлекал, направлял. Вы будете решать вопрос о том, какую выбрать меру уголовной репрессии по отношению к каждому из них. Обвинение, предъявленное по 58 ст. Уголовного кодекса, содержит категорическое требование о высшей мере социальной защиты—о расстреле. И деятельность этих людей заслуживает того, чтобы именно так и было сказано в судебном приговоре.

Но наш суд есть советский суд, в котором не являются единственными мотивы формального требования закона. Наш суд учитывает все обстоятельства по делу, наш суд прислушивается к голосу своего социалистического правосознания и распределяет ответственность между отдельными обвиняемыми, перед тем, как этим обвиняемым стать осужденными; он решает этот вопрос с точки зрения целого ряда обстоятельств, которые всегда учитываются судом, как бы ни было тяжко совершенное преступление.

Важнейшим в этом случае обстоятельством, о котором я, как представитель государственной власти, обязан здесь на суде напомнить, является то, что, несмотря на вредительские действия этих групп вредителей, сила и мощь нашего государства не поколеблены, да и не могли и не могут быть поколеблены, что несмотря на то, что нередко делаются нашими классовыми врагами попытки ударить по нашему государственному хозяйству, наше государственное хозяйство растет, мощь его крепнет, эти люди оказываются ничтожными, оказываются пигмеями. Вынося судебный приговор, мы никогда не руководствовались соображениями жестокости и мести. Но это не значит, что когда вы будете окончательно решать вопрос о судьбе подсудимых, если вы признаете необходимым по отношению к тому или иному обвиняемому произнести приговор с высшей мерой социальной защиты, вы конечно его произнесете и ваша рука не дрогнет этот приговор подписать.

Но как бы вы это ни решили, мне кажется бесспорным, уже сейчас решенным один важнейший для нас вопрос этого судебного процесса. Это—ничтожность каких бы то ни было попыток остановить победоносное движение нашей пролетарской революции вперед.

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки, когда

скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса своей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд, энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального комитета и вождя нашей партии товарища Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед,—еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные, продажные и продавшиеся, изменившие и предавшие социалистическую родину люди!

Председатель. Объявляю перерыв до 7 часов вечера.

П. п. В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия
Верховного суда СССР.

А. Ф. Костюшко
Секретарь.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 апреля 1933 г. 19 час. 20 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Слово имеет член Московской коллегии защитников т. Казначеев.

Казначеев. Товарищи судьи! Трудно усмотреть что-либо ненормальное в том, что суд судит, должен судить и карать за те тяжкие преступления, кошмарная картина которых развивалась перед вами на протяжении этих нескольких дней! Ведь нет страны, нет государства, которое не карало бы за диверсию, не карало бы за шпионаж, вне зависимости от классовой сущности, от структуры государственной власти той или иной страны! Никому никогда не приходило в голову удивляться тому, что законы тех или иных стран предусматривают тяжкую ответственность за такие виды преступлений, что суды эти законы применяют и что те органы, которым это ведать надлежит, занимаются раскрытием преступной работы тех или иных лиц и ведут расследование по тем или другим делам. Однако, когда у нас в Союзе оказались привлеченными к ответственности за столь тяжкие преступления граждане, сидящие здесь на скамье подсудимых, и среди них в качестве организаторов, вдохновителей и инициаторов оказались граждане той страны, где за такие преступления тоже по голове не гладят, в печати той самой страны поднялась бешеная кампания, кампания инсинуаций и лжи, имеющая определенную целевую установку. Цель этой кампании дискредитировать производившееся следствие. Цель этой кампании дискредитировать наши судебные органы и доказать, что эти почтенные джентльмены являются жертвой советского террора! Некоторые публицисты доходили даже до создания таких теорий, что якобы у нас специально инсценируются такого рода процессы.

И вот сейчас, здесь, когда в этом зале слушается дело этих граждан, там в старой Англии, как мы знаем из газет, возносятся к небу под аккомпанимент пасхального перезвона молитвы за чуть ли не причисленных к лику святых Торнтон и Монкгауза!

Я думаю, что после всего того, что прошло здесь в суде, после всех признаний, которые вы слышали из уст Торнтон, из уст Монкгауза, из уст Макдональда, мы вправе утверждать, что эта кампания провалилась, и цели, которые преследует группа журналистов, организовавших эту кампанию, никогда, ни при каких условиях, не могут быть достигнуты!

Я бы мог, конечно, не останавливать вашего внимания на всех тех моментах, о которых я только что говорил, но здесь на процессе все мы были свидетелями того, как обвиняемые, английские подданные, пы-

тались здесь на суде в той или иной мере продолжать ту же кампанию инсинуаций и клеветы, пытались говорить о том, что якобы к ним применялись какие-то особые методы допроса, пытались говорить о том, что они давали какие-то вынужденные показания. Если бы все эти методы самозащиты, к которым прибегали почтенные джентльмены, были бы безразличны, были бы нейтральны для моих подзащитных, если бы для моих подзащитных был бы безразличен вопрос о том—правду или неправду говорили они на суде, я бы на этом не останавливался, но в конце концов это какая-то, во всяком случае, весомая попытка произвести какие-то действия, которые бы могли, или, с их точки зрения, должны были повлечь определенные процессуальные последствия. Конечно, при таких условиях и при такой ситуации я не могу пройти мимо этих попыток и не могу не заострить на них вашего внимания. Именно в таком разрезе вы мне разрешите вкратце остановиться на тех заявлениях, которые делались по адресу моих подзащитных и остальных обвиняемых не английских подданных, которые делались Монкгаузом и Торнтоном. Больше того. Один из обвиняемых, гражданин Кушни, здесь заявил с исключительной резкостью—«Олейник врет!»

И вот эта попытка доказать, что мои подзащитные пришли сюда в суд говорить неправду, заставляют меня спросить, а где база этих заявлений, где не только доказательства, а хотя бы намек на доказательства того, что они являются жертвами оговора со стороны Олейника, со стороны Гусева, со стороны всех остальных?

Ведь все мы знаем, что представляет из себя оговор, все мы знаем, что такое оговор и какое реальное понятие вкладывается в это слово. Оговором мы обычно называем или такие показания, которые абсолютно ничем не подкреплены, такие показания, которые стоят изолированно и, наконец, в этих случаях, мы всегда говорим о возможных, или хотя бы о предполагаемых мотивах оговора. Ведь если назвать оговором каждое показание, которое невыгодно тому или иному подсудимому, назвать голословно, это значит стремиться поставить суд в такое положение, когда он будет лишен возможности осуществлять правосудие. В данном деле мы являемся свидетелями редкого изобилия уликового материала, я бы сказал—той громады улик, от которой уйти нельзя, и при таких условиях кажется наивным, кажется смешным, когда произносится слово оговор, кажется странным, когда говорят об этом. «Ложь» Гусева и других обвиняемых подтверждается определенным материалом, подтверждается целым рядом объективных доказательств! Наконец, больше того, ведь если предположить, если на одну секунду стать на точку зрения, желательную мистериу Торнтону, то придется спросить—а чем же Торнтон может серьезно объяснить свои собственные признания, чем может объяснить показания Макдональда? На этот вопрос ни одного разумного ответа никто из них не дал!

Наконец, позвольте остановиться на последнем—а что вы здесь слышали о мотивах оговора, о мотивах возможных, хотя бы предполагаемых. Положение в частности моих подзащитных—Соколова, Гусева и Олейника тяжкое и по-разному будете вы расценивать их показания, но вряд ли может предположить хоть один разумный человек, что они свое и без того тяжкое положение хотят еще ухудшить оговорами других. Мне кажется, что все эти разговоры об оговоре, разговоры о лжи

отличаются одним качеством—в них нет самой элементарной, самой примитивной, человеческой логики. Я думаю, что все то, что прошло перед вами, и все те материалы, которые лежат на вашем столе, дают мне основание с полным правом сказать, что вопрос о том—говорят ли Гусев и Соколов правду не может быть решен иначе, как только в положительном смысле!

Гусев, Олейник и Соколов совершили тяжкое преступление и они эти преступления не отрицают, но ни одному Торнтону, ни одному Монкгаузу никогда не удастся доказать, что Гусев, Олейник и Соколов были лжецами на предварительном следствии и в качестве лжецов пришли сюда на суд! Судебное следствие проверяло отдельные показания, сопоставляло с целым рядом материалов показания их и эти показания объективно подтверждены!

Преступления, совершенные Гусевым, Олейником и Соколовым, тяжки безмерно! За эти преступления они сейчас пришли держать ответ, они эти преступления осознали, осознали в полной мере, и Олейник, когда давал показания вот здесь, сам нашел для этих преступлений подходящую оценку, он прямо сказал: «подлее быть не может ничего!»

И, конечно, я далек от мысли, в какой бы то ни было мере сглаживать ту кошмарную картину, которая была здесь нарисована ими самими. Я должен прямо сказать, что у меня нет и не может быть с обвинением споров ни о квалификации содеянного, ни о фактах, ни о социально-политической оценке содеянного в условиях данного момента, когда вопрос о повышенной ответственности государственных служащих поставлен и декретирован соответствующим актом верховной власти.

При таких условиях, товарищи судьи, суживается, ограничивается до минимальных размеров круг тех аргументов, которые могут говорить в пользу смягчения их участи, аргументов, которые я могу предложить вашему вниманию.

История судебных процессов последних лет подтверждает то положение, что в таких случаях главную, решающую и подчас основную роль, при решении вопроса о судьбе подсудимых, при решении самого актуального вопроса для них: о мере социальной защиты, которая должна быть к ним применена, играет вопрос о том, как оцените вы принесенное подсудимым сознание. Обвинительное заключение трактует сознание Гусева и сознание Соколова как сознание в результате предъявления им явных и неопровержимых улик.

Я позволю себе сказать, что когда мы ставим вопрос о мотивах этого сознания, то нельзя делать выводов на основании какого-либо одного момента из жизни обвиняемого, в частности, хотя бы и того момента, когда обвиняемому приходится сознаваться под давлением улик. Нельзя эти моменты брать изолированно от всей остальной жизни обвиняемого, необходимо в таких случаях присмотреться как к личности его, так и прощупать ту почву, на которой созревала преступная деятельность, преступная контрреволюционная работа данного обвиняемого.

Что мы знаем о Гусеве? Гусев происходит из семьи трудящихся, из семьи железнодорожного машиниста, который жил на мизерный заработок. По социальным корням Гусева нельзя отнести к числу классовых врагов! Но дальше—волею судьбы и обстоятельств Гусеву пришлось возвращаться, учиться и, наконец, быть на военной службе (я не отрицаю

того, что добровольно) среди тех элементов, которые дышали ненавистью к советской власти.

По поводу того момента, на котором заострил внимание т. Вышинский, по поводу того, что Гусев добровольно служил у Колчака—разрешите мне сказать несколько слов.

Когда вы, товарищи судьи, будете разрешать вопрос о мотивах его раскаяния и о глубине сознания его, вспомните о том, что если Гусев был уличен в своих тяжких преступлениях и в них мог признаться под давлением улики, то ведь в службе у Колчака и в службе именно добровольной он признался сам! Сам рассказал, несмотря на то, что учитывал, что этот момент будет отмечен, как момент, отягощающий его положение!

Не свидетельствует ли это о том, насколько глубоко это сознание и насколько глубок тот психологический перелом, который в нем происходит?!

Гусев, мне кажется, является продуктом той среды, в которой он вращался, в которой он воспитывался, в которой он жил!

Я просил бы вас отметить и то обстоятельство, что Гусев, не скрывавший здесь своих контрреволюционных настроений, в течение ряда лет, до знакомства с Монкгаузом и Торнтоном, хотя и таил в душе контрреволюционные настроения, но эти настроения не претворял в контрреволюционную деятельность и работу. Он стал заниматься этой работой только после знакомства с этими почтенными джентльменами и только после получения от них соответствующих инструкций, скажу прямо—и после получения от них денежного вознаграждения. Решающую роль в претворении антисоветских настроений Гусева в активную контрреволюционную деятельность и работу сыграли эти джентльмены.

Я еще не ставлю вопрос о степени ответственности и о той или иной мере социальной защиты, которую должны понести как они, так и он, но все-таки в целях выпрямления перспективы процесса для нас важно знать, кто является исполнителем, кто является подстрекателем и инициатором. И в роли таких подстрекателей, в роли таких организаторов, в роли таких инициаторов несомненно фигурируют здесь на процессе как Торнтон, так и Монкгауз.

Если перспективу процесса выпрямить окончательно, то тогда мы должны будем признать, что основные задания эти почтенные джентльмены получали из-за рубежа. Нити идут прямо к английской контрразведке.

Возникал на судебном следствии вопрос—а пытался ли когда-нибудь Гусев уйти от контрреволюционной работы, пытался ли от нее отказаться, были ли на эту тему у него какие-нибудь колебания, сомнения...

Что же мы знаем. Гусев хотел уйти, но уйти не удалось! «Наша связь зашла слишком далеко»,—так показывает об этом моменте Гусев. Дальше он говорит, что когда он впервые поставил вопрос о прекращении своей вредительской, своей шпионской работы, то ему совершенно реально намекнули почтенные джентльмены на то, что тогда его могут искусственно провалить. Перед ним тогда впервые встал призрак провала.

По большому количеству процессов о шпионаже и вредительстве мы знаем, что уйти от такой работы бывает чрезвычайно трудно, ...что

цепкие руки агентов заграничных контрразведок очень цепки и легко никого никогда не выпускают.

Когда еще в самый первый день судебного следствия Гусев говорил о том, что теперь, если ему будет сохранена жизнь, он готов загладить свою вину, то не могло не возникнуть вопроса о том, насколько искренне его заявление. Тот аргумент, который я привел только несколько минут тому назад о глубине сознания Гусева, мне думается должен послужить основанием для того, чтобы и этот вопрос разрешить в пользу Гусева. Ведь в конечном итоге судить об искренности или неискренности человека на основании каких-нибудь судебных материалов трудно, даже больше—почти невозможно! Но ведь если у нас нет таких доказательств искренности Гусева, то где же у нас доказательство или намек на доказательства его неискренности? В таких случаях вопрос разрешается не на основании каких-либо прямых или косвенных судебных доказательств!

Вот, товарищи судьи, все сведения, которые мы имеем о Гусеве, о происшедшем в нем переломе и о тех данных биографического порядка, которые нам необходимы для разрешения вопросов, связанных с его дальнейшей судьбой.

Что представляет из себя Соколов? Присмотримся к нему! Что же, это, пожалуй, очень близкое звено к Гусеву в той самой цепочке, звеньями которой они являются. Что он из себя представляет? Та же идеология, те же взгляды, если хотите больше—почти та же самая биография, та же самая служба у Колчака, все то же самое и, наконец, финал общий, контрреволюционная работа общая, вместе они на скамье подсудимых и завтра или послезавтра вместе будут дожидаться вашего приговора, будут дожидаться ответа на вопрос о дальнейшем своем существовании, о том, будут ли они дальше жить или не будут.

При оценке вопроса о мотивах сознания Соколова я просил бы вас, товарищи судьи, учесть следующий момент. В деле вы найдете два заявления Соколова, где он принес свое чистосердечное раскаяние еще органам ОГПУ, еще задолго до суда! Больше того, здесь на суде Соколов даже подчеркнул такие моменты, которые дают право, мне кажется, ответить положительно на вопрос о том, что его раскаяние глубоко и искренно. Ведь Соколов здесь признал, что первые его вредительские действия, первые вредительские акты относятся еще к 1927 году и что эти вредительские действия были им совершены без соучастия с Макдональдом и другими. Этот момент надо взвесить, этот момент надо оценить! И если раскаяние Соколова является глубоким, является искренним, то не свидетельствует ли оно о том моральном перерождении, которое у него началось?! Не свидетельствует ли это о глубине этого начавшегося процесса? Правда, товарищ прокурор, подводя окончательные итоги обвинения, не указал конкретно тех мер социальной защиты, применение которых требует обвинение. Но мы, товарищи судьи, знаем, что в данных условиях, в данной обстановке и в данный момент обвинения, предъявленные Гусеву и Соколову, могут повлечь применение высшей меры социальной защиты.

Позволю себе сказать, что даже в данных условиях и в данный момент высшая мера является мерой исключительного порядка и применение этой высшей меры целесообразно и необходимо в тех случаях,

когда вопрос о перерождении обвиняемого, вопрос о возможности его исправления окончательно и бесповоротно разрешается в отрицательную сторону.

Товарищ прокурор признал здесь, что и Гусев и Соколов даже и вредителями-то являются второго сорта. Я затрудняюсь так их распределять по сортам, но мне кажется, что по какой угодно классификации надо будет сказать, что все-таки они, если их можно разбирать по сортам, то в пределах второго, третьего или четвертого сорта, но во всяком случае не высшего и не первого.

Я думаю, товарищи судьи, что если у вас не явится сомнений в их искренности и в глубине душевного перелома того, который в них произошел, то они могут надеяться на то, что в том приговоре, который будет им вынесен через сравнительно короткий промежуток времени, в этом приговоре расстрел для них может быть заменен иной мерой социальной защиты.

Перехожу к последнему из своих персонажей—к Олейнику. Неприглядными красками обрисовал фигуру Олейника т. Вышинский. Ничего хорошего не рассказал Олейник вам здесь о себе. Свое тяжкое преступление он тоже охарактеризовал достаточно метко и достаточно правильно. Олейник на шестом десятке лет попал сюда на скамью подсудимых. Олейник долгие, долгие годы, бывая за границей и здесь у нас в Союзе, проработал в иностранной фирме. Олейник с этой фирмой сжился. Олейник, как он утверждал здесь на суде, находился со своим начальством по службе в таких взаимоотношениях, что он считал неудобным в чем-либо им отказать.

Олейник, когда впервые начал свою контрреволюционную работу, то он тогда еще не отдавал себе отчета, впервые, вначале, о том, где кончается грань законного и дозволенного, где он собирает ту информацию, которую можно собирать и где она переходит в сферу недозволенного, и тут Олейник незаметно, сам для себя, начинает заниматься шпионажем, начинает заниматься такими действиями, которые влекут за собой тяжкую меру социальной защиты. Олейник даже себе не представлял, как жить без иностранных хозяев. Он—хороший специалист, с большим практическим стажем. Он был послушным исполнителем, был орудием в руках гражданина Торнтон. Мистер Торнтон и те лица, по заданию которых он действовал, обратили Олейника, в сущности говоря, в механического исполнителя тех заданий, которые ему давались. Бедь даже прокуратура здесь признала, что Олейник во многих случаях пытался выполнять задания по шпионажу, но это ему не всегда удавалось, исполнитель был из него никуда не годный. Является или не является Олейник тем человеческим мусором, который нужно уничтожать, вы решите, но, разрешая этот вопрос, не забудьте, товарищи судьи, и тот момент, что если подходить к разрешению вопроса о мере социальной защиты в отношении Олейника даже формально, то и тогда нужно признать, что Олейник не является государственным служащим, что Олейник служащий фирмы «Метрополитен-Виккерс» и что на Олейника не распространяется тот закон о повышенной ответственности государственных служащих, о котором здесь так много говорилось!

Вот, товарищи судьи, и приходят к концу все те крайне ограничен-

ные, скромные и может быть недостаточно веские аргументы, которые можно привести в их пользу, в их защиту.

Я в данном случае не склонен заниматься какими-либо лирическими отступлениями, но мне хотелось бы просить вас о том, что когда вы будете через день, полтора или два писать приговор, писать документ мирового значения, содержание которого станет известно всему миру, чтобы в этом документе мои подзащитные могли бы прочесть те слова, которые бы дали им возможность надеяться на то, что может быть через тот или иной, может быть и очень продолжительный срок, они когда-нибудь сумеют приобщиться к той великой стройке социалистического общества, которая у нас происходит, что когда-нибудь через большой промежуток времени они смогут принять участие в этой стройке как полезные граждане и еще глубже осознают всю ту пропасть, в которую они попали.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников Шварц.

Шварц. Граждане судьи! Настоящий процесс несомненно имеет международное значение. Острота политического его значения ясна и очевидна. Общественное мнение всего Советского союза объединяется одним чувством—это чувство большого возмущения, чувство, вызванное теми тяжкими преступлениями, которые совершили сидящие сзади нас на скамье подсудимых. В самом деле, мы можем так поставить вопрос: есть ли страна в мире, где бы технический персонал, специалисты получили возможность так развернуть свои таланты, так развернуть свои способности, так легко и свободно работать, как в Советском союзе; есть ли страна, где бы так заботились о техническом персонале, как у нас. Вот почему всем нам прискорбно наблюдать, прискорбно слышать, что еще не извелись окончательно вредители, что еще не забыто и не брошено это позорное ремесло, именуемое вредительством. В самом деле, есть ли страна, где с такими темпами развивалось бы строительство, как у нас. Возьмите любой уголок Советского союза, вспомните Днепрострой, которому завидует Западная Европа. И невзирая на это, есть еще отдельные специалисты, которые не забыли об этом позорном деле, именуемом вредительством. Но надо признать—русская интеллигенция целиком не только считает необходимым, но с большим подъемом и энтузиазмом работает в интересах строительства социализма, только отдельные исключения, маленькая горсточка, только она еще отстала от массы интеллигенции, только она еще не забыла об этом позорном ремесле. Не только вся русская интеллигенция, но великие умы Западной Европы также признают успехи Советского союза и вместе с нами стремятся работать в интересах строительства социализма. Я не буду утомлять вас выдержками из многих трудов и работ интеллигентов Западной Европы, позвольте мне только вкратце процитировать одну выдержку из письма Ромена Роллана в редакцию «Известий»:

Он писал: «Будьте уверены—со всей энергией, которой у меня хватит, а у меня ее еще хватит и хватает, я буду защищать то героическое дело, авангардом которого является СССР. После того громкого процесса, который обнаружил гнойник в самом сердце интеллигенции, воспользовавшейся своим привилегированным положением, чтобы изменить трудовому народу, из среды которого она вышла, непозволительно более

оставаться нейтральной всей честной и здравомыслящей интеллигенции. Будем вместе с Союзом советских социалистических республик трудящихся!»

Вот вам голос крупного ума, большого интеллигента Западной Европы. Это один из многих, который вместе со всей советской интеллигенцией ратует за строительство социализма.

В этом процессе встал большой вопрос. Его поднял Прокурор Республики—это вопрос сопоставления в деле о вредительстве наших государственных служащих со специалистами иностранных держав. Большой вопрос. Конечно, вы увидите из некоторых соображений по этому делу, что в отдельных случаях отдельные иностранцы-специалисты являлись не только соучастниками вредительства, но даже и подстрекателями. Отсюда, конечно, не следует, что умаляется значимость преступлений советских государственных служащих. Наоборот, советский государственный служащий должен быть таким, что ежели иностранный специалист подходит к нему с предложениями не в интересах Советского союза, он первый должен ударить его по рукам для того, чтобы отбить охоту подстрекать к вредительству.

Эта проблема решается только таким образом и иначе не может быть решена. Вот почему в своих объяснениях, защищая советских служащих, обвинявшихся во вредительстве, я не буду так ставить вопрос, что они были подстрекаемы иностранными специалистами и потому менее ответственными. Наоборот, я считаю, что советский сотрудник должен быть крепким и твердым, что он должен отбивать охоту у всякого, который пытается его подстрекать.

Но вы, товарищи судьи, разрешая эту проблему, примите во внимание обстоятельство, отчасти говорящее в пользу отдельных обвиняемых, вы не забудьте той роли, которую параллельно играли и другие люди, другие специалисты—иностранцы-специалисты.

Бывает такое положение, что человек объективно склонен к вредительству. Он, скажем, определенный период времени, будучи идейным врагом советского строительства, оставался пассивным, но когда со стороны к этому присоединился сильный волевой толчок, это настроение превратилось в действие. Повторяю, это не умаляет ответственности государственного служащего, но это многое объясняет и вам, товарищи судьи, в своей совещательной комнате нельзя будет отойти и от этого вопроса.

Когда я перехожу к защите отдельных своих подзащитных, граждане судьи, я должен одно признать—отсутствие у меня уликовой защиты. Я защищаю таких обвиняемых, в отношении которых я лишен возможности вести защиту в плоскости уликовой борьбы. Мои подзащитные сознались и в этом смысле моя задача несколько более проста, но в смысле психологическом она очень сложна.

Вот почему психологические переживания отдельных обвиняемых играют не последнее место и здесь в судебном процессе. Возьмите вы такую цельную фигуру, как обвиняемый Сухоручкин—начальник эксплуатационного отдела 1-й МГЭС. Вы слышали его показания. Фигура несомненно волевая. Когда вы, товарищи судьи, будете решать вопрос о нем, вы не только дадите оценку его показаниям, данным здесь, вы расцените его как человека в целом.

И вот, с этой точки зрения, позвольте проанализировать фигуру Сухоручкина. Он совершил очень тяжкие преступления. Он в них чисто-сердечно сознался. Вспомните, как он давал показания. Он был анти-советски настроен. Он этого не скрывал перед вами. Шаг за шагом он раскрывал всю свою вредительскую деятельность, перед Верховным судом он ничего не утаивал. Я перед собой все время ставил вопрос. Такой человек сильной воли, как Сухоручкин, здесь на суде и ранее в органе дознания от начала до конца раскрывший все свои преступления, заслуживает ли доверия, когда говорит перед советским судом, что в совершенных преступлениях он раскаивается, что в дальнейшем он желает честно, добросовестно работать в интересах строительства социализма, я полагаю, что такому человеку можно верить.

Параллельно, конечно, я ставил и ряд других вопросов. Что содействовало тому, что этот Сухоручкин, большой и крупный специалист, мог пойти на эти акты вредительства в течение целого ряда лет. Я полагаю, что я буду совершенно прав, если скажу: да, он совершил самые тяжкие преступления перед советской властью. Он не только не оправдал доверия, он грубо и преступно нарушил оказанное ему доверие. Совершенно правильно. Но вы не забудьте, в какой среде вращался этот самый Сухоручкин. Он не верил в успехи пятилетки. Антисоветские настроения у него все больше и больше усиливались. Он стал вредителем. Но когда он убедился в успехах пятилетки, когда он стал убеждаться в том, что строительство социализма—это реальный факт, что Советский союз гигантскими шагами идет вперед, он, Сухоручкин, как заявил здесь, бесповоротно рвет с прошлым.

Большие преступления совершил бывший начальник ремонтно-монтажного отдела 1-й МГЭС инженер Крашенинников. Но вот интересно вспомнить, как Крашенинников, советский инженер, мог дойти до таких тяжких преступлений против советской власти. Надо признать, что Крашенинников не сразу вступил на путь вредительства. Постепенно, исподволь он сам настроенный антисоветски был двинут на этот преступный путь. Вот здесь, конечно, сыграли большую роль другие люди. Вы вспоминаете—раньше Крашенинников работал честно и добросовестно. Он сталкивается на производстве с механиком англичанином Джоллеем. Джоллей начинает присматриваться к инженеру Крашенинникову. Крашенинников спорит с Джоллеем, заставляет его ремонтировать машины энергичнее, монтировать быстрее, настаивает, ругается и даже жалуется на Джоллея. Вспомните рассказ Крашенинникова. Он идет жаловаться на Джоллея к своему начальнику инженеру Рязанову, который расхолаживает Крашенинникова, предлагает снисходительнее обращаться с Джоллеем и в итоге выясняется, что его начальник инженер Рязанов был осужден за вредительство. Крашенинников подчинился влиянию среды, постепенно скатывается на путь преступлений и вредительства. Джоллей его не только обхаживает, но и подчиняет. Вот и Крашенинников в контрреволюционной организации. Тут, конечно, вы видите, что влияние среды, отдельных живых людей, сыграло не последнюю роль в том направлении, чтобы нашего советского инженера склонить к преступному пути, по которому он потом пошел. Правда, зачатки были заложены и в самом Крашенинникове.

Уезжает Джоллей, Крашенинников передается по назначению. Вместо

Джоллея появляется на 1-й МГЭС представитель Торнтон в лице Олейника, привозит ему пакет от Торнтон с 500 рублями, и вот Крашенинников—окончательно завербованный член контрреволюционной организации. Он совершил целый ряд преступлений. Вы помните, как подробно, постепенно Крашенинников рассказал о всех актах вредительства, которые он совершил на 1-й МГЭС. Тяжкие преступления—без всякого сомнения.

Мы заинтересовались, как сам Крашенинников к этому относится, как он расценивает свои преступные действия против советской власти. Он дал ответ и он же здесь сказал, что к концу 1932 года у него произошел резкий перелом. Он понял и осознал те великие преступления, которые он совершил перед советской властью, он понял и осознал, как он нарушил доверие, оказанное ему советской властью. Он раскаялся и здесь вспоминается деталь его рассказа. В конце 1932 года, когда он был оторван от производства, он имел время и возможность продумать преступный путь, пройденный им за последние годы. Он сам осознал эти преступления, почувствовал в себе большой перелом и вместе с подробным рассказом о совершенных преступных деяниях принес перед вашим судейским столом свое искреннее и чистосердечное раскаяние.

Позвольте перейти к последнему из своих подзащитных—доценту Зорину. Он был старшим инженером тепловой группы отдела рационализации. На инженере Зорине мы еще легче проанализируем то положение, когда советский инженер, настроенный антисоветски, переходит к активным вредительским действиям уже под влиянием другой воли, другого человека.

Вы вспомните историю вступления в контрреволюционную организацию обвиняемого Зорина. 9 лет он работал честно и добросовестно на трамвайной станции. Одновременно он занимался в одном из институтов. Он работает, как полагается советскому инженеру. Работает и научно и практически. Все гладко, все хорошо. В нем, конечно, имеются задатки контрреволюционера, несомненно они к тому времени еще не были вытравлены, но активных действий с его стороны еще не было. И вот, когда он становится старшим инженером тепловой группы он сталкивается с Торнтоном. Вы помните из материалов судебного следствия, как понемногу и постепенно вовлекается в контрреволюционную организацию инженер Зорин. Происходит первая встреча его с Торнтоном. Зорин в заседании защищает интересы Мосэнерго. Там идет деловое заседание. И он защищает интересы Мосэнерго, и вот в Зорине почувствовали человека, который может мешать. Зориним стали интересоваться. После заседания—деловой разговор, где Зорин прощупывается. Разговоры о поставках не только английской фирмы, но и других фирм. Зорин дает кое-какие сведения в отношении конкурирующих фирм. Сразу почувствовал опытный человек, что Зорин объект для разговора подходящий.

Дальше происходит следующая встреча, граждане судьи, через некоторый период времени. Чем дальше в лес, тем больше дров. Разговор этот начинает принимать уже определенный политический характер. Зорин прощупывается дальше. Но все-таки Зорин продолжает защищать интересы Мосэнерго. Он еще больше заинтриговывает и заинтересовывает. После этого—третья встреча, Зорин все еще не поддается. Он

все еще объект изучения, разговоров и подготовки. Четвертая встреча—несколько ближе к делу и в конце концов только при пятой встрече Торнтон завербовывает в контрреволюционную организацию инженера Зорина.

Граждане судьи, это замечательное явление. Тут вы констатируете определенное положение, что Зорин не сразу поддавался на активные действия, но он поддался чужой и довольно сильной воле. Зорин вступает в контрреволюционную организацию. Он сознался перед судебским столом в совершении определенных вредительских актов. 1 000 рублей, полученные им от Торнтона, были авансом за будущие вредительские действия, но работа его не развернулась, она была пресечена органами власти. Примерно, в ноябре у него был сговор с Торнтоном, когда он получил эти самые деньги, в декабре Зорин ушел в отпуск, Торнтон уехал в Англию. Зорин из отпуска не вернулся, ибо он был арестован. Вот почему связи с другими членами организации не успел установить.

Таким образом вы видите, граждане судьи, что хотя преступления Зорина огромные и серьезные, но значительно меньше преступлений других членов контрреволюционной организации. Правда, не от него это зависело, прервали его контрреволюционную деятельность, но объективно она оказалась меньше.

Я полагаю, что сознание моих подзащитных освобождает меня от детального разбора отдельных актов преступлений, ими совершенных, мы об этом их детально допрашивали и во время судебного следствия об этом говорится подробно в их показаниях и нет нужды перед судом разбирать каждый отдельный акт вредительства, но перед нами стоит большой важности вопрос, вопрос о том, как вы с ними поступите в дальнейшем, что мы можем вам предложить в смысле реальных мер социальной защиты в отношении наших подзащитных, в частности в отношении Сухоручкина, Крашенинникова, Зорина.

Граждане судьи, в этом процессе Прокурор Республики поднял очень интересный вопрос, даже ряд вопросов в области права. Всем известно, что прокурор Республики очень талантливый и знающий юрист. И в самом деле эта экскурсия в область нашего и иностранного законодательства и нужна и полезна для данного вопроса. Позвольте мне коснуться только одного вопроса из области уголовного права.

Наше уголовное право знает «меры социальной защиты». Мы бросили терминологию—«преступление и наказание». Дело, конечно, не в словах.

Позвольте вам напомнить, что в научных кругах много лет тому назад ставился вопрос о содержании понятий «наказание» и «меры социальной защиты», когда шел спор о терминологии. Наше уголовное право восприняло самые революционные теории в области уголовного права, приняло и понятие мер социальной защиты и самую терминологию.

Что это значит? Это значит, что нашему советскому уголовному праву чужда идея и мысль о мести, советский суд не мстит; он защищает диктатуру пролетариата от врагов, от опасных действий. Вот почему вопрос о мере социальной защиты связывается параллельно с другим большим вопросом—что можно суду предложить, когда перед нами сидят люди, совершившие тяжкие преступления, но в дальнейшем способные на исправление.

Вот почему в этом процессе вопрос о мерах социальной защиты яв-

ляется одним из больших вопросов. Конечно, в этом деле меры социальной защиты должны отвечать всем требованиям, которые ставит перед нами ст. 9 Уголовного кодекса.

Прокурор Республики в отношении подсудимых сказал—это вредители второго сорта. Бесспорно, Вредительство у нас еще не извелось, но при темпах нашего строительства, при тех успехах, которые каждый день одерживает Советский союз, при тех завоеваниях, свидетелями которых мы являемся, последствия этих преступлений не в силах умалить роста советского хозяйства. Это лишний раз подтверждает, какие успехи совершает советское хозяйство, какими темпами, какими шагами строительство социализма идет вперед. Никакие враги ему не страшны и не могут быть страшны. Когда так ставится вопрос, граждане судьи, вы параллельно можете поставить и другой вопрос—какую же меру социальной защиты можно предложить в отношении Сухоручкина, Крашенинникова, Зорина. Есть ли уверенность в том, что Крашенинников, Сухоручкин и Зорин, отбыв длительный срок лишения свободы, после принесенных перед Верховным судом искренних раскаяний, могут дальше работать и принести пользу строительству советского хозяйства. Вы слышали их показания, вы их видели сами, граждане судьи. Вспомните как они давали показания. Разные, правда, бывают раскаяния с точки зрения судебного анализа. Бывает раскаяние, стремящееся умалить свою вину. Такому раскаянию вы не поверите. Но вы изучаете стоящего перед вами подсудимого, и когда вы убеждаетесь, что раскаявшись он рвет совершенно и бесповоротно с прошлым, вы такому раскаянию поверите. Если вы им поверите, вы скажете, что они, совершив тяжкое преступление перед советской властью, осознав свои преступления, раскаявшись в них, должны понести суровую меру социальной защиты, в виде лишения свободы, они должны трудом, усиленным трудом, переходящим в пафос и энтузиазм, загладить вред, причиненный советскому хозяйству.

Об этом я прошу вас, граждане судьи, и на этом позвольте мне окончить свои объяснения.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников т. Пинес.

Пинес. Товарищи судьи, мне совершенно понятно то негодование по адресу сидящих на скамье подсудимых и то волнение, которым была проникнута речь Прокурора Республики как вчера, так и в сегодняшнем утреннем заседании,—это вполне естественно и вытекает из существа и характера настоящего процесса. И в самом деле, не только каждого судебного работника, принимающего участие в настоящем заседании, волнуют обстоятельства этого дела, но и рядовому честному советскому гражданину трудно сохранить спокойствие, когда речь идет о таких преступлениях, которые инкриминируются настоящим подсудимым, трудно потому, что преступления их направлены против главной отрасли советского народного хозяйства, скажу более, направлены против социалистического строительства.

Но, однако, позвольте уверить, что защитой будут приложены все старания к тому, чтобы в оценке деятельности каждого из тех подсудимых, интересы которых мне вверены, будет сохранено полное спокойствие и полная объективность, ибо это лучшие спутники для правильного разрешения возложенной на защиту задачи.

Должен сказать, что в качестве защитника как Лобанова, так Лебедева и Зиверта, мне посчастливилось и посчастливилось по той простой причине, что все эти трое обвиняемых избрали правильный метод самозащиты. Все они как на первом же допросе в ОГПУ, так и на последующих, а равным образом и на допросе у следователя по важнейшим делам при Прокуроре Республики раскаялись и выложили все, что было в их сознании, открыли всю свою душу, ничего не скрывая, ни единого слова, ни единого момента не утаили, а раскаявшись, как я уже сказал, выложили все, что совершили, объяснив подробно и искренне как они дошли до жизни такой.

Лобанов, например, так и заявил на первом допросе в ОГПУ 24 марта: «Я решил со всей откровенностью сознаться органам ОГПУ и вскрыть всю ту вредительскую работу по умышленной порче оборудования, которая проводилась мной и английским специалистом Нордволлом».

Вот из этих первых же слов признания Лобанова уже явствует, насколько является бесполезным и излишним говорить о квалификации того деяния, которое инкриминируется Лобанову. Это ст. 58 Уголовного кодекса и тут спора с обвинителем не может быть.

Он признал, что это было умышленное вредительство. И в дальнейшем, товарищи судьи, задача защиты сводится к тому, чтобы не последовать примеру Прокурора Республики, который также отнесся с полным доверием к показаниям Лобанова, и убедить вас соображениями делового порядка, что и в той части, где Лобанов говорит, что он является жертвой английского специалиста Нордволла, и в этой части к подсудимому Лобанову нужно отнестись с полным доверием.

И если в отношении Лобанова у меня с представителем государственного обвинения есть расхождение, то единственно по этому моменту. Если представитель государственного обвинения сказал: «Я не хотел бы поддерживать версию Лобанова о том, что он является жертвой Нордволла», то я прямо должен сказать, что он является именно жертвой Нордволла, и к сему имеется целый ряд с моей точки зрения весьма веских и убедительных данных в материалах дела.

Что из себя представляет Лобанов? Ведь вы всегда, гг. судьи, придаете немаловажное значение личности, социальному лицу сидящего перед вами на скамье подсудимого. С этой стороны Лобанову, конечно, увы, похвастаться нечем. Он сын заводчика, сын арендатора мельницы, торговца. Он остался после смерти своего отца, когда ему было только 10 лет. Уже в средней школе и в высшем учебном заведении Ивановском политехническом институте он учился на средства и за счет своего брата тоже арендатора мельницы. Он говорил вам в какой среде он вращался, будучи в средней школе. Кто его окружал. Его окружали товарищи, которые принимали участие в антисоветских восстаниях. Тоже дети торговцев, дети капиталистов. И в институте у него было подобное же окружение.

И если Прокурор Республики совершенно прав, что Лобанов явился на Ивановскую электростанцию морально неустойчивым человеком, то я к этому прибавлю еще, что и в политическом отношении он явился туда таким же неустойчивым или, точнее сказать, без всяких политических воззрений.

И в самом деле. Какие могут быть убеждения у человека, кото-

рый, будучи в институте, где проходил курс с 1920 года по 1928 год, не только не принимал участия ни в какой общественной работе, по его собственному признанию, не только не принимал участия ни в каких кружках, не только ничем не интересовался, кроме учебы, но даже, к его стыду, даже газеты читал лишь изредка.

У него сложились антисоветские настроения, которые выражались в том, что он вообще недоволен был всем тем, что происходит вокруг него. Мало ему жалованья, недостаточно удобная обстановка, неблагоприятные бытовые условия. Он пришел на службу на Ивановскую электростанцию, позвольте сказать, самым рядовым обывателем, мещанином...

Товарищи судьи, мы прекрасно знаем, что ведь с антисоветскими настроениями есть у нас люди. Но от антисоветских настроений до вредительства целая пропасть. Для вредительства требуются специфические качества, которыми к счастью весьма немногие обладают. Недостаточно быть только антисоветски настроенным человеком. Недостаточно быть недовольным тем, что происходит вокруг, желать чего-то лучшего для себя. Нет, вредителю нужна решимость, нужна энергия, нужна смелость, нужна инициатива.

Я скажу, что эту решимость, эту смелость, доходящую до дерзости и цинизма, в душу Лобанова вложил никто иной, как английский специалист Нордволл.

Надо признать, товарищи судьи, что английские специалисты в избрании методов воздействия на советских граждан, государственных служащих, однообразием не страдали. Они прекрасно всегда учитывали и изучали предварительно, прежде чем склонить на шпионскую вредительскую деятельность того или иного советского работника, прекрасно изучали его прошлое, великолепно изучали его психологию, и соответственно этому прибегали к тем или иным способам воздействия. Узнавши и убедившись из частых бесед с Лобановым во время их поездок с электростанции в город Иваново в особом поезде о том, что представляет собой Лобанов по своему социальному происхождению, он на эти темы обычно и вел беседы с подсудимым Лобановым. И когда, товарищи судьи, в одной из бесед, а что эти беседы были многочисленны—это признал перед лицом суда и сам Нордволл, когда в одной из этих бесед Лобанов стал говорить о том, что он плохо обеспечен, что ему неважно живется как инженеру, то как реагировал на эту реплику подсудимый Нордволл, этот большевик без пяти минут, как тут некоторые его называли. Он не сказал ведь Лобанову—как, вы недовольны, вы молодой советский инженер, проработавший только без году неделю на электростанции, уже через короткое время получивший командировку в Ленинград на курсы по повышению квалификации инженеров за счет администрации станции, вы, являющийся членом ИТР, каковые пользуются целым рядом преимуществ, привилегий и благ по вашим законам, вы, молодой инженер, проработавший около года на станции, получающий уже 500 рублей, недовольны, как вам не стыдно? Нет, не это сказал ему Нордволл. Нордволл, учитывая настроение и психологию Лобанова, произнес следующую фразу: «А у нас в Англии инженеры лучше живут». И после этого через короткое время, встретив Лобанова в

кабинете, уже прямо заявил ему: «Ну, довольно слов, надо приступать к делу, вы не останетесь в обиде».

Товарищи судьи, нельзя не верить Лобанову, что это именно было так, что никто, как Нордволл втянул его в контрреволюционную организацию. Лобанов правдив и тогда, когда признает и то, что во всяком случае для Лобанова не на пользу. Никто не заставлял, никто не тянул за язык Лобанова говорить о том, что именно он завербовал, что именно он вовлек Лебедева, который служил в его отделе мастером, во вредительскую организацию.

Вот лучшее доказательство того, что человек действительно ничего не утаил. Позвольте же верить, что и в отношении Нордволла была сказана Лобановым сушая правда.

И напрасно Нордволл уверяет, что все это неправда. У Лебедева на вечеринках, которые протекали при участии английского специалиста Эллиота, по словам Лебедева, неоднократно упоминалась фамилия Нордволла, в связи с разговорами на тему о вредительстве, о его «деловой» связи с Лобановым.

И вот, товарищи судьи, я бы считал, что факт воздействия, факт подстрекательства со стороны Нордволла Лобанова является безусловно доказанным. Лобанов прослужил всего около года на электрической станции и заметьте, что это вообще первая его служба по окончании политехнического института, потому что в 1929 г. хотя он служил на Ивгрэсе, но служил простым чертежником, затем конструктором, а инженером начал служить с 1930 г. Встреча с Нордволлом была в 1931 г. Лобанов обыватель, недостаточно еще опытный специалист, не охвативший еще всей работы, всех частей этого колоссального предприятия, как Ивановская станция, неспособен был самостоятельно, по своей инициативе на совершение вредительских актов. Он работал до встречи с Нордволлом, безусловно, добросовестно, это подтверждается командировкой его на курсы в Ленинград. Ведь мы знаем, что на курсы, связанные с расходом для учреждения, посылаются только те, которые выдавались своей работой, своим отношением к служебным обязанностям.

И вот, товарищи судьи, когда возникает вопрос, какой же должен быть подвергнут Лобанов мере социальной защиты, позвольте сказать, неужели тот человек, тот подсудимый, хотя бы и совершивший исключительно тяжкие преступления, но тот, который был введен на путь этого преступления другим, более сильным лицом, тот, по отношению которого в данном случае английский специалист является вдохновителем, неужели вдохновляемый, соблазняемый и подстрекаемый должен понести исключительно суровую меру социальной защиты. Не забудьте, что Лобанову только 35 лет. Он молод и специалист он совсем еще молодой, и если вы облегчите его участь, то я не сомневаюсь в том, что в течение своей будущей жизни он сумеет доказать, что он действительно может и хочет работать для построения социализма. В этом он нас уверял, товарищи судьи, и позвольте надеяться, что и в этом вы поверите ему.

Очень кратко позвольте остановить ваше внимание на моих подзащитных Лебедеве и Зиверт. Какое их прошлое?

Лебедев—сын бухгалтера в Нижнем-Новгороде, с 16 лет начал

сам работать. У него ко дню ареста был больше чем 30-летний стаж трудящегося, в качестве слесаря, монтера, машиниста на разных государственных предприятиях.

С первых дней революции он также работает по своей специальности. Ни одного темного пятнышка нет в его прошлом. И вот, на 53 году жизни абсолютно честный трудящийся становится на путь вредительства. Не нужно приводить никаких догадок, никаких доказательств, никаких соображений, чтобы быть твердо убежденным в том, что на этот путь его привел кто-то другой, и этим лицом был никто иной, как английский специалист Эллиот. Эллиот прекрасно учел одну слабость Лебедева—это выпить и закусить, и вот начинается обработка Лебедева именно с того, что, при содействии сотрудницы Ивановской электростанции Волковой, в один прекрасный вечер Эллиот появляется с Волковой в квартире Лебедева и там после выпивки и закуски под звуки патефона начинаются нашептывания Эллиота на тему о вредительстве, выпивший человек дал согласие и затем все время действует по указаниям Лобанова и Эллиот.

Лебедев «работал» плохо. Работой Лебедева были все недовольны. Претило ему это занятие и в 1931 г. он добровольно уходит с Ивгрэса, отказавшись от тех благ, которые ему сулили английские специалисты, и переходит в другое учреждение на службу.

Позвольте считать, что Лебедев получит возможность трудиться и в будущем.

А Зиверт? О Зиверте приходится еще меньше говорить, потому что я являюсь его вторым защитником. Первым защитником был сам Прокурор Республики, который правильно отметил, что преступление Зиверта является очень маленьким и он несомненно был вовлечен на путь вредительства подсудимым Торнтоном.

Зиверт является человеком, который всю жизнь увлекался вопросами электрификации. Он так и говорит, что цель и задача моей жизни—это изучить электрификацию, электротехнику.

И вот, когда в 1931 г. он на Ивгрэсе сталкивается с Торнтоном, который любезно разъясняет ему все детали машин и все интересующие Зиверта технические вопросы, он приходит в восторг от этого иностранного специалиста. Он так здесь и показал—какой милый, обязательный человек Торнтон.

Наивный, доверчивый старик Зиверт и не подозревал в то время, что в студии Торнтон, где он помогал Зиверту разбираться в технических трудностях, главным предметом является теория и практика шпионажа и вредительства; по своей доверчивости и наивности Зиверт попался на удочку Торнтон.

«Не нужно так усердно работать» изрек Торнтон, и в это время суёт в карман Зиверта 500 рублей. Зиверт, товарищи судьи, быстро спохватился в какое он попал жуткое окружение и твердо решил бежать от них.

Он уезжает на Днепрострой и порывает всякую связь и с Торнтоном и с другими английскими специалистами. «В 1932 г., говорит Зиверт, мне случайно пришлось быть в Москве и встретиться с Торнтоном, Торнтон предложил мне службу в конторе «Метро-Виккерс», предложил прекрасные условия, тысячу рублей жалованья, бонусы и

прочие блага». Отказался от этого соблазна Зиверт и продолжал служить на Днепрострое.

Позвольте рассчитывать, товарищи судьи, что вы учтете всю обстановку, в которой случайно сделался вредителем Зиверт, соответственно этому расцените его преступления и не отнесетесь к нему строго.

Объявляется перерыв в 9 час. на 20 минут.

* * *

Заседание возобновляется после перерыва в 9 час. 20 мин.

Председатель. Слово имеет член коллегии защитников т. Смирнов.

Смирнов. Позиция и рамки защиты подсудимого Макдональда, товарищи судьи, прежде всего определяются его сознанием в тех тяжких государственных преступлениях, которые вменяются ему в вину. Это сознание, пользуясь эпитетами товарища прокурора, искреннее, добросовестное и мужественное, во всех подробностях вскрыло фактическую сторону его преступных деяний и не только его, но и ряда других участников этого дела.

Таким образом фактическая сторона вне спора, и, как сказал уже один из моих товарищей, почвы для уликовой борьбы здесь нет.

Нет спора, конечно, и по чисто юридическому вопросу, по вопросу о квалификации преступных деяний Макдональда. Точь-в-точь как по мерке укладываются они в оправу тех юридических формулировок, которые заключаются в различных подразделениях 58 статьи Уголовного кодекса. Но есть одна, на первый взгляд быть может небольшая область, в которой трактовка государственного обвинителя представляется мне дающей почву для спора,—это роль подсудимого Макдональда в деле, оценка его личности, его характера, его значения.

Убедительно и талантливо изобразил здесь перед нами прокурор Республики общую картину этого огромного политического международного значения дела. Необычайно ярко осветил общий фон, на котором оно разыгралось, глубоко проанализировал его в целом. Но при расстановке отдельных фигур, мне кажется, прокурор Республики допустил некоторое и может быть значительное нарушение перспектив. Мне кажется, что даже маленькая, совершенно случайная аберрация, в которую впал здесь товарищ прокурор (исправивший ее потом), когда он упомянул, что Макдональд прожил в России 20 лет, уже до известной степени показывает, что расстановка фигур на этом общем огромном фоне оказалась несколько затруднительной, и поэтому, когда в одной группе—я не говорю и не буду и не думаю говорить, о виновности Монкгауза и Торнтонна,—но когда в одной группе очутились все эти трое подсудимых, мне показалось, что здесь нарушена перспектива.

Для того, чтобы свою мысль доказать вам, для того, чтобы ее сделать более убедительной, граждане судьи, мне необходимо вернуться неминуемо к некоторым чертам биографии этого гражданского инженера Макдональда, как назвал его прокурор Республики.

Кто такой Макдональд. Давайте вспомним по тем скудным данным, которые дают нам материалы по делу. Я обращаюсь к его анкете, я обращаюсь к его показаниям, которые имеются в конце XII тома дела, относящегося к нему. Я вспоминаю то, что здесь сказал он

на суде, и передо мной встает картина мелкобуржуазной английской семьи, в которой в 1903 г. родился Вильям Макдональд.

По этой анкете и по его собственным объяснениям мы знаем, что отец его инженер. Отец, мать и старший сын, этот самый Вильям. Потом, через три года в этой семье родилась дочь. Еще через 6 лет— близнецы брат и сестра. Семья английского инженера, инженера несомненно некрупного, инженера, который перебрасывается из одного города в другой. В Лондоне родился Вильям, учился в Шеффилде, где, как он показывает, живет сейчас его семья.

Что такое вообще английский инженер? Что называется инженером в Англии? Вы слышали здесь и мы знаем, что иногда инженером в Англии называется чуть-чуть побольше того, что у нас называется монтером. Повидимому к числу таких инженеров принадлежал и отец Макдональда. Я думаю, что я не ошибаюсь, когда говорю так, потому что о достоинствах этой семьи можно судить из той же самой анкеты.

Мы знаем, что уже 17 лет Вильям Макдональд, не закончивши высшего образования, идет работать за плату в 3 фунта стерлингов в неделю. Из той же анкеты, из опроса Макдональда мы знаем, что его сестра служит в библиотеке, а младший брат, которому теперь идет только 21 год, служит где-то бухгалтером. Все в семье трудящиеся. Все трудятся, кроме весьма пожилой уже матери, которая несет обязанности домашней хозяйки.

Разве в такой семье интересуются политикой вообще? Разве в такой семье могут иметь хоть сколько-нибудь правильное представление о Советском союзе?

В биографии Вильяма Макдональда есть еще одно обстоятельство, которое, несомненно, должно было отразиться и на всем его характере, и на его психологии, и на его мирозерцании и, наконец, на его житейском опыте.

Совсем еще ребенком, 10—11 лет, он ушиб себе ногу и ушиб так, что у него сделалось какое-то искривление кости в бедре. Несколько месяцев он лежал, а потом, в течение 5 лет он ходил с особым аппаратом. Вы видите здесь живое свидетельство этому. Его хромота осталась до сих пор, останется, вероятно, и на всю жизнь. Во всяком случае 10-летний Вильям Макдональд был уже калекой, прикованным сначала к своей кровати, потом к этому аппарату.

Если бы у него были здоровые ноги, может быть они занесли бы его в рабочее предместье, где он встретился бы с каким-нибудь другим, но более черномазым Вильямом, увидел бы уголок какой-то другой жизни, чем эта маленькая буржуазная, средняя интеллигентская английская семья, представление о которой я думаю можно черпать даже из старых романов Диккенса или каких-нибудь других авторов, изображавших эту среду.

И вот этот 16-летний Вильям Макдональд, который ничего кругом не видел, который, вероятно, и не выходил за пределы своего палисадника или двора,—этот Вильям Макдональд, как только он выздоровел, едва только он поступил в высшую школу, уже направляется, очевидно, отцом на работу. Нечего тут кончать высшую школу—иди работать, практически учись зарабатывать деньги. Для меня совершенно ясно, что это семья, для которой вопросы личного благопо-

лучия, личного комфорта являлись может быть пределом жизненных стремлений. Из одного того, что Вильям Макдональд, которому шел всего 17-й год, поступивши на службу, получал 3 фунта в неделю, поистине мизерное содержание, и это мизерное содержание сохранял в течение нескольких лет, по-моему совершенно определенно видно, что такое он был по своему социальному лицу. Ведь не только потому, что он был молод, не только потому, что он был калека, он не был офицером, он не был представителем того подлинно буржуазного класса английского общества, о котором мы можем судить тоже по каким-нибудь более современным романам. Он не был представителем той семьи, члены которой получают воспитание в Оксфорде или Кембридже или оканчивают иногда, как Монкгауз, два факультета высшей школы, которым семья может дать законченное высшее образование, для того, чтобы они свое благополучие завоевывали, будучи вооруженными для этого с ног до головы.

И вот, через несколько лет благодаря друзьям своего отца (как говорил Вильям Макдональд), ему предлагают ехать в Советский союз, работать в СССР, и здесь ему дают уже 12 фунтов в неделю. Что такое Россия, что такое Советская Россия, что такое Россия в 1928 году—откуда это знать Вильяму Макдональду? Ведь даже если предполагать, граждане судьи, что в этот тесный замкнутый круг его семьи и попадали газеты и наверное попадали, то газеты исключительно английские. Что же касается английских газет, то не помню, кто здесь на суде, но чуть ли не кто-то даже из самих англичан-подсудимых говорил о том, какие сведения о Советской России печатаются в английских газетах.

С каким представлением уехал он в Советскую Россию в 1928 году, что он знал о ней, что мог он о ней знать кроме того, что там господствуют какие-то большевики, что это технически отсталая страна, которая во что бы то ни стало стремится догнать и перегнать даже передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны, что там нужно иностранное техническое оборудование, а поэтому нужны и иностранные техники, монтеры и инженеры и этим техникам, монтерам и инженерам платят хорошие деньги и их ценят, что там можно будет хорошо пожить, можно будет заработать такие деньги, чтобы часть их, значительную часть, откладывать на текущий счет в банк.

Вот с какими представлениями о России приехал Вильям Макдональд в 1928 году в Москву. Граждане судьи, он приехал с абсолютным незнанием русского языка, он не умел говорить по-русски, да и нигде ему было конечно научиться. Он приехал, не зная ни одного русского слова. Может быть поэтому он сначала и работал поближе к Московской конторе, в Москве, в Ленинграде, где встречал людей, знакомых с его родным языком. Но конечно эти люди не из рабочей семьи.

Но вот он попал в Златоуст. Когда я начинаю думать об этом, граждане судьи, мне делается стыдно, больно, страшно при мысли о том, что Россия, о которой Вильям Макдональд не имел, собственно говоря, никакого представления, предстала перед ним в этом страшном, ужасном, кошмарном образе Василия Алексеевича Гусева.

Он приехал в Советскую страну. Кто его встретил здесь? Он при-

ехал сюда работать. Он слышал, что здесь строится громадное дело и прежде всего он увидел человека, который начал ему выражать свое недовольство советскими порядками, который прежде всего и в первую голову начал разговаривать с ним о том, что у него недостаточное количество брюк, что он недостаточно хорошо обедает по его вкусам, что ему нехватает того и другого, то есть начал говорить с ним на преувеличенном языке тех идеалов мещанского благополучия, которые он видел в своем кругу, в своей семье. И вот, граждане судьи, мне представляется, что для того чтобы изобразить эти первые разговоры Гусева с Макдональдом, чтобы вскрыть всю их сущность, все их психологическое значение, для этого конечно нужен острейший художественный зонд Достоевского, для этого нужно писательское перо, а не бледные слова судебного защитника. И когда здесь, не со стороны представителя государственного обвинения, а к сожалению из-за стола защитников, выдвигается версия о том, что Макдональд явился развратителем Гусева, я говорю: это неправда. Развратителем кого явился Макдональд? Развратителем добровольного соратника Колчака, который в рядах белой армии воевал против большевиков, который в 1922 году пришел на Златоустовскую станцию в качестве дежурного мастера и которого эти самые большевики в течение 7 лет довели до должности начальника этой станции? И вот этот-то Гусев мог быть развращен Макдональдом? Можно ли вообще развращать, можно ли развратить человека, который за несколько сотен рублей способен продать свою родину?

Вот, граждане судьи, представитель государственного обвинения говорил здесь о национальном достоинстве. Не буду употреблять более высоких слов, но все мое национальное достоинство возмущается при мысли о том, что советский инженер Гусев, который за эти 7 лет сделал прекрасную даже с его точки зрения карьеру, мог за 500 рублей продать иностранцу свою страну.

И когда здесь говорят о том, что Макдональд подстрекатель, что Макдональд развратитель, что если бы не пришел Макдональд, то Гусев шел бы по честному пути, что у Гусева был какой-то перелом, я говорю—нет, этого перелома не было, потому что нельзя говорить о переломе у человека, который за чечевичную похлебку готов продать родину. И еще, граждане судьи, хотя это и не имеет прямого отношения к Макдональду, я скажу, странным мне показался аргумент любимого и уважаемого мною товарища Пинеса, который недоумевал, почему же этот «почти большевик» Нордволл не научил Лобанова, как надо поступать, как же он не сказал Лобанову: «Что ты делаешь Лобанов? Разве так нужно поступать? Ты должен честно работать, быть честным советским работником. Ты в стране строящегося социализма, если уже ты не работаешь с пафосом и энтузиазмом, то во всяком случае ты должен честно класть кирпичи в фундамент нового здания». Чего же хотят защитники Лобанова? Чего же хотят защитники Сухоручкина, чего хотят защитники Гусева?

Они хотят, чтобы английский инженер приехал обучать русских государственных служащих, которые, как признает сам Пинес, ничего кроме хорошего не видели от советской власти (и тот же самый Лобанов имел очень хороший заработок), они хотят, чтобы английский инженер останавливал их в их попытках вредительствовать.

Нет, товарищи судьи, я вместе с товарищем прокурором думаю, что эту версию о подстрекательстве, о развращении бедных невинных овечек нужно отбросить—это здесь не при чем.

Я думаю, что люди пришли и случайно попали на такую почву, на которой эти ядовитые травы, этот ужасный сорняк рос без всяких особых посевов...

Теперь позвольте немного коснуться Макдональда с другой стороны.

Что такое Макдональд в смысле положения, которое он занимает в фирме? Разве он имеет какое-нибудь значение там, в Московской конторе? Разве его приглашают на какие-нибудь совещания, разве кто-нибудь и когда-нибудь нам об этом говорил? Нам говорят: давались ему определенные предписания. Поезжай в Златоуст, поезжай в Зуевку, и он без всяких разговоров покорно переезжал с места на место, когда ему приказывали, и делал то, что ему приказывали делать. При этом ему давались задания, при этом ему говорилось: помни, ты работаешь в фирме, ты работаешь в частном предприятии, интересы хозяина для тебя должны быть важнее всего.

Он это помнил, он это знал. С младенческих лет, в своей буржуазной стране, в своей капиталистической Англии вместе с молоком матери всосал он эти именно понятия, именно эти представления: в первую очередь интересы предприятия. И когда старший говорил—эти интересы таковы, то он этому верил, особенно как дисциплинированный англичанин,—его дело слушаться.

Граждане судьи, я думаю, и представитель государственного обвинения стоит по-моему на такой же точке зрения, что существует огромная, колоссальная разница между тем, как должны мы подходить к слугам социалистического государства, слугам-хозяевам государства, с одной стороны, и слугам частного капитала—иностранцам—с другой. Это для меня ясно до такой степени, что говорить дальше на эту тему это значит из букв делать склады, которые понятны сами по себе.

Да, он собирал сведения. Ему говорили: собирай сведения. И он их собирал. Когда мне говорят, что Макдональд хитрый и тонкий человек, я возражаю: «Нет, это не так». А если даже он и хитрый человек, то во всяком случае не в настоящую минуту, не тогда, когда он предстал перед следственными властями, тогда этот Макдональд ни на какие хитрости, ни на какие уловки пускаться не стал и я думаю, что строки одного из его последних показаний правдивы до самого конца.

Позвольте мне их процитировать. Это на 58 листе XII тома его показаний от 17 марта. «Полагаю, что известную роль в своих преступлениях сыграли условия, в которых я жил в Англии, вырос и развивался». Это сказал сам Макдональд 17 марта в своих показаниях. «Эти условия были обычными буржуазными условиями, обстановка которых не давала мне возможности правильно понимать, что происходит в Советской России».

И дальше: «В аппарате фирмы я занимал небольшое место. Повидимому Торнтон и Монкгауз не считали меня способным к большой самостоятельной работе. Полагаю, что в силу этих моих личных качеств мне была отведена сравнительно малая роль в работе против советов».

Я считаю, что заподозривать эти показания в неправдивости едва

ли есть какие-нибудь основания, если человек дал их после того, как до этого в течение 5—6 дней он на все поставленные вопросы о том, совершал ли он вредительство, собирал ли он шпионские сведения, организовывал ли он диверсионные акты, отвечал—да, да и да.

И вот, граждане судьи, с моей точки зрения играет очень большую роль то, что он здесь был лицом подчиненным, может быть по-буржуазному, в пошлом, я бы сказал, смысле слова, слушался того, что приказывало начальство.

Я думаю поэтому, что освещать тем же светом эту фигуру, ставить ее на тот же план, на который поставлены Монкгауз и Торнтон, независимо от их вины, но в зависимости от их возможностей, от их значения, от возможности совершать то, что приписывается Макдональду,—неправильно. Такова же, мне кажется, была роль Макдональда и в Зуевке. Представитель государственного обвинения на этом эпизоде остановился очень бегло, да конечно и нет надобности его повторять. Если Котляревский и не был добровольцем у Колчака, то сам он говорит о своих антисоветских настроениях, о том, что он был весьма недоволен условиями, в которых он жил, весьма был недоволен обстановкой. Сам Котляревский с необыкновенным, я бы сказал, наивным даже цинизмом с полным забвением этого чувства национального достоинства чуть не при первом разговоре с Макдональдом начал ему рассказывать о том, что ему трудно живется, что у него тяжелое материальное положение и так далее и принял от Макдональда 500 рублей. Правда, Котляревский думал, что это ему дается взаймы, но я сомневаюсь в том, что он действительно думал, что он их отдаст, я сомневаюсь в том, что он хоть на одну минуту намеревался их отдать, по крайней мере, когда он второй раз представил Макдональду чертежи, как будто чертежи довольно незначительные с точки зрения военного шпионажа и получил вторые 500 рублей, то он хотя и понял, что первые даны не взаймы, но все-таки не имел мужества от них отказаться и считая, что он тонет, решил тонуть еще глубже и получать эти пятисотрублевки и в дальнейшем.

Значит и здесь говорить о каком-нибудь развращении Котляревского не приходится. Вот я и думаю, граждане судьи, что это подчиненное положение Макдональда, рядового, самого рядового инженера—он сам тут сказал: «Нет, несколько повыше монтера», но не сказал, что он инженер,—Макдональда, у которого нет диплома,—он пробыл в университете неполный год, неполных 2—3 семестра,—вот это положение Макдональда как рядового служащего фирмы, обязанного подчиняться своему прямому начальству, с одной стороны, условия его воспитания, его жизни, его работы—с другой, и та необычайно благоприятная почва, на которой росли самые ядовитые цветы и шпионажа и вредительства, и на которую он наткнулся в первые же годы своей работы тогда, когда он уже мог немного объясняться на русском языке, мог хоть сколько-нибудь осмотреться в том, что происходит,—вот я думаю, что все эти условия надо принять во внимание для того, чтобы правильно поставить и осветить фигуру Макдональда.

Есть еще с моей точки зрения огромного значения обстоятельство, которое должно послужить к смягчению участи Макдональда—это его сознание. Представитель государственного обвинения сам назвал это

сознание даже не тем банальном словом, которым его обычно называют—чистосердечное,—гражданин прокурор употребил более редкие эпитеты, он сказал: «Искреннее, добросовестное, мужественное сознание». Да, оно было искреннее, да, оно было добросовестное, да, оно было мужественное, граждане судьи..

Действительно его поведение, поведение Макдональда, этого гражданского инженера, было неоспоримо мужественнее, чем поведение «храброго мессопотамского воина», как назвал представитель государственного обвинения Торнтон. Если вы примете во внимание вот это подчиненное положение Макдональда и если подумаете о том, что ему приходилось свидетельствовать не только против русских инженеров, не только против русских вредителей, но и против своих соотечественников, которые и здесь, пока он пребывает в России, являются его покровителями, быть может и в дальнейшем являлись бы людьми, которые должны были определить его карьеру, но и там в доброй старой Англии тоже являлись для него людьми, имеющими большое значение—вы согласитесь, что дать такое сознание, это значит иметь действительно подлинное настоящее мужество.

Вот, граждане судьи, когда здесь говорится о переломах, которые произошли, о каком-то необычайном, внезапном раскаянии, то мне всегда кажется, что в этом есть какая-то фальшь, что психологически это неверно. А вот что касается Макдональда, то может быть потому, что по своим социальным корням он вовсе не классовый враг, может быть потому, что он происходит из семьи трудящихся и ему легче понять и постигнуть то, что совершается в России, я думаю, что поэтому, граждане судьи, это сознание действительно и добросовестное и искреннее.

Я не буду говорить ни о каких переломах, которые совершились в душе Макдональда.

Здесь говорилось о молодости Лобанова. А я также мимоходом подчеркиваю это быть может не очень значительное обстоятельство, что самый молодой на всей скамье подсудимых—это именно Макдональд, ему всего 29 лет. Ему идет 30-й год. Его жизнь еще впереди.

Я думаю, что Вильям Макдональд задумался быть может в первый раз во всей своей жизни, под влиянием действительно огромных событий, совершившихся в его собственной жизни, и под влиянием всего того, что он наконец разглядел своими глазами. Когда вырванный оттуда из этой мирной мелкой обстановки своей Англии он попал сюда, здесь его учителями были Гусев, Соколов и Котляревский. И когда он из этой школы, все равно почему, ушел и вырвался, то может быть здесь он действительно первый раз в своей жизни по-настоящему задумался: что же такое случилось? Почему случилось так? Задумался и остановился.

Граждане судьи, есть одно маленькое никем как-то не отмеченное обстоятельство. Макдональд уехал из Зуевки в 1932 году, он был потом в Орехово-Зуеве и так далее. Эта эпоха его деятельности как будто бы никаких вредительских действий, которые были бы по крайней мере описаны в обвинительном заключении по настоящему делу, в себе не содержат. Мне кажется, не был ли этот сентябрь 1932 года тем моментом, когда Макдональд задумался?

На эту мысль меня и наводит вот это маленькое никем не отмеченное обстоятельство. Здесь много, очень много говорилось о знамени-

том показании Торнтонна на 26 листе его дела—об этой самой «сетке Торнтонна». И вы вспомните, что в этой сетке имеются два главных отдела. В одном говорится о тех, кто состоял в шпионской организации, во вредительской организации и перечисляется 27 имен с разными подразделениями. Среди этих имен и имя Макдональда. А дальше есть второй отдел, где говорится: на 11 марта 1933 года в организации состоит—и здесь уже имени Макдональда нет. Как бы ни рассматривать этот документ, как бы ни рассматривать показания Торнтонна,—все равно. Разделите ли вы точку зрения представителя государственного обвинения, что в этом документе изложена подлинная правда, что если Торнтон и был склонен, то скорее прибавлять имена, как быть может прибавил он невзначай имя Грегори, но отнюдь не убавлять. Разделите ли точку зрения Торнтонна (я не знаю, что будет говорить его защитник по поводу этого документа) и скажете: да, в этом документе есть ложь. Но во всяком случае не будет никакого основания думать, чтобы Торнтон забыл о Макдональде. Можно было бы не упомянуть имя Грегори, кого-нибудь еще, но Макдональд достаточно заметная фигура, все время непосредственно находящаяся под наблюдением и воздействием Торнтонна и забыть его в этой части своей записки я думаю ему было нельзя.

Мне кажется, что на 11 марта 1933 года Макдональд уже не состоял в этой организации, на него уже плохо рассчитывали. Здесь подтвердилось то, что говорил Макдональд: «В аппарате я занимал небольшое место, повидимому Торнтон и Монкгауз не считали меня способным».

Я думаю, граждане судьи, что мне конечно нет никакой нужды, и это было бы просто с моей стороны бесполезной тратой времени, останавливаться на отдельных эпизодах, на отдельных фактах вредительской или шпионской деятельности Макдональда. Об этом я конечно говорить не буду. Но мне кажется, что освещение, которое я придаю этой деятельности, то понимание, которое создается у меня, должно быть принято во внимание нами. Мне кажется, что теперь, как я говорю, этот человек задумался, что он встал на распутье.

Есть в деле и еще один документ, документ неоглашенный, но который конечно, я в этом уверен, вы просмотрите в вашей совещательной комнате, на 62-м листе тома Макдональда, там, где Макдональд обращается к прокурору республики говорит: да, я теперь осознал то, что делал, да, я понимаю, что я совершил грех против советской власти, что я совершил преступление против советской власти, и я даю торжественную клятву, что впредь я этого делать не буду.

Мне кажется, что этой клятве, этому обещанию нужно поверить, что есть все основания для того, чтобы поверить ему, и я думаю, что вы, граждане судьи, в вашем приговоре поможете этому человеку, остановившемуся на распутье, пойти по честной трудовой дороге и в дальнейшем быть может послужить на пользу социалистической стране.

Председатель. Объявляю перерыв до 10 часов утра.

П. п. В. В. Ульрих

Председатель Специального присутствия
Верховного суда СССР
А. Ф. Костюшко
Секретарь.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 апреля 1933 г. 10 час. 30 мин.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. Заседание возобновляется. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Брауде.

Брауде. Граждане судьи, обвиняемый Торнтон на судебном следствии заявил, что он не признает себя виновным ни в чем кроме собирания экономической информации, что он отрицает большинство сделанных им на дознании и на предварительном следствии показаний, но против Торнтона говорят и показывают почти все наличные обвиняемые инженеры и советские техники, но против Торнтона показывают и уличают его своими показаниями его подчиненные по службе Кутузова и Олейник, но против Торнтона выступает также с обличительными показаниями его соотечественник, товарищ по службе и друг—Макдональд, но против Торнтона и его собственные, написанные собственноручно, данные на предварительном следствии и дознании его личные показания. И я должен прямо признать перед вами, граждане судьи, что с точки зрения формальных судебных доказательств мы имеем против Торнтона то, что называется почти замкнутым кругом улик, ставящим защитника Торнтона в бесконечно тяжелое положение. Но обвиняемый Торнтон категорически настаивает на отрицании, но обвиняемый Торнтон с первого момента судебного следствия и до последнего утверждает, что он не виноват, и это обстоятельство, это отрицание обвиняемого, несмотря на то, что отрицает это он один против всех, не представляет в распоряжение защиты ни документов, ни фактов кроме голого отрицания, все же обязывает его защитника, ставит перед его защитником задачу неизбежно в этих условиях подойти аналитически к имеющемуся в деле материалу, попробовать, попытаться построить иную версию, иные предположения, иную гипотезу, чем та, которую утверждает здесь обвинение.

И вот приступая к этой, далеко не легкой задаче, я должен отметить, товарищи судьи, одно обстоятельство—необходимость внести известные коррективы в эту ситуацию, которая здесь прошла по показаниям самих обвиняемых и в речах защиты.

Когда прослушаешь обвиняемых по настоящему делу, когда прослушаешь всех этих инженеров и техников, дававших свои показания против Торнтона, тогда невольно как бы приходишь к выводу, что все это люди без собственного лица, что это люди без инициативы, без воли, люди, которые не имеют ничего своего, которые шли полностью на поводу у Торнтона, которые сами без Торнтона не могут ничего сделать, ни одного шага предпринять. Таких положений в жизни не бывает. И когда

прослушаешь речи защиты, которые в этом отношении, да простят они мне, шли на поводу у своих подзащитных, создается совершенно нелепое с точки зрения жизненных отношений положение, совершенно нелепая с точки зрения жизненных отношений ситуация; когда один из защитников пытается здесь утверждать может быть не лишенным остроумия, но мало правдоподобным образом, что у Торнтонна была студия, где проходили теорию и практику шпионажа, а Торнтон был директором этой студии, я должен сказать моему товарищу, что это свидетельствует о его большой любви к театральным образам, но мало правдоподобна такая попытка воплощения этого образа в жизнь.

Когда другой товарищ, выступавший здесь в качестве защитника, буквально за руку, как институток, привел троих своих подзащитных в объятия Торнтонна, я должен отметить, что это чрезвычайно наивный подход к подзащитным.

И когда третий защитник пытался говорить о Торнтоне, как о соблазнителе, как о подстрекателе, как о Торнтоне, вне личности которого никто не может ничего сделать преступного, я должен сказать, что такая точка зрения не является здоровой и нормальной для подхода к делу.

Мы, товарищи судьи, в нашей стране живем в эпоху здорового материалистического понимания жизненных отношений. Нам не к лицу идеалистические бредни о сильной всепоглощающей личности, подчиняющей всех окружающих своей воле, заставляющей всех окружающих выполнять ее желания, нам не к лицу мистические образы о демоне зла, гении соблазна и искуителя, как это рисуется в выступлениях защитников. Мы с точки зрения нашего материалистического миропонимания знаем только здоровые нормальные взаимоотношения между людьми, и в этой плоскости взаимоотношений я попытаюсь описать мои предположения в отношении Торнтонна в части предъявленных к нему обвинений.

Переходя к существу предъявленных Торнтону обвинений, я прошу товарищей судей обратить внимание, что главным, самым серьезным и самым страшным обвинением в отношении Торнтонна является обвинение во вредительстве, в подготовке диверсионных актов, аварий, и это обвинение, им отрицаемое,—действительно страшное обвинение.

Разве не страшно, когда говорят человеку: ты принадлежишь к тем, которые заключили с нами, с нашей страной договор на помощь восстановления нашей промышленности, на техническую помощь, а ты вместо этого, принимая вид, что ты это делаешь, одновременно разрушаешь наше хозяйство, уничтожаешь нашу промышленность, создавая диверсии, аварии, одной рукой делаешь вид, что создаешь, а другой рукой разрушаешь то, что производишь и подрываешь героические усилия трудящихся нашей страны.

Я понимаю Торнтонна, что он эти обвинения с ужасом отвергает, что Торнтон инстинктивно понимает это как самое страшное, как самое суровое из предъявленных к нему обвинений.

Но, товарищи судьи, я опять-таки должен сказать, что и в этом отношении его уличают все советские инженеры и техники, находящиеся здесь на скамье подсудимых, его уличает его товарищ—Макдональд, его уличает Кутузова, его уличает Олейник, его уличают почти все, кто находится на скамье подсудимых, но одно я должен подчеркнуть

здесь, что он сам в этом отношении себя нигде не уличает, что каковы бы ни были его показания, в большом числе разбросанные по этому объемистому делу, в каком бы состоянии он это ни делал,—даже тогда, когда по его словам он находился в состоянии усталости, пусть это падает на его совесть, но он никогда ни разу ни в одном показании, ни в одном своем заявлении не признал себя нигде виновным во вредительстве и диверсионной работе. Этого вы никогда и нигде не найдете.

И когда все-таки он один против всех в этом вопросе путем голого отрицания, не представляя в распоряжение защиты ни документов, ни фактов, отвергающих заявление остальных обвиняемых, продолжает все-таки утверждать свою невиновность, я невольно должен буду сделать некоторую аналитическую попытку гипотетического порядка в части остальных обвиняемых: а не может ли быть здесь иначе, не может ли быть со стороны обвиняемых попытки свалить на него свою гину, и в этом отношении я должен остановиться на некоторых соображениях.

Для нас, старых судебных деятелей, посевших в судебных боях в течение четвертвековой работы, является незыблемым одно основное правило. Обвиняемый на суде по общему правилу всегда уклоняется от истины; говорит ли он намеренно неправду, отрицая свою вину, частично ли он признает себя виновным, хочет ли говорить истину, он невольно всегда к истине примешивает известную частицу лжи, что на языке судебной психологии называется реактивным защитным движением, стараясь представить себя лучше, чем он на самом деле есть, стараясь смягчить свою вину. И наша судебная практика, практика высших судебных установлений нашей страны и наши законодательные органы в силу этого только что высказанного мною соображения к показаниям обвиняемых к так называемым оговорам, независимо от того, ложны они или правдивы, подходят с чрезвычайной осторожностью. Нашим судам дана высшими судебными органами прямая и точная директива, которая свято ими выполняется. Эта директива говорит: относиться осторожно к оговорам обвиняемых на суде, считая, что одно только показание обвиняемого является шатким доказательством, и вчера уважаемый наш противник в лице товарища Вышинского, в лице которого в нашей стране осуществляется высший судебный контроль и надзор за судебными решениями, эту точку зрения наших высших судебных учреждений выявил в чрезвычайно определенной, точной, категорической форме. Он сказал: оговор только тогда является доказательством по делу, когда он подтверждается другими объективными данными по делу. Это вчера в речи сказал мой уважаемый противник, и товарищ Вышинский оказался верен себе в этой точке зрения до конца, когда отказался от обвинения Грегори, потому что хотя Торнтон в каком-то своем показании оговорил Грегори, но прокурор объективно находит, что этот момент в показаниях Торнтона не подтверждается объективными данными, и что поэтому от этого обвинения Грегори он отказывается. Это положение, высказанное товарищем Вышинским, дает мне право проверить с точки зрения наличия доказательств и показания остальных обвиняемых.

Товарищи судьи, я должен с совершенной откровенностью признать, что здесь мы имеем несколько иное явление, здесь мы имеем не единичный оговор, не единичное показание обвиняемых по делу, а мы имеем

множественное, коллективное и даже комбинированное с точки зрения того, что дают показания различные категории—и друзья, и знакомые, и близкие, и чужие. С внешней стороны это производит убедительное впечатление, с внешней стороны для защитника это создает непреодолимые улики, ибо здесь количество переходит в качество. Но тем не менее, товарищи судьи, я должен и здесь поставить вопрос, что и в таком контексте, и в таком положении, и такое сочетание улик, такое сочетание показаний обвиняемых может быть сильным судебным доказательством лишь в том случае, если нельзя предположить наличия общего стимула к даче таких показаний общего психологического момента, который дает без сговора с их стороны неизбежную, определенную линию поведения. Этот стимул я имею основание предполагать с большей или меньшей убедительностью. Этот стимул нащупан мной прежде всего в речах защиты, в показаниях самих обвиняемых, которые вместе с защитой, или, вернее, защита с ними, стараются доказать, что они являются слепым орудием, беспомощным орудием в руках Торнтон. Я нащупал этот стимул и в речи уважаемого противника товарища Вышинского, когда он бросил весьма образную фразу о том, что обвиняемым не поможет то, что они прячутся за спину Торнтон. То, что они прячутся, я согласен. Но если они прячутся за спину Торнтон, то где предел этому устремлению спрятаться за спину обвиняемого Торнтон. А может быть, если они прячутся за спину Торнтон, они стараются спрятать не только часть вины, но всю вину и все содержание преступления взвалить на Торнтон. Я понимаю, что это положение—гипотеза, но я вправе ее поставить, и неизбежен вопрос, вытекающий при такой постановке, это вопрос—а могли ли они сами, без помощи Торнтон совершать эти преступления, которые Торнтон отрицает.

Позвольте мне по этому поводу высказать несколько соображений. Товарищ Вышинский чрезвычайно интересно здесь уже упомянул в своей речи о том, что такое представляет собой вредительство в нашей стране. Я позволю себе в нескольких словах коснуться снова этого момента. Вредительство действительно является у нас не новым. С момента перехода буржуазной интеллигенции от контрреволюционного саботажа к вынужденной работе с советской властью уже начинается вредительская работа части буржуазной интеллигенции, и на протяжении всей истории советской власти вредительство, как одна из форм классовой борьбы, принимало самые разнообразные положения, пока в конце концов не вылилось в единую вредительскую организацию с руководящим центром в СССР—вспомните блок «Промпартии», «ТКП» и меньшевиков и единый эмигрантский центр за границей «Торгпром», руководимый и субсидируемый наиболее агрессивными империалистическими кругами.

Органами ОГПУ, нашими судебными органами вредительская организация была разгромлена, но отдельные осколки ее несомненно случайно уцелели в различных концах нашего Союза, в различных отраслях нашего народного хозяйства. И не случайно здесь некоторые обвиняемые вынуждены были на вопросы суда установить связь между ними и этими осколками. Не случайно некоторые из обвиняемых вынуждены были признать, что у них и до встречи с Торнтон были вредитель-

ские устремления, вредительские убеждения, вредительская психология. И оно понятно, потому что социальные корни у одних из них, буржуазные пережитки у других, импульсированные ожесточенной классовой борьбой, еще имеющей место в нашем Советском союзе, являются достаточным для них стимулом, чтобы вести и продолжать против единственного в мире государства трудящихся, против их родины, продолжать вредительские и диверсионные действия.

Я позволю себе взять на выдержку несколько обвиняемых по настоящему делу, и вы увидите, что мои соображения в этом смысле подтверждаются попытками самого легкого психологического и политического анализа.

Гусев—бывший белогвардеец, сражавшийся в рядах белых войск против Красной армии, принимавший участие в пролитии крови лучших сынов трудового народа. Гусев, по выражению товарища прокурора,—яркий и вполне сложившийся тип контрреволюционера.

Соколов—тоже махровый белогвардеец, ранее совершавший, по его собственному признанию, акты вредительства.

Зорин—контрреволюционер, убежденный контрреволюционер, который здесь на суде должен был договориться до того, что даже свои личные обиды он претворял в плоскость общественных обид, в плоскость обид против советской власти. Зорин, который представляет собой тип закостенелый, проникнутый прежними буржуазными пережитками, ничего не воспринявший в течение всей творческой работы советской власти, тип махрового черносотенного полуученого, Зорин пытается нас убедить, что для того чтобы перейти к вредительским действиям, ему понадобилось пять бесед по несколько минут с Торнтоном, и этот пламенный Демосфен—Торнтон—сумел его убедить и склонить к вредительским актам, а сам он без него не мог этого сделать.

И наконец возьмем Сухоручкина, который здесь на мои вопросы сам признался, что его контрреволюционным убеждениям вполне соответствует производство вредительских актов, что они вытекают из самой сущности его убеждений, из самой сущности его психологии.

Нужен ли при таких условиях для них толчок, импульс в лице Торнтона, когда импульс—классовая борьба в нашей стране, когда их импульс—ожесточенная ненависть к Советскому союзу и трудящимся нашей страны.

И невольно я ставлю вопрос, что же: можно ли считать, что для них необходим Торнтон. Они, мне кажется (теоретически конечно, но это подтверждается и моими психологическими соображениями), могли совершать преступления и без такого подстрекательства извне.

Я позволю себе поставить еще такой вопрос: доказано ли вообще, что вредительство имело место. Да, товарищи судьи, я должен прямо сказать, та папка экспертизы, на которую ссылается товарищ прокурор, убеждает и меня. Пока не представлено никаких возражений против этого. Почтенные имена участников экспертизы не могут вызвать никаких сомнений в правильности экспертизы. Пока обвиняемые не могут представить никаких документов, которые бы могли убедить нас в неправильности экспертизы. Я наконец вижу лиц, которые не наговаривали ведь на себя о том, что они совершали вредительские акты.

Конечно, у меня нет никаких оснований к тому, чтобы в какой-нибудь мере сомневаться в том, что эти вредительские акты имели место.

Но повторяю, для уличенных в совершении этих вредительских актов, для совершавших эти вредительские акты чрезвычайно большой соблазн укрыться за спину кого-нибудь другого, кто представляется в данном случае наиболее центральной фигурой, более сильной, могущей руководить, снабженной материальными средствами, данными для соблазна, данными для использования их робких, якобы жалких и нерешительных фигур.

Но остаются еще показания Макдональда, которые также показывают против Торнтона. Мне могут сказать: ну, а Макдональд—какой смысл ему на своего товарища, на своего друга показывать. Я должен был бы ответить на это опять-таки в форме тех же самых моих предположений, вытекающих из соотношения обстоятельств, что Макдональд—тоже обвиняемый и ему также свойственны все те черты, все те стремления, все те реактивные защитные движения, которые свойственны и остальным обвиняемым.

И наконец я должен невольно вернуть ваше внимание к тем словам, которые были здесь в свое время сказаны Торнтоном. Здесь он логически прав. Совершив известного рода преступления, Макдональд сознался в них. Прекрасно. Пускай же он отвечает за них, поскольку он делал это за свой страх и риск и не доказал, что он это делал по поручению Торнтона.

И наконец показания Кутузовой. Бывшая служащая. Друг, как говорилось здесь ею на суде, большой друг, как подчеркивала она. Где разгадка ее показания? Догадками я заниматься не могу, потому что она сама на вопрос товарища Вышинского по поводу ее личных взаимоотношений с обвиняемым не дала ответа, а я не считаю себя вправе копаться в этих личных взаимоотношениях, в различных тонких нюансах женской натуры, которые могли бы пролить свет на характер этих взаимоотношений. Но я позволю себе сказать о другом. Я позволю себе сказать о ее показаниях как таковых. Я позволю себе поставить перед вами вопрос, который вы разрешите в своей совещательной комнате. Мыслимы ли и жизненны ли показания ее? Возможны ли с точки зрения реальной действительной жизни, чтобы достаточно опытные в жизни люди—англичане, спокойные, холодные, серьезные и рассудительные—обсуждали опаснейшие диверсионные акты, конструировали опаснейшие планы об авариях и вредительствах в присутствии своей служащей, в каких бы дружеских отношениях она с ними не находилась, если она им для этой работы не нужна, если к ней обращаться для этой работы не приходится, и если она помогает только в их работе информационной в смысле экономического шпионажа? Мало вероятно, чтобы они стали знакомить ее с такой работой.

Наконец я снова обращаю ваше внимание, как на последнее соображение в этой плоскости улик, на показания самого Торнтона. Нигде ни в одном показании Торнтон не признает себя виновным во вредительстве, не признает себя виновным в диверсиях, не признает себя виновным в совершении подрывной работы. И если прокурор в своей чрезвычайно интересной речи останавливается в значительной степени и на показаниях самого Торнтона, считает, что он на дознании и следствии говорил

в большинстве случаев в основном правду, то будет логически возможно продолжать эту мысль до конца—если он говорил правду в основном и в большинстве случаев, то он говорит правду, и тогда, когда отрицает свою виновность во вредительстве.

Я перехожу ко второму обвинению, выдвинутому против Торнтона, которое он отрицает, обвинению тяжкому, обвинению в военном шпионаже и шпионаже вообще. И здесь, товарищи судьи, я должен несколько разойтись со своим обвиняемым. Я считаю, что по законам нашей страны я обязан это сделать. Мы не можем не считаться с фактами, проходящими на суде. И если Торнтон на целый ряд вопросов, заданных прокурором и сторонами, должен был признать, что он собирал экономическую информацию, то с точки зрения нашего закона в экономическом шпионаже он конечно повинен. Но военный шпионаж он отрицает, и я позволю себе по этому поводу высказать несколько соображений, подтверждающих в той или иной степени его отрицание.

Прежде всего, чтобы решить вопрос о том, занимался ли Торнтон военным шпионажем, я обращаю ваше внимание на его показания, имеющиеся в деле. У него там целый ряд показаний, и из сопоставления этих показаний (я не буду их цитировать, чтобы не задерживать вашего внимания) мы можем видеть только одно, что его понятия о шпионаже чрезвычайно путаные, что его понятия о шпионских сведениях чрезвычайно неопределенны и расплывчаты. В одном месте он говорит об оборонительных и наступательных возможностях, в другом месте—относительно собирания политических сведений, а приводит чисто экономические сведения, в третьем месте говорит об экономических сведениях, а приводит политические. Ясно, что человек—продукт иной среды, иной государственной системы, чуждый нам, чуждый нашим взаимоотношениям в нашей стране не вполне понимает, не вполне усваивает, что такое шпионские сведения.

Но, товарищи судьи, если мне поставят вопрос о том, получал ли он военные сведения, получал ли сведения, считающиеся по закону государственной тайной, то я должен сказать прямо—да, бесспорно, получал независимо от своих субъективных намерений, независимо от субъективного умысла и сейчас объясню почему. Вот в силу того, что, становясь уже на путь нелегального собирания, запрещенного в нашей стране, экономических сведений, он в силу отмеченных мною психологических особенностей его, не может найти грани, где кончается разрешенное, где начинается запрещенное, где кончается экономика, где начинается политика и где кончается политика, и начинаются военные тайны. Особенно когда идет вопрос о предприятиях, связанных с военным производством, тогда вполне возможно, что он принимает и военные сведения, хотя субъективно его воля и умысел на военные сведения не направлены.

И второй момент, который убеждает меня в том, что он получил военные сведения независимо от его субъективного желания,—это взгляд на этих людей, людей, опустившихся до того, что они способны предать интересы своей родины и во имя каких-то несчастных грошей давать иностранцам, чужеземцам сведения, которые он получает, которые будут использованы для коммерческой фирмы, а может быть иначе. Люди, которые идут на такое дело, для них все равно, они тащат все, что

попадает под руку, и военные, и невоенные сведения и все приносят заказчику, хотя бы он ни просил их об этом.

Вот почему фактически я это допускаю, но должен ли он отвечать здесь за субъективные намерения, за умысел — это вопрос, который подлежит вашему обсуждению в совещательной комнате; но при обсуждении вопроса об экономическом шпионаже, который я признал с точки зрения формальной квалификации, по второй части статьи 58-6 Уголовного кодекса, при обсуждении вопроса о мере социальной защиты вы неизбежно должны будете, товарищи судьи, встать перед другим вопросом, перед тем, с кем вы имеете дело, перед особенностями психологии обвиняемого Торнтона, неизбежно вызывающими необходимость иного к нему отношения, нежели к нашему государственному служащему.

В самом деле, вот товарищ прокурор, товарищ Вышинский, вчера нам сообщил чрезвычайно интересные сведения об английских законах о шпионаже, но ведь эти сведения касаются «запретных» мест, как там сказано. Они касаются государственных тайн, а то, что у нас здесь в нашей стране, в стране планового хозяйства, в стране государственной торговли называется экономическим шпионажем, в капиталистическом мире с его анархией производства, доминирующей частной торговлей и доминирующей частной собственностью является повседневным бытовым, совершенно обычным явлением конкурентной борьбы внутрикапиталистического хозяйства. Там каждая фирма, каждое коммерческое предприятие стремится узнать секреты другой фирмы и своего заказчика, и своего компаньона, и своего конкурента, и противника, и печально, что обвиняемые перенесли сюда в нашу страну планового хозяйства методы капиталистического мира и изучали нашу промышленность совершенно бесспорно не только как своего заказчика, но и как своего бесспорного в недалеком будущем конкурента на мировом рынке.

И вот с этой точки зрения, с точки зрения разницы психологии, с точки зрения разницы государственных систем, воспитывающих эту психологию, когда вы будете разрешать вопрос о мере социальной защиты для него, вы учтете моменты, которые я сейчас имел честь доложить.

Остается вопрос о взятке, о подкупе. Товарищ прокурор там здесь также прочел законы о взяточничестве в Англии. Интересные законы, но ведь они касаются государственных чиновников, а ведь мы имеем опять-таки дело с представителями капиталистической фирмы, и нужно прямо сказать, что в капиталистическом хозяйстве хозяин сквозь пальцы смотрит на то, что его служащий берет деньги от контрагента заказчика, компаньона и т. д. Беда в том, что обвиняемые перенесли эти методы капиталистического хозяйства в нашу страну, где государственное и плановое хозяйство, и рассматривают нашего заказчика — государство — как частника. В этом — глубочайшая их ошибка и несчастье, но психологически можно этим объяснить такой легкий подход к нашим государственным служащим. Там у них это законный куртаж, у нас — это тяжкое уголовное преступление. И вот здесь, с этой точки зрения разницы в психологии, разницы государственных систем, вы учтете этот момент.

Я должен, коснувшись отдельных моментов, остановиться и на взятке. Для меня вопрос о Долгове разрешается несколько в другой плоскости, чем это интерпретируется здесь обвиняемыми. Дал ли он деньги Долгову в долг без отдачи или иначе, но дача государственным служащим денег вообще есть преступление. Но учитывая психологические моменты, предшествовавшие даче этих денег, вы должны будете признать, что он в этом смысле мог заблуждаться. Но давал ли он взятку или это был подкуп за вредительство? Здесь я должен был бы вернуться ко всем тем соображениям, которые здесь были высказаны. Я здесь расхожусь с заявлением подсудимого Торнтона, потому что считаю, что собирание информации должно оплачиваться, даром никто заниматься собиранием информации об экономических и политических сведениях не будет. Но уличенные в экономическом шпионаже и во вредительстве, не могут ли они, я ставлю этот вопрос перед судом, попытаться смягчить свою вину,—уличенные и в экономическом шпионаже и во вредительстве, они деньги, полученные за информации, переключают быть может в подкуп за вредительство все в тех же целях.

Все эти моменты при рассмотрении вопроса о Торнтоне я просил бы товарищей судей учесть.

Председатель. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Долматовский.

Долматовский. Товарищи судьи, я защищаю Грегори и Нордволла. О Грегори мне не придется говорить много, поскольку материалы, которые были суду предъявлены, оказались недостаточными, по мнению прокурора, для того, чтобы его признать виновным.

Я думаю, что мне незачем по этому поводу говорить. Единственная просьба у меня, это спросить—нужно ли, чтобы ему, Грегори, переводили те немногие слова, которые здесь будут произнесены, чтобы не было потом недоразумений из-за такой пустяковой причины. Я с Грегори это согласовал. Он знает, что говорилось вчера о нем, что буду говорить я, и считая себя вполне удовлетворенным, он не пуждается в переводе, но я просил бы через переводчика передать ему мои слова.

Председатель. Хорошо. Подсудимый Грегори, желаете ли вы, чтобы вам по фразам переводили речь защитника в части, касающейся вас, или вы можете ограничиться последующим переводом уже по стенограмме? (Переводчик переводит).

Грегори (перевод). Я буду пользоваться переводом после, по стенограмме.

Долматовский. Гораздо сложнее моя задача в отношении подсудимого Нордволла. Подсудимый Нордволл уличается здесь целым рядом лиц. В частности наиболее существенные показания и те обстоятельства, в связи с которыми эти показания даны, подсудимых Лобанова, Олейника, и затем Торнтона.

Мне придется разобрать эти показания в отдельности. Но до того, как я перейду к подробному анализу всех тех улик, которые имеются здесь в отношении Нордволла, я должен вспомнить то, что говорил представитель государственного обвинения относительно этих двух обвиняемых—Лобанова и Олейника. Он для них нашел слова такие резкие, которых он не нашел для других обвиняемых. Он назвал их мразью, отбросами, он говорил о Лобанове, что это морально разложившийся

тип. Напрасно защитник Лобанова понял эти слова представителя государственного обвинения так, что он будто бы говорил о нем как о человеке, политически неустойчивом. Политически неустойчивый и морально разложившийся, это нечто весьма разное. Он говорил именно поэтому так о них и в своей общей части и когда конкретизировал обвинение каждого в отдельности, что он ставил под сомнение вообще возможность верить чему бы то ни было, что говорят они. Он в общей части назвал их вредителями по природе. Характеризуя их таким образом, он сказал, что они при всяких обстоятельствах будут продолжать свое вредительство, то есть он допускал, что они и здесь в суде будут продолжать свое вредительство, свое пакостничество, ибо они вредили по природе. В связи с этим я думаю, что нельзя не остановиться на такой мысли. Если сделать на некоторое время предположение, что Нордволл не виновен, не участвовал в организации, которая ставила перед собой задачи таких тяжких преступлений, если предположить и вспомнить, что он одновременно являлся иностранным специалистом, который проявил себя в особо желательном смысле у нас в Советском союзе, то тогда это их вредительство, пакостничество по отношению к Нордволлу может стать понятным, если он действительно таков, каким его изображают доказательства, которые представлены мной суду. Если правильно отношение к нему в Макеевке, когда его избрали в президиум на торжественном заседании, когда представили наркому тяжелой промышленности, когда он произнес речь в качестве члена президиума, когда получил премию в 1 000 рублей, когда о нем писали не только в местных газетах, но и в столичных,—я представил номер газеты «За индустриализацию», в которой речь идет о его работе, где сказано, что образцы ударной работы дал Нордволл,—если мы сделаем, повторяю, предположение, пока временно, о том, что он не виноват с одной стороны, а будем помнить, что эти лица, которые его оговорили таковы, что они продолжают и теперь пакостничать, то тогда станет понятным, почему они ведут себя так по отношению к Нордволлу, почему так обличают и характеризуют его. Олейник здесь себя достаточно показал и характерно, что представитель государственного обвинения даже не счел нужным его легковесную в смысле обвинения другую фигуру положить на чашу весов, когда взвешивал улики против Нордволла. Он об Олейнике не думал. Но я думаю, что если не следует упомянуть об Олейнике, как о лице, уличающем Нордволла, то кое-что из его показаний придется принять в пользу Нордволла.

Олейник характеризовал Нордволла как человека почти большевика, который может пойти в РКИ пожаловаться, как человека, который сочувствует советской власти, как человека, который ему крайне несимпатичен. Почему он мог быть несимпатичен, он вынужден был рассказать. Потому, что там в Макеевке, где протекал последний период его деятельности, Нордволл пользовался большим уважением, большим признанием за большую работу, которую там проводил. Эти моменты говорят в пользу Нордволла, а никак не против него. Олейника предупреждали другие, что Нордволл в этом смысле для него опасный человек. Если он для него являлся опасным человеком, то вследствие именно этого мы должны сказать, что он не должен быть признан опасным.

Олейник—величина малая, гораздо сложнее фигура Лобанова. Но это не значит, что Лобанову на суде можно верить. Нужно взять из его показаний то, что известным образом вяжется с фактами. Во всяком случае о Лобанове придется говорить более подробно. Я скажу почему, мне кажется, Лобанову в отношении Нордволла верить нельзя.

Прежде чем перейти к более мелким моментам, я остановлюсь на том вопросе, который так много занял в речи представителя государственного обвинения, когда он обвинял Нордволла. Речь идет о шубе, которую Нордволл передал Лобанову. Здесь представитель государственного обвинения, говорил, что Нордволл запутался, допустил четыре ошибки, которые его изобличают. Какие это ошибки?

Первая ошибка. Он сказал, что не 500 рублей, как впоследствии говорил, а 400 рублей он получил от Лобанова за эту шубу. Я все-таки не могу понять, в чем здесь может быть большая улика против Нордволла, почему если он сказал однажды 400 рублей, а потом 500 рублей,—почему можно сделать вывод, что он говорил неправду. Он, во-первых, сказал в своих показаниях: «Кажется 400 рублей». Было это свыше года тому назад, потом, когда он стал вспоминать, проверять, он сказал 500 рублей. Если бы он хотел говорить неправду, то проще было бы назвать одну сумму и продолжать ее утверждать. Но если человек начинает что-то вспоминать, путать, то скорее эта путаница может объясниться тем, что протекло известное время, и он не помнит факта, а вовсе не тем, что он пытается что-то скрыть. Вот почему я не вижу, почему ему нужно было говорить вместо 500 рублей 400 рублей, добавить «кажется» и в чем та улика, которая будто бы его изобличает.

Другая улика против Нордволла заключается в том, что он сказал, что он не считал денег, которые ему передал Лобанов. В протоколе не записано то, что он это говорил, очевидно этому не придали значения, и очевидно это было принято как такое положение, которое не может служить к его изобличению. Если бы теперь, после того, что открылось здесь на суде, он вынужден был бы иметь дело с Лобановым, он бы конечно ему не поверил, но тогда он, возможно, не счел нужным пересчитать деньги, потому что он ему доверял, и просто положил их в свой карман, а затем уже дома быть может их проверил. Я не вижу в этом серьезного обвинения, которое могло бы служить в качестве улики против Нордволла.

Сложнее вопрос о том, как произошел перевод этих денег. Опять-таки и здесь Нордволл сказал, что он не помнит, как произошло это дело. Посмотрим, изобличает ли это его? Он вначале сказал, что он нуждался в деньгах, и поэтому Тейлор должен был вместо них получить деньги с его текущего счета. Сначала он сказал, что в конторе «Метро-Виккерс», но потом, когда проверили, оказалось, что по книгам это не было проведено,—он вспомнил, что повидимому деньги были переведены через банк в Лондоне. Это видно из его показаний от 28 марта, в которых он говорит, что у него есть сбережения в английском банке в сумме около 300 фунтов стерлингов. Потом он вспоминает, что деньги были переведены через банк. На листе дела 253 имеется телеграмма из банка через наши органы НКВД, пересланная сюда. Я опять-таки не понимаю, в чем здесь состоит обвинение, которое могло бы возбудить подозрение. Если вникнуть в это дело, то можно притти

к совершенно другому заключению—ничего тут нет такого, в чем можно было бы обвинить Нордволла кроме запямятования. Опять-таки скажу, если бы он хотел просто лгать, то зачем ему нужно было бы путать. Он просто сказал бы: 500 рублей получил, передал Тейлору, Тейлора здесь нет и все концы в воду. А между тем он подробно рассказывает, как это было и это вовсе не вяжется с тем, что было раньше, в частности с тем, что у него были сбережения около 300 фунтов в английском банке. И мы получаем телеграмму, подтверждающую, что соответствующая сумма в соответствующее время его матерью была передана в Лондоне Тейлору—сумма в 51 фунт, что соответствует приблизительно 500 рублям. Я думаю таким образом, что и здесь нет ничего такого, о чем можно было бы сказать, что это уличает Нордволла.

Но здесь представитель государственного обвинения отметил еще один момент как раз в связи с инцидентом с шубой. Он говорит: почему там нужен был Нордволл как переводчик, если там на месте был переводчик Воронин, при чем же тут Нордволл? Во-первых, мы не знаем, был ли в тот момент вечером, когда нужно было разговаривать с Лобановым, переводчик, а во-вторых, если даже и так, что особенного в том, что Тейлор попросил своего компатриота поговорить с Лобановым о передаче шубы, тем более, что Нордволл просил Тейлора оставить ему деньги здесь с тем, чтобы Тейлор в конторе в Лондоне получил эти деньги. Я думаю, что и здесь нет решительно ничего такого, что можно было бы поставить в вину Нордволлу.

Конечно недоразумений он сам нагромоздил довольно много. Все это нужно было проверить. Но если все это тщательно взвесить, то нельзя это ставить в вину Нордволлу.

Остается большой и серьезный вопрос: что же говорил Лобанов, главный уличающий Нордволла обвиняемый, и можно ли верить тому, что говорил Лобанов.

Лобанов говорил, что он здесь встречался часто с Нордволлом. Я думаю, что после судебного следствия должно быть ясно, что скорее Нордволл говорил правду, когда утверждал, что они встречались не часто. Лобанов говорил, что встречался с Нордволлом несколько раз в месяц на производстве или же в поезде. Несколько раз в месяц—это три-четыре раза, что не отрицал и Лобанов. А между тем оказывается, что они были вместе на производстве не 6 мес., как первоначально утверждал Лобанов, а всего лишь 2 месяца. И действительно Нордволл был на Ивгрэсе только первые два месяца своей работы в Союзе—сентябрь и октябрь, с конца сентября до середины ноября. Приблизительно так. Итак, только два месяца, следовательно здесь они могли встретиться 6, ну 8 раз, если верить Лобанову, а вовсе не так много, как он об этом говорил.

Наконец надо же иметь в виду, что это были первые месяцы работы Нордволла в Союзе. Разве он мог так хорошо говорить по-русски в это время, чтобы подробно объясняться и договариваться с Лобановым, если конечно у них не было другой связи вроде пирушек и так далее. А мы видим дальше, что как раз Нордволл в этих пирушках никакого участия не принимал. Следовательно и здесь можно верить ему. Следовательно и здесь нужно подвергнуть сомнению показания Лобанова,

который утверждает, что они так подробно, обстоятельно разговаривали, так что могли договориться о тяжком преступлении.

Больше того. Он утверждает, что в феврале месяце, то есть, когда Нордволл был здесь 4, 4½ месяца, он будто бы употребил такое выражение: «Ну давайте теперь от слов переходить к делу». Опять-таки если бы он сам от себя выразил эту мысль Нордволла, то это бы куда ни шло. Но он, Лобанов, здесь, на судебном следствии категорически заявил: «так и было сказано». Я думаю, что и эта характерная черточка, правда незначительная, но все же свидетельствует о том, что верить Лобанову абсолютно ни в чем нельзя.

И наконец дальше самый разговор их. Представитель государственного обвинения и защитник Лобанова говорили, что будто бы в этих разговорах Нордволл высказывал антисоветские суждения. Нордволл этого не подтверждает. Наоборот, он отрицает это и говорит, что высказывал противоположного характера суждения, причем интересно, что Лобанов на судебном следствии также вынужден был признать (правда он очень пренебрежительно говорил об этом): «да, он что-то такое говорил по поводу того, что надо исполнять долг службы». И здесь он, правда, очень осторожно, уклончиво говорил о каких-то возражениях в этом разговоре со стороны Нордволла. Значит опять-таки надо скорее поверить Нордволлу, который говорит, что он не высказывал антисоветских суждений, возражал на суждения антисоветского характера Лобанова. Представитель государственного обвинения указывал, что если Нордволл был почти большевик, то почему же он так легко отнесся к этим антисоветским суждениям, почему не сделал того вывода, который должен был сделать этот уже почти большевик. Но надо иметь в виду, что встречи их в Иванове были в первые месяцы работы Нордволла, а затем надо все-таки точно знать, в какой форме, насколько в резкой форме выражал свои антисоветские суждения Лобанов. Если они были только в такой форме, что он недоволен отношением к инженерно-техническому персоналу, что ему тяжело живется и тому подобное, то тогда, разумеется, не было оснований для того, чтобы идти и об этом сообщать,—это были обыкновенные разговоры, которые часто ведутся, которые не влекут за собой такого положения, чтобы идти об этом сообщать. Так что и это соображение не является правильным, таким, которое надо было бы положить на чашу весов, на которой лежит тот груз, который обвиняет Нордволла.

Но если мы возьмем еще другие объективные факты, то здесь увидим, что Лобанов постоянно и везде говорит неправду. Его защитник говорил, что 24 марта он заявил, что чистосердечно сознался и все показал. Стоит проверить том Лобанова, чтобы убедиться в том, что он ни на одном показании не говорит чистосердечно, а постоянно неправду.

Возьмем показания его и Лебедева. Товарищ Вышинский, мне кажется, совершенно правильно, характеризуя Лобанова и Лебедева, сказал, что Лебедев с моральной точки зрения гораздо более положительный тип, чем Лобанов. А между ними существуют до настоящего момента противоречия в их показаниях и как раз в том, что очень характерно вообще и для Лебедева в частности,—как распределяли деньги. Лобанов говорил, что дал два раза по 500 рублей, а здесь заявил, что дал сразу 1 000 рублей, «чтобы он почувствовал». Лебедев, которому надо

больше верить, утверждает, что получил только 250 рублей и то 30 рублей взяли обратно займы и назад не возвратили. Кому же больше надо верить в данном случае—Лобанову или Лебедеву? Конечно Лебедеву. Поэтому и в остальном я считаю, что нельзя полагаться на слова Лобанова, даже тогда, когда он говорит, что получал деньги, потому что какой может быть интерес, говорить, что именно данное лицо передавало деньги, а не другое. Это такой вопрос, который разгадать нельзя, потому что Лобанов человек, способный на все. Совершенно правильно отметил представитель государственного обвинения, что это морально разложившийся человек, и ему ни в чем верить нельзя.

Ну конечно меньше всего и смешно говорить о том, что Лобанова надо было развращать. Посмотрите показания Угрюмова, как он рассматривает его: это постоянный дезорганизатор производства. Да и вся фигура его говорит о том, что ему извне толчка не нужно, что он сам способен на все, а между тем выходит так, что Нордволл его соблазнил, и без Нордволла он может быть не пошел бы по этому ужасному пути. Наоборот, Лобанов, когда его на судебном следствии спросил его же защитник, не было ли у него с Нордволлом разговора о том, не следует ли прекратить вашу преступную деятельность, то он презрительно и пренебрежительно в отношении Нордволла сказал: «Я бы об этом его спрашивать не стал и без него обошелся бы, если бы нужно было». Почему же, когда нужно было кончать, он обошелся бы без Нордволла, а когда нужно было начинать, ему надо было получить толчок от Нордволла. Вряд ли и эти соображения могут говорить против Нордволла, а наоборот нужно иметь в виду, что не Нордволл мог быть инициатором в данном деле.

Затем еще одна характерная черта. Лобанов говорил сначала на очной ставке с Лебедевым и в своих показаниях, что он не участвовал в вечеринках, которые устраивал Эллиот в Иванове. Между тем характерно, что Нордволл не принимает участия в этих вечеринках. Спрашивается почему: если своя компания, один другого все равно встречают постоянно, почему Эллиот встречается и почему Нордволл не встречается? Скорее это надо объяснить тем, что Нордволлу были по-настоящему чужды те люди, которые на этих вечеринках участвовали. Скорее надо предполагать, что он интересовался другим—своей работой, своей семейной жизнью. Он, как известно, женился на советской гражданке, сотруднице Огиза, и эти интересы повидимому его занимали больше, чем всякие вечеринки с Лебедевым, Лобановым, где производились кутежи. Почему бы ему вообще не встречаться с Лобановым. Нет никаких оснований думать, что он не мог бы встречаться с ним помимо производства. Поэтому я думаю, что все то, что говорит Лобанов в отношении Нордволла, должно быть гораздо больше подвергнуто сомнению, чем все то, что утверждает здесь Нордволл, и я думаю, что скорее неправду говорит Лобанов, чем Нордволл.

Затем остается одна серьезная улика против Нордволла—это, во-первых, сетка Торнтона и его показания относительно Нордволла, в частности о 112 рублях и вообще все его показания о Нордволле. Но если опять-таки заняться тщательно этими показаниями, то необходимо притти к выводу, что ничего не приходится вменить Нордволлу. Во-первых, 112 рублей эти разъяснились здесь на судебном

следствии в том смысле, что там, на Макеевке, где Нордволл руководил оборудованием первого советского блюминга, там ему пришлось произвести расход. Торнтон говорил о 112 рублях, а Нордволл говорит: 120 рублей. Но между прочим повидимому об этих деньгах упоминает и Олейник, когда говорит, что Нордволл подкупал-де рабочих. Правда, ни Специальное присутствие, ни прокуратура не стали даже вникать в эти слова Олейника, потому что они видели, что ему повидимому нет оснований вообще доверять, но очевидно это тот самый «подкуп» рабочих, то есть плата за какие-то расходы, которые должна была произвести фирма, о которых в показании от 12 марта 1933 года Торнтон говорит, что эти деньги поставил в кредит Нордволлу, то есть Нордволл представил счет, и он был оплачен.

Так вот, что же показывает в сущности говоря Торнтон относительно шпионской деятельности Нордволла? Он говорит так: «Нордволл—Иваново и Томский завод». Главные этапы деятельности Нордволла протекали, с одной стороны, в Иванове, но не на Ивгрэсе, а на Шуйской и 1-й подстанции, откуда дано и то свидетельство, которое я представил, которое сделано одним из его товарищей по работе—ответственным лицом, и затем большая часть его работы протекала еще в Макеевке. А кроме того были более мелкие периоды—отпуск, Минск, Кузнецкстрой, Балахна и другие, но основные этапы его работы это Иваново и Макеевка. Так вот значит Торнтон говорит: Иваново и Томский завод. «Этот человек был в Иванове на монтаже подстанционного выключателя, а затем ведал монтажом на Томском заводе. Нордволл обучился говорить очень быстро по-русски, пока жил в Иванове. Он являлся для меня новым человеком и как будто не давал мне никакой информации, когда был в Иванове»... Он говорит об информации в Макеевке, а в Иванове, он говорит, что как будто бы совсем не давал информации, когда он там был.

Конечно можно сделать предположение, что Торнтон говорит так потому, что ему нужно скрыть преступную работу Нордволла в Иванове, но ни из чего не видно, чтобы что-нибудь Торнтону в данном случае нужно было скрывать.

Так вот он говорит, что он является для него новым человеком,

И дальше: «На Томском заводе, когда я посетил его в этом году, он дал мне следующую шпионскую информацию. Он удостоверил, справившись, не знаю у кого, что «Метро-Виккерс» конечно получил заказ на привод для сортового стана и другое оборудование. Он дал мне также общую (шпионскую) информацию об условиях жизни рабочих и так далее в Макеевке».

И дальше: «У нас были некоторые затруднения с индукционными моторами. Он исправил это дело и послал отчет на 112 рублей, причем я эту сумму провел и отнес за его счет».

Что говорит дальше Торнтон о Нордволле?

«Нордволл был и есть по-моему сочувствующим правительству в этой стране. Он один раз сказал свое мнение о Красной армии, я не помню что, но его мнение совпадает с моим».

Если говорят, что он сочувствующий советскому правительству, то он мог сказать что-нибудь лестное, а то, что добавляет Торнтон, это дела не касается.

Затем: «Нордволл был лишь короткое время в Кузнецке с Макдональдом. Нордволл считает советское правительство прочным».

Вот что говорит о Нордволле Торнтон. Я думаю, что эти показания опять-таки должны послужить в пользу Нордволла, а не наоборот.

Характерно и то, что Олейник, предупрежденный Торнтоном, говорит, что нужно опасаться Нордволла, который является им чуждым, который является почти большевиком. Это конечно, нужно поставить в плюс Нордволлу и считать, что это характеризует его не как вредителя, а что скорее требуется, чтобы к нему отнеслись с доверием.

Затем интересно то, что ряд лиц, которые дают показания о других лицах, о том что они являются участниками диверсионной и вредительской работы, Макдональд, Угрюмов; которые дают показания по группе в Иванове, не упоминают Нордволла; даже Лебедев не упоминает иногда Нордволла, когда он перечисляет участников группы Иванова; он называет себя, Лобанова, Эллиота, а Нордволла не называет и если говорит о Нордволле, то только со слов Лобанова.

В заключение характерно, что Лебедев показывает, что Нордволл его не замечал и говорит об этом с некоторой обидой. Спрашивается, если они были участниками одной группы, если они работали в одном месте,—во всяком случае он два месяца работал на Ивгрэсе,—почему бы Нордволл не замечал Лебедева. Лебедев, которому можно больше верить, говорит, что Нордволл с ним дела не имел. Больше того, если бы Нордволл участвовал в группе, он бы вошел с Лебедевым в общение, потому что не замечать его никаких оснований и побуждений не было.

Таким образом я и думаю, что все обвинения, которые здесь Нордволлу были предъявлены, конечно обвинения серьезные, имеющие за собой известные данные, они все-таки при той проверке, которой они подвергались здесь на судебном следствии, должны быть отвергнуты и я думаю, что если Олейник считает его для себя опасным человеком, то его нам для себя считать опасным не приходится. Если Лобанов относится к нему с презрением, считает, что Нордволл для него нечто ниже стоящее, то я думаю, что его нужно поставить в иную плоскость, чем та, на которой стоит Лобанов.

Я прошу суд оправдать Нордволла.

Председатель. Слово имеет член Московской коллегии защитников товарищ Лидов.

Лидов. Защита Кушни—это спор об уликах и серьезный спор о силе и значении представленных прокурором доказательств.

В таком процессе, как этот, это и трудный и ответственный вопрос. Трудность защиты заключается в том, что обвинение по отношению Кушни прямолинейно и просто; я бы сказал, оно необычайно просто—оно зиждется на трех коротких утверждениях прокурора: если упомянуто о Кушни в сетке Торнтон, значит он разведчик. Если есть показания Емельянова в одном из томов о том, что Кушни говорил во время пребывания в Баку, что следует портить машины, значит он диверсионные акты совершает. Если были разговоры на вечеринках у Медведева и других лиц, значит он собирает шпионские сведения. Попробуйте опровергнуть эти обвинения. Ответственность защиты заключается в том, что сам Кушни отвергал и категорически отвергает

свою виновность. Это обязывает и вас как судей и меня как защитника постараться проверить те основные положения, которые прокурор в этой категорической и простой форме предложил на ваше разрешение. Проверить их можно только путем серьезного анализа, после серьезной оценки этих доказательств по существу.

Основное обвинение Кушни—это совершение диверсионного акта в Баку в 1928 году. Я уже не говорю про отдаленность этого момента—это имело место 5 лет тому назад и мы должны теперь в 1933 году разбирать этот случай. Что мы знаем об этом случае? Если обратиться к источнику—к показаниям Олейника, данным здесь на суде, который не расположен к Кушни, который не хочет благоприятствовать Кушни, то мы увидим, что он рассказывает следующее: «Случай произошел так: сменились кочегары, вместо опытных кочегаров в одну из смен попали неопытные, попали самостоятельно, без ведома заведующего. Кочегары отношения к Кушни не имели, в его подчинении не состояли, он ими не распоряжался. Кочегары перекачали воду в большем объеме, чем это нужно, вода попала в турбину и произошла остановка».

Вот показания Олейника. Этот скудный материал не дает нам основания определенно говорить о том, что имело место в Баку в 1928 году. Ни расследования этого случая, которое несомненно было, ни судебного дела, которое, как утверждает Кушни, было возбуждено против кочегаров очевидно за халатность, а может быть против лиц, которые недосмотрели эту смену,—перед нами нет. Можно верить, можно не верить тому или другому утверждению, но мы лишены возможности сделать самое главное и существенное, что требуется от вас и в чем заключается ваша судейская работа—это проверить это положение, проверить этот факт, оценить и взвесить при тех или иных доказательствах совокупность сведений, которыми мы могли бы располагать.

Чем подкрепляет мой уважаемый противник выводы о виновности Кушни во время его работы в Баку? Он здесь перед вами ссылается на показания Емельянова. Емельянов говорит: такое показание имеется, допрошенный теперь в 1933 году, вызванный из Баку, он говорит: «Кушни мне говорил о необходимости вообще портить машины». Коротких две строчки. Когда, при каких условиях, почему, какое слесарь Емельянов имел отношение к этим сложным установкам, имел ли он доступ туда, просили ли его самого или через кого-нибудь другого—в этих двух строчках об этом ни слова не говорится. Показание дается в 1933 году. Обычно во всех тех случаях, которые перед нами проходили по отношению к другим обвиняемым, мы всегда имели налицо подтверждение, не только косвенное, но и прямое обвинение в том или ином вредительстве. Мы не имеем ни одного бескорыстного случая вредительства, которое бы человек совершал в силу того, что он сам этого желал. Всегда платятся деньги и всегда человек получает поощрение.

По отношению к данному случаю может ли быть поставлен вопрос о подкупе. Я думаю, что я имею право утверждать—не может быть.

Что говорит тот же Емельянов о денежных отношениях? «Я иногда, как и другие работники, занимал и получал мелкие суммы от Кушни. Иногда я их возвращал, кажется 40 рублей не отдал». Вот все, что сам Емельянов утверждает, «кажется 40 рублей не отдал».

Возможно ли допустить такое положение, что совершенно не раз-

вращенный, не настроенный антисоветски, не контрреволюционер, русский рабочий куплен за 40 рублей, данных ему под видом заимообразной ссуды. Можно ли при этих условиях считать, что это является доказательством? Можно ли считать при этих условиях с точки зрения судебных доказательств, что показания Емельянова в этой части являются достоверным судебным доказательством?

Я думаю, что по существу надо быть или совершенно безумным, или во всяком случае глупым человеком, чтобы при этих условиях решиться на такой слишком упрощенный и простой способ действия, а во всяком случае по отношению к Кушни поставить вопрос, что это глупый человек—мы не имеем права. Мы не имеем права говорить, что Кушни не знает, что он делает. Так ставить вопрос, это значит признать, что Кушни отдает себя целиком в руки Емельянова. Если он честный человек, он, взявши, пойдет донесет и не донести не может. Если он бесчестный человек—это значит отдать себя ему в руки и стать не хозяином положения, а стать в полную зависимость от него, он будет шантажировать, вымогать и т. д.

Разве этот случай похож на те сложные отношения, которые мы имеем в отношении других обвиняемых? Я думаю, что, оставаясь в пределах проверки судебного материала, можно и должно поставить вопрос о том, что это показание Емельянова по его категоричности недостаточно, недостаточно в смысле подробностей мотивированной обстановки самого случая, недостаточно по его слишком большой краткости, по неопределенности, по невозможности чем-нибудь иным подкрепить и проверить и таким образом не может быть принято вами за судебное доказательство вины в тягчайшем серьезнейшем государственном преступлении.

Я уже указал, что во всех остальных случаях мы всегда имеем дело с проверкой того или иного случая через показания или через допросы того или иного обвиняемого, который по этому случаю был привлечен к делу.

Возьмите обвинение Макдональда. Непрерывно имеется проверяющий его материал в лице например Гусева. Возьмите обвиняемого Торнтон. Торнтон имеет показания в лице других обвиняемых. По отношению к Емельянову я смею утверждать, что по делу не имеется никаких сведений о том, чтобы он был как участник заподозрен. Он к делу до 1933 года не привлечен. Он как работал при Кушни, так и работает в Баку. О нем за все это время нет никаких порочащих сведений. Приходится ставить вопрос прямо и просто: Емельянов обыкновенный простой русский рабочий, которого, допустим, Кушни хочет использовать в скверных целях. И он за незначительную сумму предлагает ему вредительство в самой яркой, в самой вредной форме. Вероятно ли это? Я думаю, что этот вопрос я имею право поставить перед вами как вопрос, требующий разрешения отрицательного.

Но чтобы проверить вообще, можно ли останавливаться на этом моменте с точки зрения взаимоотношений Кушни по службе, мне кажется важным остановиться и посмотреть вообще на его жизнь в Баку. Прокурор правильно поставил вопрос с точки зрения обвинителя по этому делу, относящегося или имеющего право относиться чрезвычайно подозрительно и осторожно к каждому действию обвиняемого, что Кушни

поддерживает отношения с рядом лиц, что Кушни бывал у Емельянова и у других лиц в гостях, что Кушни бывал в ресторанах. Кушни, как говорит прокурор, завязывал эти отношения для того, чтобы получать сведения. Но получал ли он эти сведения для шпионажа? Вот в чем вопрос. Получал ли он эти сведения и завязывал ли он эти отношения для того, чтобы иметь возможность получать материал определенно преступного характера?

Позвольте обратить ваше внимание на тот скудный материал, который лежит в этой тощей папке, которая называется делом Кушни. И посмотрите соображения, которые привел по этому поводу мой уважаемый противник.

Прокурор говорит: он посещал Медведева. Посещал. У Медведева жена, которая говорит по-английски, и может быть здесь можно найти известные нити, которые указывают на какие-либо отношения. Может быть? Возможно. А возможно другое? Возможно. Может быть он посещал Медведева просто потому, что у него жена, которая говорит по-английски, и ему как англичанину просто приятно было поговорить на родном языке? А может быть он посещал Медведева потому, что его жена интересная собеседница, и ему просто приятно было с ней поговорить, человек он еще молодой (смех)? Тоже может быть?

Я понимаю, когда посещения Медведева берутся под сомнение для того, чтобы приступить к проверке. Доказано вообще что-нибудь скверное в отношении его знакомств, о которых он здесь сам говорил и о которых мы имеем сведения в деле? Нет. Он был два раза на вечеринке у Емельянова, Бочкарева и был в ресторане. Прокурор говорит, «что он бывал» на вечеринках и в ресторанах. Давайте допустим, что он бывал не один раз. Ну что же—это контрреволюционное сборище? Мы имеем хоть один материал...

Председатель. В деле есть указания, что Емельянов арестован по данному делу.

Лидов. Совершенно правильно—сейчас в 1933 году после показания и в связи с показаниями, которые он сам дал. Я говорю про материалы, которые касаются 1928 года. Я об этом два слова потом скажу. Я не хочу абсолютно ни одно обстоятельство в этом деле обойти молчанием и дать перед вами картину, исключительно благоприятную для Кушни. Именно на основании этого факта я и утверждаю. Емельянов после того, как дал эти показания, арестован. А кто назвал Емельянова, Бочкарева, кто сказал про Медведева? Поистине мы имеем совершенно непреложный документ. Разве Кушни отрицал эти факты? В протоколе от 13 марта Кушни прямо утверждает: я бывал у Емельянова, у Бочкарева, у Медведева. Это то, о чем я говорил. Теперь конечно эти факты должны быть проверены. Емельянов правильно должен быть заподозрен, Емельянов правильно должен быть привлечен к ответственности. Но каков был сам по себе характер этих собраний? Нельзя же делать вывод, что если Емельянов теперь дал эти показания, то лица, собиравшиеся у него в 1928 году, были определенно такого же подозрительного свойства и характера. Мы опять становимся тут в положение невозможности этот момент проверить.

А возможно допустить совершенно иное, что этот инженер, приехавший сюда на работу, сталкивается по работе с Емельяновым и дру-

гими монтерами и мастерами. Он не имеет, да и не может иметь по свойству своей работы близкого общества специалистов, которых и не так много было в Баку в 1928 году. Может он иногда пойти по их приглашению и может быть зайти в ресторан со своими рабочими для того, чтобы поговорить в частной беседе, поинтересоваться жизнью и бытом русского человека, посмотреть, как он живет, и получить целый ряд сведений? Но можем ли мы утверждать, что в данном случае получались сведения определенно секретного характера, которые даны с определенной целью людьми, специально подобранными, подкупленными или иным образом развращенными? Никакого материала в этом отношении нет.

И позвольте обратить ваше внимание на то, что такого материала не могло бы не быть, как это имеет место по отношению к остальным обвиняемым. Эти факты в той или иной форме обнаружались бы. Если бы остались семена, о которых говорил прокурор, посеянные в 1928 году, то согласитесь, что 5 лет достаточно для того, чтобы их всходы были проверены по Баку. Между тем по Баку мы имеем меньше, чем по другим электростанциям. Кроме этого случая мы никаких упоминаний о каких-либо дальнейших действиях подрывного характера в этом районе не имеем. Поэтому можно опять предполагать, допускать, но считать это установленным по материалам дела мы на основании этих моментов не можем.

Прокурор утверждает, что несомненно если Кушни проводил время иногда с монтерами и слесарями, то он делал это для того, чтобы получить от них сведения. Допустим, я готов встать на точку зрения прокурора, для того, чтобы проверить это утверждение. И вот проверим по показаниям Емельянова, о чем шли там разговоры, ибо это у нас единственный источник, который поможет осветить этот вопрос. Емельянов говорит, и прокурор делает отсюда очень опасный вывод, что Кушни интересовался настроениями и снабжением Красной армии. Отсюда прокурор говорит: вот подтверждения разведывательной шпионской работы. А может быть он интересуется этими настроениями и снабжением Красной армии не для шпионажа, может быть разговор идет в общей форме? Ведь нет указаний о том, какие сведения были даны кем-нибудь из собеседников, или какие сведения он получил, а только интересовался настроениями и снабжением Красной армии. Можно допустить, что в это время он мог интересоваться ими и не для шпионажа. Я думаю опять, что мне не может быть брошен упрек в том, что я хочу неправильно представить перспективу этого дела.

1928 год—начало пятилетки. Брошен смелый вызов перед лицом всего мира: мы в 5 лет постараемся сделать то, что вы делали в течение десятилетий. Англичанин, специалист, представитель мощной, технически образованной страны приглашен нами, учениками, учить нас чему-то, для технической помощи. Он же это знает, он понимает это, он понимает и другое, что этот вызов встречает недоброжелательное отношение, что мы в тот момент стояли, как и теперь, перед угрозой тех или других военных действий для того, чтобы предотвратить развитие СССР. Пусть скептически улыбались и говорили, что это пустяк, но многие и многие там, за рубежом, понимали и серьезно беспокоились. Как вы представляете себе, чтобы любой иностранец не интересовался бы,

а какие же силы у вас для того, чтобы противостоять в этот момент, если какая-нибудь мощная страна, ну, например, Великобритания, считающая себя царицей морей, вздумает на вас обрушиться? С чем вы думаете противостоять натиску? Что у вас есть, что за ваша армия, какова ее мощь? Эти вопросы, которые могут и должны интересовать и шпиона, специального разведчика, но они могут интересовать и любого иностранца, и любого путешественника, и не могут не интересовать. И если Кушни будет говорить, что я этими вопросами не интересовался, то субъективно это правильно, что это специально не входило в его круг интересов, что он не ставил таких задач, но разговор об этом мог и должен был быть.

Разница здесь в другом. Разница, товарищи судьи, заключается в том, чем кто интересуется и как интересуется. Вот этого материала мы в деле не имеем. Ведь шпион интересуется не тем, что вообще представляет армия. Его интересует главным образом, что у армии есть, какое количество вооружения, количество снарядов, то что имеем по всем другим случаям. А человек, который вообще интересуется, интересуется, есть ли у вас чем бороться, есть ли танки, есть ли пулеметы или аэропланы, или вы только люди, которые технически учитесь. И вы помните, мне кажется не нужно вам напоминать, когда недавно в своей речи, перед лицом всего мира товарищ Ворошилов, вспоминая эти годы, говорил, что мы, которые имели в эти годы только разрозненные и отбитые у неприятеля танки, теперь можем говорить так, как люди, имеющие прекрасное вооружение. Это дает право сказать прокурору то, что он сказал вчера Торнтону в своей речи: «А попробуйте, а посмейте...»

Товарищ Смирнов здесь говорил, что люди, приехавшие из Англии, имели совершенно неправильное представление об этой сказочной стране, в которой не то жарят на сковородке всякого несогласно мыслящего, не то представляющейся в виде какого-то гиганта. Он должен был стараться понять, что за настроения у этого народа. Человек мог встречать отдельные и восторженные и недовольные голоса, но в общем и целом первый вопрос должен был быть—«а ваша армия». Конечно такие отзывы, которые при этом получаются, служат и для целей шпионажа, но и для целей правильного осведомления и правительств и представительств других стран, которые решают по-разному вопрос о наших отношениях. Естественно, что Кушни не может от этого уйти, как человек не может уйти от жизни, но разве имеется твердое основание для того, чтобы утверждать, что Кушни собирал определенные секретные, тайные сведения о каких-либо особых подробностях вооружения, системах вооружения, снабжения, количества снарядов и так далее. Кроме общей формы, я повторяю—кроме Емельянова, мы никакого материала в этом деле не имеем. А этих материалов с точки зрения судебных доказательств недостаточно, чтобы обвинить его в военном шпионаже.

Больше того. Я считаю, товарищи судьи, что мы имеем некоторый материал, который обязывает меня как защитника перед вами утверждать, что имеются доказательства, не только не подтверждающие, но опро-

вергающие предположение прокурора по этому вопросу, и материалы в достаточной степени убедительные, ибо они исходят от лиц, по отношению к которым не может быть поставлен вопрос о том, чтобы они чего-то не знали или знали, но не захотели сказать. Сам Кушни категорически отрицал с самых первых слов и до конца свою виновность. Но имеется сетка Торнтон. Там среди других фамилий упоминается и Кушни. Но разве в сетке Кушни назван как военный разведчик? Сетка лежит перед вами, что там сказано? Собирает сведения экономического и политического характера. Я не склонен думать, что он не мог собирать другие сведения, но в этой сетке Кушни не рисуется как человек, занимающийся военным шпионажем. Вот Макдональд—это человек, который дает определенный ключ к расшифровке дела,—так ставит дело обвинительное заключение, так ставит вопрос прокурор. Но Макдональд на суде (на предложенный вопрос прокурору о Кушни сказал: «Я предполагаю, что Кушни участвовал в разведывательной работе». «Предполагаю». Он очень осторожен и скуп на слова.

Что это значит? Это значит, что он точно не может утверждать. А если он не утверждает, тогда естественно нужно проверить, что это за работа, какой ее характер. Мы в этом отношении имеем показание Кутузовой. Когда ей прямо был поставлен вопрос на суде, она прямо говорит: Торнтон и Монкгауз организовали вредительскую работу и были организаторами шпионажа. Если Кушни играет значительную роль, если он работает здесь в конторе, то почему она не называет его? Это не случайно. Кутузова—женщина, как она сама сказала, которая все знает, и от которой скрыть что-нибудь трудно.

Если это так, если такие отношения были, если от нее ничего не скрывали, то ей должно быть это известно. Я хотел бы перед вами поставить вопрос с точки зрения судебных доказательств. Ее показание должно быть учтено? Должно быть.

И когда вы сопоставите это категорическое, именно категорическое утверждение о том, что определенные лица это делали, а о Кушни не имеется таких указаний, за исключением тех указаний, которые даны Емельяновым и относятся к 1928 году, если учесть, что и как указывал сам председательствующий, Емельянов по этому делу привлечен к ответственности,—следовательно, у него есть основание и желание в данном случае по чувству самозащиты побольше про других рассказать, чтобы выгородить себя, а он во всяком случае, зная почему другого и за что привлекают, может сказать только одну общую фразу, занимающую две строчки в его показаниях,—я скажу, что в данном случае, чтобы признать Кушни виновным, судебных доказательств, достаточных и полных, не имеется.

Но есть еще одно и это самое главное. Это то, о чем мой уважаемый противник, при его чрезвычайно внимательном подходе к делу, а в отношении Кушни прокурор был так краток и скуп, все же упустил и не обратил должного внимания... Это не упрек. Мы часто в своей работе пропускаем через собственную оценку и оставляем без достаточных объяснений тот или иной момент. В данном случае это показания Олейника. Олейник на суде утверждал с полной категоричностью: «До 1929 года я работал, как он выразился, и по шпионажу

и по всем этим неприятным скверным делам с Торнтоном». С 1929 года он работал с Монкгаузом. Правильно это или неправильно—не мое дело ценить, во всяком случае это показание, как оно дано, я готов условно принять. Значит, нужно сделать вывод: до 1929 года он работает с Торнтоном. Кушни он знает в 1928 году, ибо работал тогда с ним в Баку. Кушни является своим человеком, «свой парень», как они говорили один про другого,—и вдруг такому человеку ни одного слова не говорят о Кушни. Я понимаю, когда в какой-нибудь сложной системе разведчиков один разведчик не будет говорить про другого, это естественно и понятно. Нужно проверить действия одного человека действиями другого. Здесь другое дело. Здесь все знают друг друга, и во всяком случае такой человек как Кушни, находящийся в центре работы, не мог быть спрятан от Олейника. Ведь Олейник начал раньше работать в фирме, жизнь его, как он сам говорит, была связана с этой фирмой, здесь он научился хорошо владеть английским языком, здесь ему было оказано особое доверие, здесь на него смотрели как на своего человека. Как ему не сказали—поезжай в Баку и свяжись с Кушни. Что-нибудь подобное сказал Олейник? Нет. Он в 1932 году слышит от Торнтон в виде упрека, что он что-то плохо сделал, что надо было бы взять пример с Кушни, который в 1928 году в Баку так хорошо провел дело с этой порчей турбин. Странное показание. Оно просто непонятно. Прежде всего, что это за упрек Олейнику, который правильно про себя говорит: «я, как все делал добросовестно, так добросовестнейшим образом выполнял и всю работу по вредительству и шпионажу». Это он про себя точно говорит. В чем его может упрекать Торнтон, чему учить? И зачем этот разговор в 1932 году, зачем ему ставить в пример Кушни? А вот в 1928 году, когда нужно было об этом сказать, тогда ему не говорили. Чем объясняется этот разговор? Я прошу учесть один момент, который на меня лично произвел большое впечатление. Я не могу из него сделать твердых выводов, но по-моему вы как люди, привыкшие проверять жизненные отношения на суде и в жизни, не можете пройти мимо. Вы помните то недоброжелательство, с которым Олейник говорил о Нордволле? Почувствовалось недоброжелательство старого спеца, каким он считает себя в этом деле, по отношению к сравнительно молодым, позвольте мне употребить слова, которые вытекают из его концепции,—выскачкам. «Эти молодые приходят и хотят меня учить, когда я больше знаю»—вот его мысли. У Олейника есть известное нерасположение к этим молодым приехавшим английским специалистам. Может быть это и понятно.

Он борется за свое существование, за свой авторитет. Это человек, который вероятно прекрасный мастер, и если бы он был только мастером по турбинам и не делал бы другой работы, то он был бы для нас ценным работником. Отсюда может быть понятна некоторая неправильная оценка того же самого Кушни в его словах. Может быть эта фраза, которая неизвестно как точно была сказана Торнтоном, в его сознании преломилась в категорическую опасную форму? Но может ли быть сделан судом вывод о том, что мы имеем налицо категорическое признание Торнтон, сделанное Олейнику, что Кушни в 1928 году совершил этот акт? Этот вывод сделать нельзя.

Вот вывод, который должен быть сделан и из сказанной фразы, и из сетки Торнтона, и из объяснений Кушни. Это вывод о том, что соби- рание сведений экономического и политического характера имело место. Да, но здесь мы подходим к вопросу о том, как расценивать эти дей- ствия, являются ли они и в какой степени наказуемыми.

Я не буду повторять того, что сказал Прокурор Республики о 58 ста- тье со знаком 6 Уголовного кодекса. Там совершенно определено уго- ловный закон трактует не о простом собирании каких бы то ни было сведений, а тех, которые являются государственной тайной, и единствен- ное исключение—это собирание или передача сведений служащими тех или иных учреждений, которые имеют у себя воспрещение по линии административной передавать такие сведения по своей специальности. К Кушни эта часть не относится—он не служащий нашего государствен- ного учреждения. Значит, вопрос должен быть поставлен прямо: соби- рал ли Кушни такие сведения секретного характера, которые подходят под понятие государственной тайны.

Я на этот вопрос затрудняюсь ответить, я этого не знаю—предпо- лагать можно, но чтобы написать в приговоре, что твердо установлено, что Кушни собирал такие сведения, которые подходят под понятие государственной тайны, достаточных данных нет. А если это так, то появляется известное сомнение, можно ли вынести обвинительный при- говор Кушни по статье 58-6? Разве бывают подходы не только к лич- ности людей, но и к оценке их положений? Если бы я защищал русского гражданина, который был бы уличен, что он фигурирует в такой сетке, что он собирал сведения хотя бы незапрещенного политического и эконо- мического свойства для передачи иностранному государству,—тут дол- жен быть один вывод. Я скажу, что этого не только достаточно, но это вполне достаточно для того, чтобы предъявить ему тяжелое обвине- ние и сказать: теперь вы потрудитесь доказать, что это неверно. Это то, что имеет в виду и английский закон, который цитировал товарищ прокурор. Самый факт такого сношения, самый факт передачи сведе- ний да еще денежное вознаграждение заставляют поставить вопрос о социальной опасности деяния. Но другое дело, когда мы подходим к во- просу о таком человеке, как Кушни, который является все же иностран- цем, приехавшим к нам, и который может и должен не только делать свое дело, но не может не интересоваться и окружающим именно в силу значимости и большой значимости явлений, которые происходят вокруг него. Я думаю, что бесплодно отрицал бы это и сам Кушни и его защита. Не только ему, но и всем приехавшим сюда иностранцам вероятно дается поручение сообщать, осведомлять о той жизни, с которой они здесь сталкиваются.

И мы об этом знаем. Читаем дебаты в палате общин по вопросу не теперешнего момента, связанного с этим процессом, которые выходят за пределы изучения того или иного материала, а представляют собой субъективную, весьма оригинальную оценку, а по вопросу о взаимо- отношениях, которые намечаются между разными государствами. Разве мы не слышим там указаний: по отзывам наших специалистов, которые приехали в Россию, замечаются те или иные явления. И странно было бы, если бы то или иное лицо, занимающее ответственную должность

в своем коммерческом учреждении, работающее здесь у нас, не интересовалось бы, как у нас обстоит дело и не осведомляло своих. И правильно говорил здесь Кушни: «Когда я приезжал из любого города, где был на работе, то Торнтон или Монкгауз непременно меня спрашивали, и я им делал доклад». Но можно ли по отношению к такому докладу, к такой информации, к такой беседе поставить вопрос, который мы могли бы поставить к русскому человеку, который вздумал бы делать доклад Торнтону. Я бы тогда молчал, я бы не смел сказать ни одного слова, ибо ты не можешь ходить и делать доклады даже очень почетным иностранцам. Не твое дело разрешать вопрос, что ты за сведения будешь сообщать. Но другое дело, когда это делает Кушни в пределах своих взаимоотношений. Если мы его сюда выписали, мы вправе ему сказать: не посягай на уголовный закон, не смей делать того, что не смеет делать ни один из наших подданных в пределах, прямо запрещенных. Но беседа с Торнтоном о настроении рабочих, это—твое право. Ты не можешь этим не интересоваться.

Представьте себя в положении человека, который приехал в Индию. Разве мы не заинтересовались бы в первую очередь не только чудесными растениями или постройками, но и настроениями рабочих и их отношением к Англии, к колониальному государству Англии. Это вполне понятно. Кушни был бы лгуном, и вы бы не поверили ему, если бы он сказал: я был узким специалистом, работал над турбиной, смотрел, как работают винты, гайки, лопасти, а потом ложился спать. Конечно, нет. Кушни с 1925 года работает в СССР. Он приехал еще молодым человеком. Он уже 8 лет здесь. Не может он уйти от жизни. Это было бы противоестественным. Конечно разговаривал, конечно интересовался. И перед нами, товарищи судьи, чрезвычайно сложная работа. Я понимаю подозрительное отношение обвинения. Оно не может не быть таким. Но я повторяю, что когда передо мной лежат эти все-таки скудные материалы дела, то говорить решительно о возможности осудить человека за то, что он собирал сведения именно определенного секретного порядка, которые представляют государственную тайну,—для этого достаточных материалов не имеется. Иногда можно сделать этот вывод, потому что человек покупает эти сведения, платит за них. По отношению к Кушни в этом случае другое. Он никому ничего не платил. Нельзя же говорить о том, что он давал мелкие суммы рабочим...

Возьмем концепцию обвинения—давал мелкие суммы. Но ставить вопрос так, что непременно были получены секретные сведения,—это можно только предполагать. Думаю, что за 40 рублей, данных Емельянову в долг, едва ли можно было рассчитывать получить государственные тайные сведения.

К тому же, какими сведениями могли располагать Емельянов и другие рабочие? Эти сведения могли быть о быте, о жизни, о том, как они относятся к тому, что им дается, и так далее. Это тоже интересно. Это может быть во вред нам. Но это не те сведения, о которых говорил здесь товарищ Вышинский, которые являются сведениями уголовного порядка.

На предположениях строить приговор нельзя. Это простая и старая аксиома. И нельзя строить этот приговор потому, что предположение—это всегда работа нашей фантазии, остроты нашей нервной и другой

восприимчивости. Один человек сумеет сделать лучше предположения, а другой хуже. У одного предположения ярко сформулированы, у другого нескладно и нелепо.

Закон правильно говорит. В судейской работе, когда дело доходит до подведения итогов, предположению нет места. Только точные выводы из доказательств, проверенных на суде. Этих доказательств, проверенных на суде, точных, которые давали бы непреложный вывод о том, что виновность Кушни установлена по всем этим трем моментам, мы не имеем. И мне кажется, дело не в том, чтобы непременно осудить или не осудить Кушни. Не в этом дело. Это один из эпизодов этого большого процесса. Приговор останется таким же значительным и также будет убедителен независимо от оправдания или осуждения Кушни. Но когда я подхожу к этому вопросу, мне хочется перед вами поставить другой вопрос, по-моему нужно избежать в этом приговоре того, что могло бы подвергнуть сомнению его непреложность и его силу, а когда имеется вопрос о сомнении при судебном следствии, то в этом приговоре обвинительному приговору места быть не должно.

И вот лучше всего доказывает, что здесь дело идет о больших сомнениях, само обвинение по отношению к Кушни в последней части тех соображений, которые представил товарищ Вышинский, когда он обратился к вам вместо фактов дела с оценкой его поведения на предварительном следствии. Вы помните, что сказал товарищ Вышинский: «Вот там на предварительном следствии Кушни отказался отвечать на вопросы, там он показал себя как матерый разведчик, это они не говорят, они скрывают»,—и он противопоставил Кушни Торнтону, который немедленно все рассказал. Правда, вывод из этого неутешительный; потому что Торнтон рассказал и тоже является хотя и скверным, но разведчиком, Кушни не рассказал и является тоже разведчиком.

Но давайте говорить не об этом, а о том, можно ли расценивать это поведение как улику против Кушни, можно ли его брать и предлагать вам в качестве судебного доказательства виновности? Я думаю, что в этом отношении прокурор неправ, и я имею право поставить здесь этот вопрос. Разве Кушни отказался говорить на предварительном следствии. Разве он там не говорил? Возьмите том дела и посмотрите. Он арестован в ночь на 12 марта. 13 марта он дает подробные показания по всем предложенным вопросам. 13 марта Кушни, как я уже говорил, называет целый ряд знакомых в Баку, подробно рассказывает о всем, о чем его спрашивают и чем интересуются. Я полагаю, что опытный разведчик сразу понимает, в чем дело и сразу отказывается говорить, а здесь названы и подтверждены все фамилии, дается возможность проверить, дается возможность идти по этому пути. Все связи, все нити указаны. Я имею право утверждать, что 13 марта Кушни дает показания.

Через 2 дня—15 марта—очная ставка, допрос. Кушни говорит, дает показания, подтверждает одно, отрицает другое. 22 марта Кушни сказал то, что и здесь несколько раз говорил. Мы конечно проверяем только протоколы, и возможно, что были беседы промежуточные, недостаточно конкретного содержания, которые в протокол не заносились, но до 22 марта Кушни продолжает давать объяснения на очной ставке. Он говорит, он сталкивается с Торнтоном, говорит, что показание того

верно в такой-то части, неверно в другой части, отрицает категорически обвинение в военном шпионаже и так далее, рассказывает относительно бесед, как они проходили, какого рода информация давалась. Кушни говорит. И только после этого в тот же день 22 марта при втором допросе, когда его начинают спрашивать: скажите, через кого из русских граждан вы получали эту информацию, эти сведения, когда ставится ряд других вопросов, Кушни говорит: я не желаю отвечать и дальше давать показания.

Давайте остановимся на один момент на этом вопросе. Разве только так можно это объяснить, как делает прокурор. Я думаю, что если этому вопросу придается большое значение, то можно было и следовало спросить Кушни. Я же не могу, как защитник, давать за Кушни показания. Я потом спросил его, но я перед вами не свидетель.

Но если такое значение придавать этому моменту, почему во время судебного следствия не спросить было Кушни, а почему вы не желали давать этих показаний, и вероятно Кушни объяснил бы, я не знаю убедительно или нет,—мы тогда это проверяли бы и оценивали бы. Но когда обвинение проходит мимо этого момента, когда обвинение не придавало этому значения, я должен сказать, что имел право и обвиняемый сам этого вопроса не касаться. А почему можно было ему не придавать значения? Я поставил вопрос перед вами: разве только разведчики имеют право молчать. А разве мы в суде не говорим каждому обвиняемому, что он имеет право не отвечать на любой вопрос, на который не желает отвечать, и разве это служит доказательством виновности? Никогда. Разве следователь, который, как совершенно правильно говорил прокурор, в наших условиях не только обвиняет, но и охраняет интересы и права обвиняемых, разве он не говорит, что если не желаете отвечать, это ваше право. Конечно, это гораздо хуже, потому что вы затрудняете следствие, но вообще можете не отвечать. Разве этого не говорят, и почему это делается? Потому, что положение обвиняемого, закон это понимает, такое тяжелое и сложное, что иногда он конечно имеет право не отвечать на некоторые вопросы, и мне не нужно пускаться в предположения, почему это сделано, ибо я буду здесь голословен и односторонен. Но вы не пройдете мимо одной строчки в показании.

13 марта между прочим Кушни отвечал на один вопрос: среди ваших знакомых был кто-нибудь близок к вам из женщин. Он ответил: да и назвал фамилию. Посмотрите, что дальше происходит. После этого один из свидетелей по этому делу утверждает, что сведения и информацию давала ему женщина, ему близкая. Когда 22 марта ставится вопрос в другом разрезе, Кушни знает, что уже предъявляется обвинение в шпионаже, правильно или неправильно с его точки зрения—это дело другое, он говорит: я отвергаю, я думаю, что не виноват в этом. Но его продолжают обвинять в шпионаже.. Он понимает, что это тяжчайшее преступление. Ему задают специальный вопрос: а кто же давал эти сведения? Он говорит: я не хочу называть этих фамилий. Не называть, а правильнее: я не хочу их повторять. Это существенная разница. Именно не хочу их повторять, ибо они названы уже, но еще раз повторить в этом разрезе ему представляется, что это может создать для них целый ряд неприятностей и тяжелых допросов и распросов.

Это его право, и я не могу сказать, что из этого можно сделать какой-нибудь иной вывод кроме того, что можно предполагать, что у него были серьезные основания не давать показаний. Но здесь на суде разве Кушни хотя бы одним словом обмолвился, что хотел бы кого-нибудь не называть? Разве он не ответил хоть на один вопрос? Он даже поступил немножко бестактно, когда единственный из обвиняемых вскочил с места во время речи прокурора и возразил. Он не молчит здесь, а говорит. Поэтому давайте подойдем к этому вопросу так, как надлежит подойти.

Это его поведение по этому делу в разрезе того момента, когда это было сказано, не дает права сделать вывод ни за, ни против Кушни. Это—момент, который, если ему придавать значение, должен был быть здесь надлежаще выяснен.

Теперь, товарищи судьи, позвольте подвести итоги так, как сделал это и товарищ обвинитель, тому, что мы здесь получили.

Я считаю, что в результате судебного следствия, проведенного перед вами в отношении военного шпионажа, теми фактами, о которых я говорил, не только не подтверждается разведочная работа в специальном смысле слова, которая влечет ответственность именно за шпионаж, но она опровергается показанием Кутузовой.

В отношении подрывной работы мы должны прийти к выводу, что у нас нет достаточных материалов, потому что после 1928 года никаких намеков на какие-нибудь акты или в Баку или в другом месте, к которым бы имел касательство Кушни, мы не имеем.

Я ошибся и должен оговориться—кроме вопроса о лопатках турбин. Правда прокурор в своей речи не ставил это ему в вину в отдельности, но это идет в общем контексте, потому что и у него были турбины, и у него ломались лопатки. Мы имеем бесспорное положение, которое подтверждено экспертизой, что конструкция лопаток неудачная. Следовательно в конструкции машины имеются неудачные детали. Но Кушни здесь только монтирует, только собирает лопатки, я уж не знаю, готовыми они прикрепляются уже в Англии к турбине, или он их здесь насаживает, но он только монтирует, а не делает их. Здесь можно делать разные выводы, можно подозревать, что кто-то, где-то хотел сконструировать такие лопатки, но Кушни здесь отвечает только за себя и за принятие мер, которые он должен принять. А мы по делу знали, что об этом было не только заявлено, но что на основании его сообщений и заявлений, которые он делал и делали государственные учреждения, собирались комиссии, долго длились обсуждения, вырабатывались разные меры, но эти меры выработаны не были. Это обстоятельство само по себе не служит доказательством его виновности в том, что он производил вредительство путем допущения к работе турбин с такими лопатками. Это не вытекает из всех существующих материалов.

Остается—собрание экономических и политических сведений, о которых я говорил. Здесь может быть две точки зрения. Я считаю, что поскольку прокурором не установлена секретность этих сведений, их характер, составляющий государственную тайну, вы должны будете в своем приговоре расценить соображения сторон и дать тот или иной ответ.

Я думаю, что на этом могу закончить свою речь, что я смею ставить

перед вами вопрос, что вы можете сделать вывод о недоказанности его вины, ибо если вообще огромное значение будет иметь приговор по этому делу, то оправдательная часть приговора в отношении Кушни будет звучать не меньше, а гораздо более громко и убедительно. Если в этом приговоре найдется утверждение, что вопреки требованию прокурора на суде, суд не нашел доказанным с точностью вину Кушни во вредительстве и в военном шпионаже, то это будет лишним доказательством, что из советского суда дорога ведет не только в тюрьму, о чем говорил прокурор, приводя мнения, высказывающиеся в Лондоне, а и на свободу. Для тех, виновность которых установлена неопровержимо и точно, должны быть открыты двери тюрьмы, потому что государство должно поступать так с каждым, кто наносит ему вред и подрывает его мощь. Но в отношении тех, о которых есть сомнение в виновности, для них двери тюрьмы должны быть закрыты, как бы громко и властно прокурор здесь об этом ни просил, потому что там, где есть сомнение, советский суд не выносит обвинительного приговора.

Председатель. Объявляю перерыв—12 часов 40 минут.

* * *

Председатель. Заседание продолжается. Слово имеет товарищ Коммодов.

Коммодов. Можно позавидовать, товарищи судьи, наивности тех, кто полагает, а иногда и утверждает, что всякий иностранный специалист, который приезжает в Советский союз работать, едет сюда с одним только настроением—настроением творческого пафоса, поэтому он не может быть ни шпионом, ни контрреволюционером, ни вредителем. Я не настроен так идеалистически. Люди есть люди, и как таковые руководствуются в своем поведении определенными стимулами. Самый стимул вырабатывается под воздействием целого ряда социологических и психологических фактов воспитания, образования, среды, происхождения, традиции, уклада личной жизни, уклада общественной жизни и т. д. Вот почему думать, что вся та масса иностранных специалистов, которая приехала сюда, приехала только с одним настроением, конечно нельзя. Несомненно есть некоторые, которые приехали сюда и принесли с собой антисоветские настроения и, движимые ими, может быть больше вредят, нежели работают. Я далек от мысли не только утверждать, но даже предполагать, что таковых большинство. О нет, я думаю, что большинство, подавляющее большинство иностранных специалистов, которые находятся здесь у нас, честно и добросовестно работают. Одни работают добросовестно может быть в силу профессиональной честности—по-чиновничьи—они приняли на себя ряд обязательств и они их добросовестно выполняют. У других к этой степени профессиональной добросовестности примешивается вероятно значительная доля любопытства и интереса как к работе в новых условиях, в новом невиданном укладе жизни, с новыми темпами, и может быть они, наблюдая тот творческий подъем многомиллионной страны, которая иногда с лишениями для себя, с большим пафосом осуществляет и претворяет в жизнь идеи, которые являлись лучшим достоянием человеческого ума, как честные люди не могут не волноваться. Творческий подъем великого народа не может их не волновать. Я уверен, что есть некоторые, которые работают с меньшим

Энтузиазмом, чем работает вся страна. Это—искренние друзья Советского союза, которые понимают, что тот идеал, которым живет, которым дышит Советский союз, это идеал общечеловеческий, что то общество, которое строится, оно неизбежно рано или поздно придет, оно будет жизнью всех.

При таком понимании работы иностранных специалистов, мне кажется, что здесь могут быть отдельные представители, которые действительно приезжают для того, чтобы больше может быть вредить, чем работать.

В каждом конкретном случае это приходится точно учитывать. И мы видим, что привлечение к суду иностранных специалистов у нас составляет редчайшее исключение. Ведь вредительство как форма искусственного разрушения народного хозяйства, как форма задержки его развития нам хорошо известно по тем процессам, которые проходили раньше—это процесс «Промпартии», процесс меньшевиков, в особенности Шахтинский процесс. Но случай привлечения иностранцев-специалистов—это редчайшее явление. Это объясняется не только осторожностью следственной власти, но главным образом тем, что иностранцы-специалисты в большинстве работают добросовестно, потому что в каждом отдельном случае, когда иностранный специалист перешагнул бы тот барьер, который именуется советским законом, он неизбежно был бы привлечен к уголовной ответственности—иностранное происхождение как и иностранное подданство иммунитета в этом смысле создать не могут. Это пора понять всем и каждому.

Отвлекаясь от этих общих положений и переходя непосредственно к персональной защите Монкгауза, естественно поставить вопрос: к какой же из этих двух категорий должен быть отнесен Монкгауз, к тому ли большинству, которое честно и добросовестно выполняет принятые на себя обязательства по тем или иным мотивам, или к тому печальному меньшинству, которое забыло эти обязательства и во имя может быть личных настроений работает недобросовестно, а иногда и преступно.

Вы слышали, товарищи судьи, что обвинение Монкгаузу предъявлено в полной мере того объема, который имеется в обвинительном заключении. Обвинение Монкгаузу предъявляется по всем тем трем основным линиям, которые характеризуются, как шпионаж, как вредительство и как подкуп.

С другой стороны, вы слышали отрицание Монкгаузом своей вины. У Прокурора Республики, когда было предъявлено обвинение Монкгаузу, он сказал: «Я не признаю себя виновным в шпионаже, я не признаю себя виновным во вредительстве, я могу признать себя виновным в соучастии во взятке».

Таким образом две взаимно исключаящие себя концепции.

Наша задача, как сторон, заключается в том, чтобы представить вам соображения, подтверждающие ту или другую версию, а в горниле судебных прений в связи с теми материалами, которые имеются у вас, родится та правда, которую вы отразите в своем приговоре, и перед которой мы в молчании склоним свои головы.

В такого рода делах вы понимаете, товарищи судьи, что у защиты нет простора для эмоционального пафоса. Поэтому высокоталантливости противника я противопоставляю тщательный, детальный, я бы сказал, буднично-разбор тех улик, которые выдвигаются против Монкгауза.

Я проведу эту персональную защиту, стараясь по возможности не нападать на кого бы то ни было. Скамья подсудимых тяжела для всех. Казенной мерки, измеряющей человеческие переживания, когда человек находится в несчастье, нет и сказать, кому труднее—невозможно. У меня нет нужды отягчать чью-либо участь, и я постараюсь этого избежать.

Что является основным базисом обвинения по настоящему делу? Это конечно не показания Кутузовой, это конечно не показания Олейника. Если бы даже их исключить—все равно основные черты обвинения остались бы в силе. Основным базисом обвинения является златоустовское дело. Такова моя точка зрения. Показания Гусева, показания Соколова, показания Макдональда, данные различными людьми, в различное время, взаимно дополняющие, взаимно подтверждающие друг друга, скрепленные бесспорностью фактов и экспертизой—вот та база, которая для нас, защитников, является убийственной в смысле уликовой борьбы.

Именно в Златоустовском деле особенно четко, особенно выпукло нашли отражение все основные линии обвинения: и шпионаж, и подкуп, и вредительство.

Вопрос о шпионаже всегда бывает очень спорным. Английский закон, о котором вчера говорил товарищ Вышинский, очень широко понимает шпионаж. А самое главное то, что центр тяжести там переносится не на объективные моменты, не на то, какую бумажку, какие сведения вы взяли, а на субъективные моменты: с какой целью вы это сделали. Поэтому здесь широта и простор в толковании очень большой.

Наш закон более справедлив в этом отношении. Наш закон в ст. 58-6 учитывает объективные моменты. Ст. 58-6 имеет, как известно, две части. В одной говорит о тайнах, специально охраняемых законом. В другой—о тайнах, которые не подлежат просто оглашению.

Это более справедливо. Я бы сказал, более человечно. И это не дает произвола личному усмотрению. Но с точки зрения этого более узкого закона тот шпионаж, который проводился на Златоустовской станции, не вызывает ни у кого никаких сомнений. Это есть именно шпионаж, потому что, если можно еще спорить о том, какого характера сообщались сведения экономического или политического, то всякому ясно, что когда вам сообщают, какие типы снарядов или какой тип авиационных моторов, или какова мощность для выработки военного снаряжения—совершенно бесспорно,—это есть специально охраняемая государственная тайна.

Вот почему я говорю, что именно в этом деле, в Златоустовском деле, так выпукло и так четко обрисовались все три основные линии обвинения.

И тогда я позволю поставить перед собой риторический вопрос: допустимо ли, возможно ли представить себе, чтобы один из самых действенных вредителей, возглавляющий по мысли обвинения организацию, не имел причастности к этой работе прямо или косвенно? Давайте посмотрим в этом случае показания людей, которые являлись живыми проводниками и шпионажа, и вредительства, и подкупа. Вам дали здесь показания Гусев, Соколов, Макдональд, с исчерпывающей полнотой, с исчерпывающей искренностью и пусть эта искренность будет лучшим доводом их защиты, без различия англичане или русские—они бичевали

себя. И что же разве в этих указаниях, где они говорили не просто слова, а указывали факты, они упомянули хоть один раз имя Монкгауза? Перед вами прошел Гусев, Соколов. Я поставил в упор вопрос: вы сказали от кого вы получали сведения, сказали, кому вы давали информацию, сказали у кого получали деньги, ну а непосредственно вы были связаны с Монкгаузом хоть когда-нибудь и в чем-нибудь? И я получил отрицательный ответ. Может быть вы мне скажете, что это естественные опасения в отношении русских инженеров. Допускаю. Но ведь Макдональд свой сослуживец, Макдональд свой соотечественник, а я Макдональду поставил тот же вопрос и получил тот же ответ. Товарищ Вышинский указал, что в одном из показаний Макдональд указывает, что Монкгауз являлся возглавляющим фирму и тоже участвовал в этой нелегальной деятельности. Это правильно, но нельзя забывать, что Монкгауз здесь на суде показал, что он думал, так предполагал, и это он сказал не только на суде. У меня имеются показания Макдональда, которые были даны на предварительном следствии лист 64-й, том XII, где он говорит: «Я считаю необходимым просить записать в протокол этого допроса, что все директивы и инструкции по шпионажу и организации аварий и порче машин я получал от Торнтон. Считаю необходимым отметить в этом протоколе, что сведения шпионского характера передавались мною Торнтону, а последний передавал Интеллидженс-Сервис».

Вот другое показание: «Признаю виновным в том, что эти преступления против СССР я проделал не только в соучастии с привлеченными мною русскими инженерами, но в соучастии с другими названными мною в ранее данных показаниях работниками фирмы «Метро-Виккерс»; непосредственно с Торнтоном предполагал участие в этой деятельности Монкгауз, Кушни, Ноэлль».

Это он подтвердил и на суде. Но я поставил вопрос иначе. Там на месте, когда вы осуществляли свои вредительские планы, когда вели шпионскую работу, когда получали сведения, когда получали деньги, там имели ли вы какое-нибудь отношение, какое-нибудь касательство к Монкгаузу? Он отвечает отрицательно. А ведь не можем мы заподозривать Макдональда в пристрастии к своему соотечественнику, потому что Макдональд, показаниям которого я верю, сказал о Торнтоне, своем соотечественнике, что он ему передавал свои сведения и если он умалчивает о Монкгаузе это не случайно. Я знаю, какое мне сделают возражение. Оно само напрашивается логически. Мне скажут: нужен ли был Монкгауз, когда имеется Торнтон, как посредствующая инстанция. Я этого вопроса коснусь специально, когда буду говорить и разбирать личные и деловые отношения между Монкгаузом и Торнтоном. Это самый опасный момент для Монкгауза. Я это знаю. Но сейчас позвольте коснуться только фактов.

Так обстояло дело на Златоустовской станции. Посмотрите вредительские действия на других станциях и вы, товарищи судьи, увидите ту же самую картину. Большинство давали показания, которым нельзя не верить. Некоторые из этих показаний даны были с такой внутренней экспрессией, что они подавляли своей искренностью. И что же? Ни в одном из этих показаний вы не встречаете имени Монкгауза. Для меня особенно важны, товарищи судьи, показания тех инженеров, которые

работали на МГЭС и вот по каким основаниям. Олейник в одном показании сказал: когда меня Монкгауз послал на МОГЭС, он сказал—там есть группа инженеров, которые сочувствуют нашей фирме. А одного из них—Крашенинникова—он назвал—это «хороший парень». В субъективном восприятии Олейника это преломилось теперь как характеристика вредителя. Мне не важно как это преломляется в субъективном восприятии Олейника, я буду считаться только с фактами.

Казалось бы при этих условиях непосредственная связь с Монкгаузом тех, кто работает на МГЭС и вредит там, должна была быть обязательно. Перед вами прошли подсудимые Зорин, Крашенинников и Сухоручкин. Разве они хотя бы одним словом, или одним намеком сказали о Монкгаузе. Разве они установили свою непосредственную связь с ним. А показания были очень сильные. Возьмите искреннее показание Сухоручкина, который буквально бичевал себя, страшное показание, убеждающее, и разве Сухоручкин, который пришел сюда и у которого произошел глубокий душевный перелом, пощадил кого-нибудь? Ведь он говорит о Торнтоне также просто с такой же искренностью, как говорит и о себе. Ваше дело верить или не верить его судебным показаниям, касающимся другого, но для меня важно то, что он вообще ни слова не сказал о Монкгаузе, также как об этом не сказал ни Крашенинников, ни Зорин. Я еще прибавлю одно соображение. Если бы можно было говорить, что по занимаемой должности Монкгауз не выезжал часто в провинцию, то ведь МГЭС здесь рядом и все-таки вы не видите той связи, того касательства, которое естественно должно было быть у отдельных вредителей и Монкгауза. Ее нет. Это тоже случайность?

Таким образом получается, что из всех тех вредителей, которые являлись живыми проводниками на местах тяжелых преступлений, мы не видим ни одного, который дал бы показание против Монкгауза.

Правда, есть один подсудимый, который дал показание против Монкгауза и я не обойду молчанием этой улики и коснусь ее—это показание Олейника. Я хотел бы подходить к показаниям, которые даются здесь с презумпцией известного доверия. Прокурор охарактеризовал Олейника как человека, который страдает несдержанием слова. Он много действительно наговорил, но мне важно не это.

Отвлекаясь от всех тех субъективных настроений, которые давали возможность Олейнику много говорить, я коснусь только тех показаний его, в которых он указывает причастность Монкгауза. Следовательно правильно я поставил ему вопрос: скажите, Олейник, какие конкретно поручения шпионского, диверсионного характера вам давал Монкгауз? Позволю себе сделать одно общее замечание, касаясь показания Олейника. Олейник здесь заявил, и это бесспорно установлено, что до 1929 года он имел дело с Монкгаузом. После 1929 года перестал непосредственно с ним иметь деловые отношения и таковые установились между ним и Торнтоном. Я поставил далее вопрос: а до 1929 года вы совершали какие-нибудь вредительские акты? Он ответил отрицательно, и это правда. Таким образом и в данном случае мы приходим к выводу, что в момент, когда Олейник имел непосредственное касательство к Монкгаузу, он вредительских актов не совершал. На поставленный следователем вопрос Олейник указывает два случая, в которых причастность Монкгауза безусловна,

Позвольте мне взять эти показания Олейника, не изменяя ни одного слова, я скажу больше, товарищи судьи, позвольте мне взять эти показания Олейника, доверяя ему.

Вопрос: Какие поручения шпионского и диверсионного характера вы получили от Монкгауза?

Олейник отвечает: В 1928 году, когда я ехал на Урал, мне было поручено узнать о состоянии Надеждинского завода, на который я ехал и вообще о состоянии транспорта и промышленности на Урале.

Как расценивал Олейник такого рода поручения?

Ему задают следующий вопрос: «Расскажите, как вы были втянуты в работу по шпионажу?» Он отвечает: «Я в фирме работаю давно, вначале мне давали поручения о собирании сведений, в связи с заказами фирмы и я считал, что в интересах фирмы я обязан был это делать. Это было в 1928 году. В 1931 году мне было сказано Торнтоном, что нужно сведения доставлять о промышленности, транспорте и электростанциях, а в 1932 году предложили шпионскую работу».

Что же получается?

В 1928 году Монкгауз, провожая служащего своей фирмы Олейника на Урал, просит собрать сведения о состоянии промышленности и тот воспринимает это не как шпионские сведения секретного характера, а как сведения, необходимые для расширения заказов фирмы. Он так понял, а я скажу, их иначе понимать нельзя.

Возьмите в этом изложении показания Олейника, как он сказал, не изменяя и доверяя тому, что он показал, вы не увидите того, что могло бы подходить к первой части 56 статьи Уголовного кодекса. Но Олейник сказал и другое, более важное в своем показании.

Следователь его спросил не только, какие поручения были шпионского характера, но какие давались поручения диверсионного характера. На это Олейник ответил: «В части диверсий я от Монкгауза заданий не получал». Здесь он это подтверждает.

Олейник указывает не на один случай, а на два.

Второй случай я тоже не обойду молчанием, причем опять возьму показание Олейника, не изменяя ни одного слова и всецело доверяя его показаниям.

«На Штергрэсе,—говорит Олейник,—Монкгауз дал мне задание затянуть сроки, и турбины были сданы в эксплуатацию без испытания, так как это фирме невыгодно».

Я представил вам письмо Олейника на имя фирмы, в котором сообщается, что главный инженер Виноградов требовал отсрочки испытания, говоря, что «те приборы, которые необходимы для испытания, еще не готовы». Но если сделать худший вывод из того, что говорил Олейник, то и тогда мы будем иметь дело с коммерческой недобросовестностью, а не с уголовным, или контрреволюционным преступлением, подобным тому, которое мы сейчас разбираем.

Только такой я могу сделать вывод из показаний Олейника, из показаний, которые я целиком и полностью принимаю, не изменяя ни одного слова.

Перехожу к показаниям Кутузовой. Я не могу их обойти молчанием, поскольку они являются судебным аргументом, и в этом отношении я расхожусь с прокурором. Я бы и здесь хотел подойти к ним с доверием,

с каким всегда стараюсь подходить к показаниям свидетелей и даже к показаниям подсудимых. Но я не могу этого сделать, я не могу признать показания Кутузовой достаточным судебным аргументом по двум основаниям.

Первое—Кутузова не дает никаких конкретных фактов. Кутузова говорит: «Я слышала», «я знаю», не указывая ни одного факта, который подтверждал бы ее показания.

Второе—в силу внутренних противоречий этих показаний. Ведь на чем зиждятся показания Кутузовой? На вопрос: «Откуда вы могли знать о вредительстве Монкгауза», она говорит: «По той степени доверия, которую ко мне питали Торнтон и Монкгауз. Я была их служащей, служила много лет, была их другом». Отсюда естественной кажется та степень исключительного доверия, о котором она говорит. Это верно, но тогда как же помирить с этим положением следующие ее показания, которые занесены в обвинительное заключение.

Позвольте зачитать. Вот показания. На листе 126, том XIX: «Уже в 1930 году я стала замечать, что Торнтон, Кушни, Монкгауз, Макдональд и другие сотрудники представительства помимо дел, связанных с интересами и заданиями фирмы, занимаются еще какой-то нелегальной работой. У них происходили секретные беседы с какими-то советскими гражданами, они часто запирались в кабинете, вели секретные записи и так далее».

Разве эти показания Кутузовой свидетельствуют о той полноте доверия, о которой она говорит? Разве при том доверии, о котором она говорила, нужно было запирается в кабинете, вести секретные разговоры. Разве приходилось бы узнавать и выпытывать о характере секретных разговоров, разве об этом приходилось бы гадать? Как можно все это примирить? Но это не единственное показание. В другом месте гражданка Кутузова говорит: «Я предполагаю, что в своей шпионской работе Торнтон и другие работники представительства передавали сведения и подчинялись Ричардсу. Это я заключаю из того, что когда приезжал Ричардс, с ним вели секретные разговоры и кроме того фамилию Ричардс упоминали Торнтон и Монкгауз в своих секретных разговорах».

Позвольте еще привести одно ее показание: «Все вместе взятое заставило меня настороженно относиться к их поведению. Я не оставила своей мысли проверить это более точно и подробно. Я выбрала удобный момент, когда Торнтон был особенно ко мне расположен, будучи сильно выпивши, и он мне сказал, что он не только работает у фирмы, но одновременно исполняет поручение «Интеллидженс-Сервис».

Если возьмете это показание как судебный аргумент, и доверитесь ему, то речь идет не о Монкгаузе, речь идет о Торнтоне. Таким образом при всем желании подойти с доверием к показаниям гражданки Кутузовой, я не могу, ввиду внутренних противоречий этих показаний, ввиду отсутствия конкретных фактов, подтверждающих эти показания, и сделать их судебным аргументом, который можно было бы положить за основу того или другого приговора, также не могу. Кутузовой замыкается круг улик против Монкгауза. Я не исчерпал бы всего обвинительного материала, касающегося Монкгауза, если бы не коснулся показаний Торнтона. Когда говорят о показаниях Торн-

тона, естественно возникает вопрос, какие показания? Вы видели как Торнтон часто меняет свои показания.

Товарищи судьи, я всегда снисходительно отношусь к вибрирующим показаниям и настроениям подсудимых,—может быть здесь сказывается инстинкт защитника, выработанный долгими годами адвокатской работы. Но эта вибрация меня, как судебного работника, заставляет к этим показаниям относиться с особой осторожностью. Какое показание Торнтона можно в данном случае взять? То, которое товарищем прокурором было возложено на его совесть. Это лучшая аттестация показаний Торнтона, с которым можно на этом покончить. Когда мы говорим о Торнтоне применительно к защите Монкгауза, лучше поставить вопрос не о показаниях Торнтона, а вопрос более глубокий и более серьезный—о структуре личных и деловых отношений этих двух лиц, так как в этом вопросе скрывается самая большая опасность для Монкгауза.

Проследим эти отношения, основываясь исключительно на фактах. С 1911 по 1918 год эти люди были связаны одной и той же работой в России. В 1918 году оба они уехали из России через Владивосток. Один приехал в Месопотамию, другой с экспедиционным корпусом в Архангельск. После этого в 1924 или в 1925 году они снова поступают вместе на службу в одну фирму—один в качестве монтажного инженера, другой—заместителя, потом один стал уполномоченным фирмы, другой—монтажным инженером. Живут на одной даче.

Какой вывод из этих фактов можно сделать? Вывод только один—здесь атмосфера подлинной дружбы, которая дает право сказать, что у этих людей не было друг от друга секретов. Когда Монкгауза спрашивают, он не скрывает своих дружеских отношений ни к Ричардсу, ни к Торнтону. При таком положении вполне логично поставить Торнтону и Монкгаузу вопрос: «Если вы так дружно жили друг с другом, если вас связывало долготетнее знакомство, одни настроения, которые заставили вас в 1918 году бежать из Советской России, если у вас общность интересов, то не естественно ли предположить, что, давая информацию Монкгаузу, вы, Торнтон, передавали всю ту информацию, которую сами получали, а поскольку получаемые вами сведения по свидетельству Гусева, Макдональда и Соколова несомненно носят шпионский характер, то следовательно вы питали ими и Монкгауза.

Единственный логический вывод. И я понимаю, почему товарищ Вышинский, опытный судебный боец, не первый раз мы встречаемся с ним в зале суда и как он говорит, скрещиваем свои шпаги, почему он задал Монкгаузу только два вопроса, касающиеся шпионской деятельности: первый: «Вы сведения получали?»—«Да, получал сведения политического и экономического характера». «От кого получали—от Торнтона и Кушни?» Он сказал да, и товарищ Вышинский на этом остановился.

Казалось бы этот вопрос нужно было продолжить—какие сведения, так как центр тяжести именно в этом. Но этого не было сделано, спрашивается, почему, потому, что естественно предположить, если Торнтон получал сведения, которые нам известны из показаний Гусева и Макдональда, и если он был так близок с Монкгаузом, что не было между ними секретов, то естественен логический вывод, что сведения, получаемые от Гусева, он целиком передавал Монкгаузу. Вот, где действительная опасность для Монкгауза.

Товарищи судьи, что сказать на это? Одним из основных начал уголовного права и уголовного процесса всех культурных стран и кодексов является персональная ответственность и персональная вина. Глубоко неправы те, кто в уголовном процессе создает круговую поруку и заранее ручается за всех, презумируя их невинность. Эту позицию мы защищать не будем, она ложная в процессуальном смысле, а в государственном смысле несерьезная.

Но если существует персональная вина и ответственность, то при условии взаимной близости подсудимых, всегда возможно допустить одну психологическую ошибку, перенести впечатление с одного подсудимого на другого, именно в силу близких личных или деловых отношений, а иногда совместного пребывания в одном месте. Уголовная хроника знает такого рода тяжелые ошибки. Вот почему я и считаю своим долгом предостеречь вас, товарищи судьи, от возможности такой ошибки. Применительно к взаимоотношениям Монкгауза и Торнтон я должен сказать, что положение Торнтон в процессе бесконечно тяжелое. Тяжелое потому, что при полном отрицании своей вины имеется целая пирамида улик объективного и субъективного порядка, которые оставляют впечатление полной виновности в тех обвинениях, которые ему предъявлены. Защитник Торнтон товарищ Брауде говорил здесь, что против его подзащитного имеются показания русских инженеров, показания его соотечественника Макдональда, показания служащих фирмы и наконец показания самого Торнтон. Против Монкгауза нет этих улик, но зато есть близость большая к уличаемому Торнтону. Вот что меня заставляет опасаться за возможную небольшую ошибку в оценке действий Монкгауза, за возможную спутанность впечатлений. Это будет большая несправедливость, так как я легко могу допустить, товарищи судьи, что, сохраняя дружеские отношения, один изменился в своих собственных настроениях, а другой остался прежним. Я легко могу допустить и другое, что если Торнтон виновен, то он мог действовать за свой личный страх, за свой личный риск, даже в своем личном интересе. Я говорил вам, что если делать судебным аргументом показания Кутузовой, то необходимо вспоминать о том, что Торнтон по ее показаниям непосредственно был связан с отдельными кругами в Англии. А вспомните девять тетрадей, о которых Торнтон сам показывает, что он увез их в Англию. Вспомните всю оплату за вредительство, которая проходила не здесь, и не через Монкгауза, а через Торнтон. Вспомните признания в этой части самого Торнтон и тогда может быть вы согласитесь со мной, что у меня есть полное основание полагать, что Торнтон, если он действительно совершал преступления, действовал за свой личный страх, за свой личный риск, в своих личных интересах, потому что у Торнтон и был личный интерес, если вспомнить его положение в дореволюционной России.

Я говорю, что у Монкгауза могло измениться настроение. В 1918 году Монкгауз был в экспедиционном корпусе в Архангельске. Факт большого отрицательного значения. С тех пор прошло много лет. Мы живем в такое время, когда каждый год, прожитый нами, является эпохой, когда каждый год дает новый язык эпохи. И мы знаем, что за эти годы многие, которые с оружием в руках сражались против советской власти, пришли на поклон и раскаялись в своих преступлениях.

Монкгауз 20 лет живет в России. 9 лет приблизительно или 10 в Советской России и около 10 лет жил в царской России. Монкгауз, как умный человек, как человек с широким кругозором, не может не видеть, как изменился за эти годы облик нашей земли, как изменилось лицо деревни, как изменилось лицо наших полей. Он не может этого не видеть. В 1918 году этого он не мог конечно заметить. Монкгауз по своей работе часто выезжал в деревню, выезжал в провинцию и он лично мог наблюдать за эти годы, как изменился облик страны. Он видел, что там, где раньше стоял трактир, сейчас школа или больница. Там, где раньше мужик деревянной сохой копал свою землю—сейчас проходит трактор и плуг. Там, где раньше были землянки, в которых как кроты жили те, кто производит все ценности—сейчас стоят рабочие дворцы и клубы. Там, где раньше были только кирпичные заводы—сейчас стоят гиганты.

Для него, человека умного, с широким кругозором—это не могло пройти незаметно. Это не Макдональд, который только что приехал из Англии и не знает условий быта и жизни дореволюционной деревни. У Монкгауза, который знает условия жизни царской России и советской, перед которым стоят эти две контрастирующие системы, преимущества последней не могли не создать известного психологического перелома.

И если он в 1918 году участвовал в экспедиционном корпусе в Архангельске, то не забывайте, что он отказался от участия у Деникина. Если первое мы расцениваем, совершенно справедливо, как отрицательный факт, то второй—нужно расценивать, как факт положительный. Под этим углом зрения оцените улики, выставленные обвинением против Монкгауза, оставляя в стороне все то, что относится к его соотечественнику и сослуживцу Торнтону.

Я перехожу к взятке Долгову. Мы видели и здесь две версии, которые дал Монкгауз. Одна из них та, которую он дал на предварительном следствии, и которая сводится к тому, что он признает себя виновным и в соучастии в даче взятки. Теперь он говорит, что это были деньги, данные займы. Когда перед вами ставится две версии, то естественно возникает вопрос о том, которая из них более жизненная и более убедительная. Если бы меня спросили, какая версия по моему мнению является более жизненной, то я сказал бы та, которую дал Монкгауз на предварительном следствии и вот почему. Заем без расписки, заем без возвращения денег, заем человеку, с которым не имеешь дружбы и родства, заем человеку, с которым находишься в деловых отношениях и от которого зависят рекламации или отвод для фирмы—очень подозрителен. Я поставил Монкгаузу здесь вопрос—вы сами говорили, что нужно взять расписку, но ведь расписка взята не была. Вы говорили, что эти деньги должны быть возвращены, но они возвращены не были. Как же при этом условии в вашем сознании могло это отразиться? На предварительном следствии это отразилось у него как подарок. Пусть подарок, о словах спорить не будем. Но мы этот подарок расцениваем как взятку. Но если признать, что эта версия правдоподобна и жизненна, тогда необходимо помнить три следующие факта, которые устанавливают, какое отношение к этой взятке имел Монкгауз.

Первое—взятка была дана, когда Монкгауза не было в Москве. Торнтон дал ее без Монкгауза. Таким образом человек был поставлен перед совершившимся фактом. Второе—деньги были даны с личного счета Торнтона и третье—деньги были списаны Монкгаузом по распоряжению его начальника Ричардса.

Эти факты дадут вам возможность, в вашей совещательной комнате, при признании правильности этой версии, поставить вопрос, что здесь имеется соучастие, согласно 17-й статье Уголовного кодекса или недоносительство, если конечно вы не признаете в этой взятке контрреволюционного действия. В зависимости от юридической квалификации последуют и юридические последствия.

На суде Монкгаузом выдвинута другая версия—займа. В пользу этого может говорить только одно, что эти деньги были проведены по книгам. Но когда эти две версии ставишь честно перед самим собой, и когда учиываешь общие условия, при которых были даны эти деньги, то приходишь к убеждению, что более жизненной, более убедительной версией является та, которую Монкгауз дал на предварительном следствии.

Вот соображения, которые я хотел бы привести в защиту Монкгауза. Его дело очень сложное, улики серьезные, хотя и спорные. Это заставляет меня, как защитника, поставить перед вами вопрос о доказанности самого факта совершения преступления и я уверен, что вы на него ответите со всей тщательностью и осторожностью, которые присущи нашему суду. Ваш ответ отразит ту правду, которая родится в результате наших судебных прений и в результате рассмотрения всего материала, который имеется по настоящему делу.

Председатель. Слово имеет член Коллегии защитников товарищ Либсон.

Либсон. Товарищи судьи, мы подходим к концу портретной галлерей обвиняемых, которые сидят на скамье подсудимых, и остается остановиться только на двух образах—инженера Котляревского и гражданки Кутузовой.

Заканчивая цикл речей выступавших защитников, я хотел бы предположить персональной защите некоторые мысли об общем впечатлении, которое получается от выступлений и прокурора и моих товарищей по защите.

Получилось как будто бы так, что и все это дело, а за делом и прения сторон раскололись на две части. Имеются на скамье подсудимых обвиняемые англичане, имеются на скамье подсудимых русские и вполне понятно, вполне естественно, что в речи Прокурора Республики мы услышали такую мысль. Он, обращаясь непосредственно к защите, сказал: «Товарищи, предостерегаю вас, чтобы вы не увлекались тем, чтобы за спиной англичан не прятались обвиняемые из граждан СССР»...

Товарищ прокурор предупредил нас, защитников, о том, чтобы мы воздержались от этого легкого метода защиты. Но мои товарищи по защите в дальнейшем, выполняя возложенные на них обязанности, все же воспользовались этим методом. Все же в их речах, в их доводах сквозили возражения о том, что мы имеем на скамье подсудимых англичан, что мы имеем на скамье подсудимых русских.

Я бы сказал, что этого соблазнительного метода защиты не миновали и товарищи, которые защищали англичан,

Так, например, из уст защитника Брауде, мы здесь услышали разговор о том, что, защищая русских, мои товарищи дошли до крайних пределов и мистических представлений, что как будто бы нам представлялось и грезилось, что эти англичане в каких-то сильных мистических образах давили на русских, и поэтому они совершали преступления. Но это конечно не так. Неправ и товарищ прокурор, который предупреждал нас о том, чтобы мы не прятали русских за спину англичан. Неправ он хотя бы и потому, что сам он не сделал этой ошибки, потому что за спиной русских он не прятал англичан. Правы товарищи, защищавшие русских инженеров, которые не оставили в стороне весь тот материал, который давался действиями и поступками англичан и неправы конечно защитники, защищавшие англичан, которые говорили о том, что нас может увлечь эта идея. Мы, защитники русских,—нет, здесь этот термин неправилен. Мы, советские защитники, прекрасно помним и понимаем, что Ричардс—не Мефистофель, что Торнтон—не Фауст и что русские инженеры—не Маргарита. А прекрасно понимая это, мы помним и другое, что при судебном анализе всего материала, в результате которого должно последовать решительное слово самого высшего суда Союза, в анализе материала мы должны коснуться всего и не имеем права закрывать глаза ни на что. Нам все равно, англичанин ли это, другой ли национальности человек,—нам важно: враг ли он или нет. И только с этой точки зрения мы будем рассматривать его действия, мы будем рассматривать значимость его действий.

Еще одну мысль, товарищи судьи, хотел бы я предпослать моей персональной защите.

Ведь вот здесь ряд моих товарищей уже останавливался на этой мысли, и я боюсь, что в моих устах она будет звучать несколько трафаретной. Задавались вопросы, о том, что влияло на действия наших подзащитных, что толкало их на эти преступления, и здесь, мне кажется, нужно ответить на два вопроса.

Первый—что это, исключительно только влияние Торнтона, Монкгауза, Макдональда и других, или быть может это субъективное настроение обвиняемых, быть может предпосылки для совершения преступлений живут в них самих, быть может они сами действительно вредители по своему внутреннему настроению, по своему миропониманию, по своим целям и установкам,—тогда зачем говорить об англичанах?

И когда мы ставим вопрос так, тогда мы анализируем прошлое, тогда мы анализируем эти предпосылки, и когда мы приходим к выводу: да, старое довлеет, тени прошлого еще крепко держат в руках, люди не ушли от навыков прошлой жизни, их душе мило то, что было и то, что не вернется, тогда мы понимаем это преступное настроение, и тогда мы говорим, что англичане не являются первоисточником для них, и анализ действий этих Торнтонов, Монкгаузов и других не может истолковываться в смысле облегчения их участи, потому что они являются только их союзниками в этих вредительских действиях.

Но когда мы анализируем настоящее, когда мы заглядываем в душу наших молодых советских специалистов, когда мы изучаем их жизнь и видим, что этих предпосылок нет, тогда обязаны поставить вопрос о том, какие же причины, что толкнуло тебя на совершение этого преступления?

И я считаю, товарищи судьи, что в этом месте мы подходим ещё к вопросу огромной важности, огромной значимости, которому мы не можем не придать большого значения.

Когда присматриваешься к минувшим делам о вредительстве, когда видишь, что по этим делам проходит вереница лиц, убеленных сединой, лиц, у которых сложились убеждения, лиц, которые, так сказать, психологически совершенно отстоялись,—тогда становится горько и больно и тогда думаешь о том, что это тяжелое явление нужно изжить какими-то иными путями. Но когда видишь, что вовлекается молодежь в эти преступления, тогда это особенно больно ударяет по нас, потому что ведь это молодежь, родившаяся и выросшая в советских условиях, являющаяся результатом нашей советской культуры, она особенно нам дорога, как все то, что создается всей нашей новой советской культурой.

Вот почему в этом деле особенно приходится проанализировать все соображения, все моменты для того, чтобы понять, как случилось то, что молодые специалисты в данном случае были вовлечены в эти преступления.

И думается мне, что хорошей иллюстрацией для этого анализа является мой подзащитный инженер Котляревский. Вы посмотрите на его недолгое прошлое. Ему всего только 29 лет.

Родился он в трудовой семье. Из представленного документа мы знаем, что отец его, сейчас занимающий должность главного механика на заводе, имеет 44-летний трудовой рабочий стаж. Трудовая атмосфера, трудовая школа. И вы обратите внимание, что обвиняемый не прямо начал учиться в гимназии, в 1919—1920 году там была еще гимназия, а сначала он учится в высшей начальной школе, стало быть он, как выходец из бедной трудовой семьи, в этом городке на Украине не имеет доступа в гимназию, и только по окончании этой школы он уже поступает в гимназию, а по окончании гимназии поступает в советский вуз.

Таким образом мы видим, что нет социальных корней, нет этих предпосылок в семейном окружении, в силу которых у него могли бы сложиться антисоветские настроения. Эти корни чисто трудовые, чисто советские.

Итак, он кончает политехникум, он становится советским инженером. Ну что ж, быть может дальше судьба его слагается так, что он является неудачником? Что ему не удастся жизнь, и это порождает озлобление? Нет, этого мы не видим; он сразу поступает на Штеровку, и если проследите по его анкетным данным об его трудовом стаже, вы видите, что он сразу расценивается как хорошо подготовленный инженер. С 1927 до 1931 года, начиная с рядового инженера, он кончает службу заведующим машинным залом. Стало быть человек продвигается, стало быть у человека не может быть озлобления, недовольства советской властью. Происходит маленькая заминка в связи с наводнением. Начинается следствие. У него отбирают подписку о невыезде. Дело кончается, с него снимается всякое обвинение, и он ничего не потерял. Переходит на службу в злосчастную для него Зуевку также в качестве ответственного инженера.

Таким образом, товарищи судьи, мы видим и потом, как протекала его карьера советского специалиста и инженера, мы видим, что нет

никаких предпосылок, нет никаких моментов, которые могли бы его антисоветски настраивать.

Посмотрим дальше. Когда приезжает на Зуевку, то монтаж уже закончен. Обратите ваше внимание на это. Стало быть весь период монтажа, а мы знаем, что многие последствия диверсионного порядка связаны с самим монтажом, уже закончился и Котляревский, как инженер, не имеет к этому никакого отношения.

Приезжает в ноябре: до февраля работает спокойно. Когда приезжает в Зуевку, он застаёт уже здесь большую группу английских инженеров. Вы помните их перечень. Здесь находится и Макдональд и Корн, Эллиот, Вилькот, Агну. Здесь же работают Васильев и Фомичев.

С ноября по февраль мы не имеем никаких материалов, которые бы порочили Котляревского, как честного работника. Но вот подходит момент, который влечет за собой трагические последствия. Вы помните, как он рассказывает на предварительном следствии, — что он подтвердил и здесь, — он знакомится с Макдональдом, которому тоже 29 лет, который тоже молодой инженер. Они близко знакомятся. Они сначала сталкиваются по работе, потом это переходит в личную дружбу, они все больше и больше сближаются, Котляревский начинает посещать Макдональда на квартире, и Макдональд подтверждает, что Котляревский говорит правду. Завязывается тот узел, который впоследствии его губит. Он принимает займы 500 рублей.

Вот здесь, товарищи судьи, мы подходим к тому моменту, где необходимо, думается мне, остановиться на вопросе о том, что же это со стороны инженера Котляревского были действительно совершенно сознательно сделанные шаги навстречу Макдональду-вредителю, или же все сложилось так, что впоследствии Котляревский был поставлен в безвыходные психологические условия, и в силу этого низко пал и совершил те преступления, в которых он чистосердечно признается.

Я обращаю ваше внимание, товарищи судьи, на этот момент предварительного следствия, где он рассказывает, как он получил займы 500 рублей, ему просто одолжили по-товарищески, но когда деньги у Котляревского уже были в кармане, к нему через несколько дней обращаются с «невинной» просьбой достать чертежи. Он дает это обещание. А вот когда он приносит эти чертежи и когда вручает их, тогда ему выносят, без его просьбы, вторые 500 рублей. Что это? И когда как он рассказывает, он начал отказываться, то этот добрый товарищ, милый, приятный английский инженер Макдональд, с которым было проведено столько вечеров на Зуевке за слушанием патефона, за сладким чаем, преображается, становится сухим и резко заявляет: «Вы понимаете, какие документы вы мне дали, вы за это получили деньги».

Котляревский уже должен 500 рублей, и его начинают шантажировать. Он не выдерживает, берет деньги и выполняет те скверные дела, о которых он сам так подробно здесь рассказывал. Этот момент шантажа, который несколько не зависит от того, кто Макдональд — немец, англичанин, русский, еврей, — это испытанный метод, давно известный метод, когда при помощи такого шантажа, давая сначала займы, заставляют делать одолжение, на первый взгляд совершенно незначительное, заставляют вторично брать деньги, и этот путь ставит в трагическое положение, из которого выйти нехватило сил у Котляревского.

Конечно здесь можно было бы сделать очень просто, здесь можно было бы поступить, как Долгов—пройти в ОГПУ и прямо рассказать о создавшемся положении. У Котляревского нехватило сил, не сумел он этого сделать, проявил слабость. Это начало, а впоследствии мы имеем его преступные действия, но свидетельствуют ли они о столь низком падении Котляревского, что действительно нельзя уже говорить о том, что нет никакой надежды на то, что Котляревский может вернуться в честную семью рабочего класса? Я думаю, что нет.

Давайте взглянем на дальнейшие даты, на дальнейшие поступки. Это было в феврале, апрель, май, июнь—время аварий. Он сознается в чем? Он сознается, во-первых, в том, что он активно не протестовал против лживых объяснений причин этих аварий, и, во-вторых, что сознательно бросил болт в турбину. Это было в апреле, мае, июне. В июле Котляревский бежит из этого страшного места—его не увольняют, он сам бежит. Он уходит в отпуск и не хочет возвращаться, не хочет возвращаться в это страшное заболоченное место, где он потерял свою честь, где он попал в эти страшные тиски. Это было в июле 1932 года, когда ничто из окружающего не давало оснований предполагать, что вот уже начали раскрываться преступления, все было тихо. Он сам уходит от этих преступлений, переходит в Оргэнерго на службу. После этого он едет в Казань, где он честно до ареста работает.

Товарищи судьи, я обязан сделать предупреждение о возражении, которое может возникнуть на мои доводы. Если бы Котляревский примкнул к этой преступной организации, если бы Котляревский совершенно потерял себя, если бы Котляревский считал, что он порвал совершенно с нашими советскими интересами, что он продался диверсантам, тогда конечно он не в Оргэнерго пошел бы и поехал бы работать, не в Казань, а поехал бы работать туда, куда ему показали бы агенты, туда, где работают агенты. А мы видим, что Котляревский работал там, где не работал ни один из всех диверсантов, которые сидят на скамье подсудимых.

Таким образом, товарищи судьи, по моему мнению, можно считать доказанным, что у моего подзащитного Котляревского в его прошлой жизни нет никаких предпосылок, в силу которых можно было бы говорить о том, что этот человек еще от прошлого принес в себе яд, и что поэтому не может быть никакой надежды на то, что он может исправиться; во-вторых, что в короткое время под давлением шантажа он примкнул и совершил преступные действия, в которых совершенно чисто-сердечно раскаялся, и, в-третьих, что совершенно добровольно сам бежал от этого страшного места, потому что его это тяготило, потому что он не хотел быть диверсантом.

Я полагаю, товарищи судьи, что исходя из этих трех предпосылок, вы и будете выносить Котляревскому свой приговор.

Товарищи, у нас в нашей жизни над всем довлеет наше социалистическое строительство. И вот все наши зодчие, все наши каменщики, которые принимают в этом строительстве, участие, когда берут кирпичи, предназначенные для стройки, очень бережливо, хозяйственно, смотрят на каждый кирпич: нет ли на нем трещины. И если эта трещина есть, они не кладут его в фундамент, не пускают его на облицовку, а откладывают его в сторону, чтобы использовать его в другой части

стройки, и этот кирпич с трещиной, крепко спаянный цементом, будет полезен в нашем строительстве.

И я верю, что эта трещина у Котляревского временная, и что вы, как зодчие, как строители, не отбросите его, а бережно отложите.

Мне остается высказать свои соображения в защиту второй моей подзащитной—Кутузовой. Я и здесь принужден начать с возражений уважаемому товарищу прокурору. Я никак не могу понять эту трактовку Кутузовой, как легковесной барыньки, которая раскатывает на автомобиле из Перловки в Московскую контору, и в которой из всего того, что прошло здесь перед нами и на предварительном и на судебном следствии вырисовываются черты человека, который в силу своих легких вкусов пошел на службу туда, где лучше одеваются, туда, где лучше кормят, там, где условия благоприятнее.

И здесь, товарищи судьи, я вас попрошу припомнить биографические черты из жизни Кутузовой. Я считаю, что из тех данных, которыми мы располагаем, вырисовывается совершенно другой образ. Ведь в течение 20 лет она трудится. Вы знаете, что она, тоже происходит из трудовой семьи, первое время занимается педагогической деятельностью, обладает знанием французского, немецкого, английского языков, все время работает, и мы видим, что ее труд расценивается очень высоко. Мы видим, что ни один год жизни у нее не проходит без этого труда. Мы видим, что она, начиная с маленького, достигает высокого. Начав с машинистки в Волховстрое, она становится секретарем главного инженера Графтио. А когда кончается работа на Волховстрое, ее трудовая репутация настолько утверждена, что когда в «Метро-Виккерс» требуется сотрудник в качестве именно секретаря для главного руководителя фирмы, то очевидно по рекомендации этого Графтио и других сотрудников и наконец по непосредственным наблюдениям ее работы там, потому что англичане—Монкгауз и Торнтон—работали долгое время вместе с ней в течение целого ряда лет, приглашают именно ее. Мне думается, было бы неправильным такое представление, что время Кутузовой в этой работе секретаря главного инженера фирмы «Метро-Виккерс» протекало, с одной стороны, только в том, что она крепко чувствовала блага, которые получала на своей службе и, с другой стороны, наблюдала за диверсионной деятельностью. У нее была большая работа в крупной фирме, которая разбросала своих сотрудников по целому ряду ГЭС—на Зуевке, на Штеровке, в Челябинске, и в Баку. Она находилась в главном штабе, где сплетаются все нити, откуда исходят все распоряжения, охватывающие сотни трудящихся людей, и она являлась фактически управляющим делами. Она ведет всю переписку, она играет действительно главную роль в конторе как русская сотрудница, но мало того, она живет вместе с англичанами, у них огромное хозяйство, и она как секретарь конечно заведует этим хозяйством тоже. Вот как представляется мне образ Кутузовой. Это деловая женщина, которая действительно способна на большую работу и она эту работу вела.

И когда здесь ставится второй вопрос, вопрос о том, почему же Кутузова именно связана с работой иностранной фирмы, то я думаю, что этот вопрос возникать у нас не должен. Поскольку она долгое время работала в «Треугольнике», поскольку она владеет французским,

немецким, английским языками, поскольку сталкивается с англичанами в Волховстрое, поскольку, имея в виду знание языка, ей очевидно приходится соприкасаться с этими иностранцами, вполне логично и нормально, что она идет на службу в «Метро-Виккерс», когда оттуда есть приглашение.

Я считаю, товарищи судьи, что моя подзащитная Кутузова в смысле ее трудового лица не оставляет никакого сомнения. А теперь надо поставить только два вопроса по делу Кутузовой и на них дать ответ.

Первый вопрос—говорит ли Анна Сергеевна Кутузова правду в своих показаниях, когда она рассказывает о том, что, по ее словам, ее уши слышали, глаза ее видели. Вполне естественно, что мои товарищи по защите, в отношении которых это показание играет роль оговора, потому что Кутузова является обвиняемой, а не свидетельницей, категорически возражают против того, чтобы вы доверяли тому, что она говорила.

Вот последний защитник Коммодов указывает на противоречия в показаниях Кутузовой и из этих противоречий делает вывод о том, что нельзя ей доверять.

Товарищ Коммодов здесь перед вами цитировал ее показания для обоснования своей мысли, но он или не договорил, потому что забыл, или потому, что нужно было забыть о других частях ее показания—о 3000 Долгова, о которых она говорила и которые являются бесспорным фактом, о Макдональде, который все время был там и который являлся узловым во всей диверсионной работе, и наконец о посылке Гусеву, о которой тоже нет никаких сомнений. Это, товарищи судьи, уже факты. Если, товарищи судьи, я остановился на этом небольшом вопросе, то остановился только потому, что в отношении Кутузовой здесь пытаются говорить так, что не верьте ей, она говорит неправду. А раз вы не верите ей, если она способна говорить неправду, тогда вы, пожалуй, не поверите ей и в той части ее показаний, которые чрезвычайно существенны для меня, как для ее защитника, потому что возникает второй вопрос, вопрос основной и главный: почему же Кутузова, советская гражданка, которая, начиная с 1927 по 1932/33 год, жила вместе с этими англичанами и наблюдала все то, о чем она впоследствии рассказала, почему же она не сказала об этом раньше?

Мы с вами знаем все материалы по делу. Мы прекрасно помним все, что Кутузова говорила на предварительном следствии, все, что показывала здесь, и помним ее слова о том, что близкая дружба с Монкгаузом, близкая дружба с Торнтоном создавала сложные психологически-запутанные отношения. Наконец ведь это не шутка, человек был связан с ними в течение целого ряда лет, все это до известной степени психологически обязывало, и что поэтому ей решиться и совершить этот шаг, быть, может было и трудно.

Правы быть может и те товарищи, которые говорили и о специфических психологических переживаниях, свойственных ей как женщине. Быть может и здесь играет известную роль и эта психология. Все это так. И вы все это, товарищи судьи, в дальнейшем учтете.

Но для меня как для защитника Кутузовой чрезвычайно важно следующее: она вам говорит правду, и когда ее спросили об этом, она ничего не утаила и рассказала.

И важно еще в отношении Кутузовой считать установленными следующие факты, в отношении которых я также расхожусь с представителем государственного обвинения.

Ей предъявляют обвинения в том, что она являлась активной соучастницей, и что действия, в которых она принесла свою повинную, нужно толковать и трактовать как непосредственно-активное соучастие.

А какие же факты? Вы посмотрите, как это жестко формулировано в обвинительном заключении. Ведь здесь говорится о том, что она систематически пересылала, выдавала деньги и так далее. А какими же мы располагаем фактами после того, как все это уже проверено на судебном следствии? Посылка от вымышленного адресата Иванова, направленная Гусеву. Посылка-взятка. Посылка, как теперь совершенно определено и ясно мы знаем, связанная с диверсионными действиями Гусева. Но ведь это мы знаем сейчас. Сколько посылок проходило через ее руки. Конечно, она понимала, что это нелегальная посылка, потому что Макдональд сказал ей, что здесь должен быть вымышленный отправитель. Конечно она это понимала, но разве эту посылку, этот факт, можно рассматривать как активное соучастие во вредительских актах? Пусть приведут какие-нибудь фактические данные, из которых можно было бы сделать вывод о том, что она не только знала, она содействовала, активно содействовала хотя бы отдельным диверсионным актам? Разве она имеет хотя какую-нибудь непосредственную связь со всеми теми персонажами, играющими непосредственную роль диверсантов и шпионов, которые проходят здесь перед нами? Нет, товарищи судьи, нет ни одного—такого факта.

Когда моя подзащитная Кутузова давала свои показания, то она их формулировала так, что она сама являлась соучастницей, и в то же время добавляет, что она в свое время не сказала об этом. Но я, ее защитник, не согласен с такой юридической формулировкой, которую невольно дает она в своем фактическом изложении. Она чистосердечно рассказывает о том, что видела, что слышала и что наблюдала, говорила о том, что она не нашла в себе решимости, чтобы своевременно об этом сообщить, рассказывает, как она мучилась при этом, как она обращалась к Торнтону и другим, прося, чтобы не вовлекали ее в это дело. А ведь мы должны дать совершенно точную юридическую формулировку, потому что вам придется судить по определенной статье закона, потому что вам придется решать вопрос о мере социальной защиты.

И я настаиваю перед вами, товарищи судьи, что в действиях Кутузовой нет соучастия, нет того, что предусмотрено в обвинительном заключении, а есть недоносительство, о чем говорится в 58 статье со знаком 12, потому что нет абсолютно ни одного факта, который бы говорил об ее активных действиях, который бы говорил о ее непосредственном участии. Это есть типичное недоносительство, которое также подлежит определенным наказаниям, которое сформировано в своем содержании, как недоносительство о достоверно известных контрреволюционных преступлениях.

И моя просьба, товарищи судьи, когда вы будете разрешать вопрос о судьбе Кутузовой, вы поставьте перед собой вопрос о 58 статье со знаком 12, а когда вы будете в разрезе этой 58 статьи со знаком

12 обсуждать вопрос, какое ей наказание дать, то не забудьте о том трагическом положении, в котором она находилась в течение долгого времени, когда она в качестве недоносительницы, и только недоносительницы, носила в себе эту страшную тайну, когда она была в этих запутанных психологических сетях, порвать которые не находила в себе силы, вы конечно понимаете, что те мучительные переживания, которые выпали на ее долю, являются для нее тяжелым переживанием, тяжелым наказанием, и исходя из этого, дадите ей возможность вернуться к трудовой жизни.

Заканчивая свою защиту, товарищи судьи, позвольте мне в заключение высказать одну мысль.

Многие обвиняемые, которые сидят здесь на самые подсудимых, чисто-сердечно рассказали о том, что они делали. Из их рассказов рисуется картина тяжких преступлений. Но можем ли мы, товарищи судьи, забыть о том, что сейчас 1933 год? Можем ли мы, товарищи судьи забывать о том, что если Монкгауз приехал к нам в Россию, проживая долгое время, до 1933 года включительно, очевидно забыл о том, что Москва 1933 года—это не Архангельск 1919—1920 года, то мы-то прекрасно помним, что в 1933 году все эти преступления, в которых обвиняются и Гусев, и Лобанов, и Котляревский, и Макдональд,—все они относятся ко времени, после которого прошло 5 лет, с 1928—1929 года. Когда мы идем действительно такими громадными шагами вперед, когда с каждым годом крепнем, тогда, прав товарищ прокурор, нам не страшны эти диверсионные действия, а если это так, то конечно мы имеем и право и возможность, хотя и суров закон 14 марта, который требует особого сурового подхода к разрешению вопроса об ответственности государственных служащих, поставить перед собой вопрос о том—смерть или жизнь в ответ на действия этих диверсантов.

У истоков русской истории стоит легенда о том, как предки обратились к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, приходите и владейте нами». Много воды утекло с тех пор, много испытал русский народ—он знал татарское иго, он знал немецкие шпицрутены, он знал и другие влияния, при помощи которых царская власть укрепляла свой трон. Все это рухнуло, и сегодня—в 1933 году—земля наша также «велика и обильна», но мы никого не приглашаем владеть нами, нам не нужны варяги, и грустно разочарованный варяг стоит у границы, тот варяг, который чувствует себя в истории безработным и который с вожделием смотрит на бесконечные нефтяные вышки, на дымящиеся фабричные трубы, что растут с каждым днем, на могучие ГЭС, что бросают новые яркие электрические снопы света на нашу развивающуюся советскую стройку. И грустно становится варягу, когда он видит на нашей границе вооруженного красноармейца. Варяг с глубокой ненавистью смотрит на наше ГПУ, а оно стоит крепко и не дает врагу прохода, а если кто проскользнет, возьмет за ушко и на солнышко. Всякие диверсии, всякие выпады, всякие попытки к выпадам бессильны и вызывают только злобу.

Мы остаемся с глубокой верой в то, что мы делаем правое дело и там—за рубежом—лучшие умы, чистейшие души, как Ромэн Роллан, Бернард Шоу и другие, которых сотни и тысячи, все трудящиеся и рабочие, они с нами, они верят в наше великое дело, и мы только на

них ориентируемся, только на тех, кто действительно понимает нас, на тех, кто с нами.

И вот, товарищи судьи, с глубокой верой, что мы делаем правое дело, с глубокой верой в победу этого правого дела, в то, что мы крепки и непобедимы, прошу вас перед лицом сурового закона поставьте перед собой вопрос: что же смерть или жизнь обвиняемым. Я как защитник прошу вас о том, чтобы по данному делу не было смерти!!!

Председатель. Прокуратура желает воспользоваться правом реплик?

Вышинский. Нет, не встречается в этом необходимости.

Председатель. Приступаем к последним словам.

Подсудимый Гусев, желаете воспользоваться последним словом?

Гусев. Да.

Граждане судьи, я рассказал о тех преступлениях, которые я совершил. Здесь на суде я снова с особенной остротой и силой пережил всю тяжесть этих преступлений. Я прошу суд поверить искренности моего признания и раскаяния и дать мне возможность дальнейшей честной, действительно честной работой загладить мои преступления и исправить тот вред, который я причинил государству.

Я здесь даю слово, что всю свою остальную жизнь я посвящу честной работе, которая будет направлена к исправлению того зла, которое я причинил.

Председатель. Подсудимый Соколов.

Соколов. Я вполне признал тяжесть всех преступлений, которые мною совершены. Я пережил и на предварительном следствии и здесь на суде всю тяжесть этого. Я даю обещание, если мне будет дана возможность исправить свои ошибки, я честным трудом на пользу социалистического отечества докажу свою преданность рабочему классу и заглажу свои преступления в моей дальнейшей жизни, если она мне будет оставлена.

Председатель. Подсудимый Макдональд.

Макдональд. Я признаю себя виновным и ничего больше не могу добавить.

Председатель. Подсудимый Зиверт, желаете вы воспользоваться последним словом?

Зиверт. Граждане судьи, я здесь дал вам показания о том, что я как рабочий нанес преступление своему классу. Но как вам известно, в то время, когда Торнтон занимался в высшем учебном заведении Лондона, я был пастухом. Я хочу честной деятельностью оправдать мое преступление. Я чувствую, что я убил свою семью и убил самого себя. Мне очень горько приходится это переносить. Надеюсь, что суд это учтет и даст возможность эту вину искупить.

Председатель. Подсудимый Котляревский. Желаете вы воспользоваться последним словом?

Котляревский. Граждане судьи, те преступления, которые я сделал, очень тяжелы. Я рассказал все, что я сделал. Я глубоко раскаиваюсь в этих преступлениях. Я прошу суд дать мне возможность честной работой загладить эти преступления, и если мне эта возможность будет дана, то я обещаю все свои силы и все свои знания положить на то, чтобы эти преступления загладить.

Председатель. Подсудимый Кушни, желаете вы воспользоваться последним словом?

Кушни. Я хочу говорить по-английски.

Председатель. Пожалуйста.

Кушни (перевод). После того, как я сегодня заслушал очень умелую защиту своего защитника, мне очень мало что остается сказать. Мой защитник разбил вдребезги построенное государственным обвинением против меня обвинение. Я все время настаивал на том, что я не виновен и во время процесса не было представлено ни одного кусочка настоящего доказательства моей вины.

Независимо от того, каким будет приговор, я уйду из этого суда честным человеком, таким, каким я пришел сюда.

Председатель. Подсудимый Лобанов, вы желаете воспользоваться последним словом?

Лобанов. Граждане судьи, я как на предварительном следствии, так и здесь на суде старался возможно подробнее показать как тяжесть всех содеянных мной преступлений, а также и свое жизнеописание. Об этом я не хотел бы больше говорить. Единственная просьба у меня к суду—дать мне возможность исправиться и остаток своей жизни употребить на дело великой стройки, на цели и задачи великого пролетарского государства, на дело построения социализма.

Я даю слово, что если мне будет позволено, я буду остатки своей жизни, поскольку мне позволят здоровье и возможности, употреблять на проведение тех великих задач, которые поставило перед собой советское государство. Я просил бы также учесть ту среду, которая во мне воспитала нехорошие наклонности, а также учесть то, что мне еще не так много лет, и что я являюсь преступником, которого можно исправить и который может исправиться.

Председатель. Садитесь. Подсудимый Нордволл.

Нордволл. Я хочу говорить на английском языке.

Председатель. Пожалуйста.

Нордволл (перевод). Для меня очень больно было слушать речь государственного обвинителя. Я такой человек, который интересуется исключительно своей работой и всегда старается работать добросовестно. Я всегда поддерживал интересы, планы строительства СССР и сделал все зависимое от меня, чтобы помочь выполнению этих планов. Моя частная жизнь в России была посвящена исключительно моей семье, я жил среди русских людей.

После тех показаний, которые я выслушал на суде, и после той справедливости, которая мне была оказана в ГПУ, после моего ареста я, как я уже ранее указал, всегда был другом Советского союза и считаю, что суд имеет в своем распоряжении документальные доказательства этого. Я уверен, что суд может вынести только один приговор—это приговор оправдательный, а не обвинительный. И в настоящий момент я остаюсь другом Советского союза и не боюсь это сказать даже в присутствии всех представителей прессы.

Председатель. Подсудимый Лебедев?

Лебедев. Граждане судьи, я признаю в своей тяжелой вине и даю обещание, перед Верховным судом, если суд даст мне возможность, загладить мои преступления.

Председатель. Подсудимый Торнтон.

Торнтон (перевод). С начала этого процесса я не признал себя виновным, и сейчас я тоже настаиваю на своей невиновности. Я утверждаю, что показания, фигурирующие здесь против меня, не заслуживают доверия. Это все, что я хочу сказать.

Председатель. Подсудимый Зорин?

Зорин. Граждане судьи, я просил бы при наложении мер взыскания учесть то обстоятельство, что на первом же допросе я признал полностью всю вину и просил бы в дальнейшем учесть, что, если мне будет предоставлена возможность в будущем, я могу принести еще пользу Советскому союзу на строительстве социализма.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин.

Сухоручкин. Я полностью признаю тяжесть совершенных мною преступлений. Как при первоначальном допросе, так и здесь на суде, я принес чистосердечное раскаяние, и это последнее дает мне возможность просить суд, чтобы он дал мне возможность использовать свой опыт и свои знания, загладить свою вину и стать честным советским гражданином.

Председатель. Подсудимый Монкгауз?

Монкгауз. (перевод). К тяжелым обвинениям, которые выдвинуты против меня, во вчерашней речи государственный обвинитель прибавил еще одно обвинение, которое я считаю весьма серьезным. Может быть это было сделано не официально, но тем не менее, он прибавил одно весьма тяжкое обвинение в том, что он обвинял меня в намеренном обмане британского правительства, который содержался в информации, данной мною после освобождения с Лубянки. Это несправедливо по отношению ко мне. Я не сделал ни одного заявления, расходящегося с фактами, за исключением разницы в часах, которую я могу объяснить лишь тем обстоятельством, что повидимому со мной особо внимательно обращались, когда я был в тюрьме. За условия, в которые я был поставлен, я должен поблагодарить, но они ввели меня в заблуждение, ибо на стенке моей камеры было вывешено объявление о времени раздачи пищи и о других правилах, и эта надпись была для меня единственной возможностью судить о времени.

Государственное обвинение также обвиняет меня в том, что я дал неправильные сведения о количестве людей, которые меня допрашивали.

Я утверждал, что меня допрашивали три человека, и я до сих пор это утверждаю. Я могу этих людей назвать, но в этом нет надобности.

Государственное обвинение также утверждает, что мне было дано время для принятия пищи. Не подлежит сомнению, что это была прекрасная пища, привезенная извне, но нужно также сказать, что я не оставался один при принятии этой пищи. Одно из главных лиц следовательской части вместе со мной обедало и меня нельзя уверить в том, что имевшие место во время совместных обедов беседы не являлись частью моего допроса.

Я хочу сделать эти замечания, потому что меня сильно затронули утверждения государственного обвинения, будто бы я ввел в заблуждение представителя правительства его величества в Москве.

Теперь в отношении тех обвинений, которые против меня выдвинуты. Первое обвинение, это обвинение в шпионаже. Единственной серьезной

уликой, которую я вижу против себя, в доказательство моего обвинения в шпионаже, является документ, который здесь фигурирует под № 26 и подписан мистером Торнтоном.

Я хочу сказать, что я знаю мистера Торнтон в течение последних 22 лет и я полностью уверен, что он не способен подписать подобный документ добровольно. Этот документ содержит фамилии 27 лиц. Все они обвиняются Торнтоном в том, что они состоят членами шпионской организации. Один из этих людей признал, что он связан с мистером Торнтоном. Четыре человека это не признали и я полностью убежден, что остающиеся 22 человека также не признали бы себя причастными. Я считаю, что в любом суде я буду прав, если скажу, что такой документ не считается доказательством. Наконец по обвинению в шпионаже. Я отрицаю, что я проявлял какие-либо шпионские действия. Я понимаю шпионаж как собирание секретной и государственной информации и этим я не занимался.

Второе обвинение было против меня—это обвинение во вредительстве. Выдвигая это обвинение, государственный обвинитель весьма удивил меня своим заявлением, что якобы интересы моей фирмы и интересы советского правительства противоположны друг другу. Это не так и не может быть так. Я бы просил суд помнить, что советское правительство в настоящее время должно нашей фирме 15 миллионов золотых рублей, 11½ миллиона фунтов, и фирма надеялась получить дальнейшие заказы.

Председатель. Этот вопрос не касается судебного рассмотрения. Гражданские взаимоотношения мы на этом суде не рассматриваем.

Монкгауз (перевод). Тот вывод, который я хочу сделать из этого: мы подрубали бы сук, на котором сидим, если бы вздумали заниматься вредительской работой, которая подорвала или ослабила платежеспособность Советского союза.

Я очень гордился последние 8 лет своим участием в огромном развитии электрификации в СССР. Я гордился и очень гордился тем, что я был связан с такими людьми—как нынешний глава Главэнерго и Главэнергопрома и других таких же учреждений. Я всегда делал все от себя зависящее, чтобы помочь в этой работе. Я естественно гордился тем, что я связан с этой работой. Поэтому для меня неприятно, что меня можно каким-нибудь образом обвинить в том, что я связан с вредительством в этой области. Инженеры, строящие сооружения такого характера, рассматривают их, как свои собственные детища, я еще не знаю того родителя, который согласился бы заколоть свое собственное дитя.

Третье обвинение против меня—это обвинение во взяточничестве. Я лично никогда не давал взяток, никогда в жизни и никогда не буду их давать. Прокурор сделал вчера одно замечание, которое я хотел бы здесь вспомнить. Он говорил, что московское отделение нашей фирмы имело плохую традицию тогда, когда я взял на себя руководство этим отделением. Это неправильно, ибо не было Московской конторы к тому времени, когда я был назначен уполномоченным.

Все мои конторские книги уже были рассмотрены прокуратурой, все мои частные дневники последних 9 лет также были просмотрены в ГПУ, все мои личные и частные расходные счета последних 8 лет также были в руках ОГПУ и так как мне ничего не сказали, то я представляю

себе, что там не нашли ни одной цифры, которая указала бы на какое бы то ни было взяточничество. Я не хочу быть обвиненным во взяточничестве, так как это против моих принципов.

Я не имею ничего больше прибавить кроме того, что я стою сейчас здесь перед вами абсолютно невиновный во всех обвинениях, которые против меня выдвигаются.

Председатель. Подсудимый Крашенинников.

Крашенинников. Я взял последнее слово не для того, чтобы оправдаться перед пролетарским судом, а для того, чтобы просить суд учесть то обстоятельство, что я уже в конце 1932 года отошел от вредительства. Поэтому при первом же моем допросе в следственных органах ОГПУ я во всех своих тяжелых преступлениях сознался, полностью политически разоружился там, я полностью политически разоружился и здесь.

Олейник. В первый же день моего ареста я признал все те преступления, которые были мною содеяны и всю свою вину, а также и сознал ее. Я повторял это и на следствии и сейчас повторяю. За это время я очень много передумал. За время ареста я передумал больше, чем за предыдущие 15 лет. Многое, что для меня было неясно, и что представлялось в другом свете теперь я вижу иначе. И поэтому мои отношения изменились.

Я работаю 40 лет. С 11 лет я начал работать и только в течение очень короткого промежутка времени, а работал я нужно сказать честно, только в последнее время свернул на преступный путь.

Если мне будет дана возможность опять работать, то это будет все, что я хочу. Больше ни о чем я не мечтаю. Работа—это есть единственная цель и утешение моей жизни.

Председатель. Подсудимая Кутузова?

Кутузова. Граждане судьи, я происхожу из трудовой семьи и с 16½ лет живу исключительно на свой заработок, которого мне всегда хватало не только на содержание себя, но и на помощь моим многочисленным родственникам.

Я работаю больше 20 лет и из этих 20 лет я 10 лет состояла на государственной службе, между прочим на Свирьстрое, Волховстрое, где за свою честную и добросовестную работу, я, единственная из женщин-служащих, получала персональную ставку.

Но независимо от материального положения я никогда и никому себя не продавала. Анну Сергеевну Кутузову купить нельзя. Это знают все, и никто даже не пытался это делать, а тем более за духи, пудру и помаду, которые мне вчера ошибочно приписал гражданин прокурор Верховного суда. Даже состоя на государственной службе я имела эти духи и пудру и в дальнейшем я не собираюсь отказываться от этих вспомогательных средств в своей жизни.

Я еще добавлю, что работая на Волховстрое, я также покачивалась на мягких подушках, но только не автомобиля Бьюнк, а Паккард.

Гражданин прокурор также поставил мне в вину, что у меня было особое желание поступить в английскую фирму. Он прав, у меня это желание действительно было, но это желание было вызвано тем, что я сильно издергалась и физически устала от непосильной дневной, вечерней, а иногда и ночной работы на Волховстрое и хотела немного отдох-

знуть. А почему я выбрала английскую фирму—вполне понятно, потому что в это время у меня были знакомые только представители английской фирмы, а кроме того немецкая и французская нации мне были менее по душе.

Но и поступив в представительство фирмы «Метро-Виккерс», я продолжала также честно и добросовестно работать и никто из знающих меня не посмеет мне бросить в лицо, что я не внесла своего посильного дела в дело выполнения первой пятилетки. Я беру на себя смелость и даже дерзость сказать суду и следствию, что я может быть сделала больше, чем многие из русских граждан, которые кичатся тем, что у них на шее имеется ярлык советских государственных служащих.

Я никогда не была и не буду врагом советской власти, но я знаю, что вина моя велика и она тоже имеет свои объяснения. Как я говорила уже суду, из 6 лет моей работы в фирме «Метро-Виккерс» я 4 года почти неразлучно и тесно прожила в английской среде и впитала в себя все их привычки, их взгляды на нашу страну. И мне другого выхода и не было и я об этом тоже уже говорила. Только потому, что я работала в иностранной фирме, мне никто не сдавал комнату в Москве. Только потому, что я работала в иностранной фирме, от меня отвернулись русские граждане и знакомые и друзья. А те два-три лица, с которыми мне по необходимости приходилось иногда встречаться, тоже боялись меня и наверное после моего визита не спали ночами, а на другой день ставили свечи святому Серафиму, чтобы предотвратить беду от визитов этой роковой Анны Сергеевны.

Такова была моя жизнь. И поэтому я действительно крепко и плотно сдружилась с англичанами и в силу этой дружбы совершила большую ошибку, то есть дала слово никогда и никому не раскрывать дело шпионской диверсионной группы, которое разбиралось на этом процессе и на котором я попала на скамью подсудимых.

Я даже не ставлю себе в заслугу то, что поставил гражданин прокурор Верховного суда, что я на первом же допросе на другой день рассказала честно, что знала по этому делу. Это не слишком большая заслуга. Я знаю, что вина моя все-таки остается такой же тяжелой, что я переступила порог гражданского долга, признаю себя виновной, но надеюсь на справедливость пролетарского суда.

Председатель. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора. В 15 часов 35 минут.

П. п. В. В. Ульрих
Председатель Специального присутствия
Верховного суда СССР
А. Ф. Костюшко
Секретарь.

НОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 апреля 1933 г. 1 час.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Объявляется приговор специального присутствия Верховного суда СССР.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР в составе:

председателя Ульриха В. В.

членов—Мартенса Л. К. и Дмитриева Г. А.

запасного члена—Зеликова А. В.

при секретаре—Костюшко А. Ф.

с участием государственных обвинителей: прокурора РСФСР Вышинского А. Я. и его заместителя Рогинского Г. К.; защиты: членов Московской коллегии защитников—Брауде, Смирнова, Коммодова, Лидова, Долматовского, Шварца, Пинеса, Казначеева и Либсона в открытых судебных заседаниях 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 апреля 1933 года рассмотрело дело по обвинению:

1. Гусева Василия Алексеевича, 35 лет, уроженца г. Пензы, холостого, с высшим техническим образованием, государственного служащего, несудившегося, бывш. начальника Златоустовской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

2. Грегори Альберта Вильяма, 52 лет, уроженца Англии, женатого, с высшим техническим образованием, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

3. Зиверта Юлия Ивановича, 50 лет, государственного служащего, уроженца бывш. Курляндской губернии, слесаря, с низшим образованием, несудившегося, бывш. мастера по монтажу трансформаторов и масляных выключателей на Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. Зорина Николая Григорьевича, 59 лет, уроженца г. Москвы, с высшим образованием, по специальности инженера-механика, женатого, несудившегося, государственного служащего, бывш. старшего инженера тепловой группы Мосэнерго, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

5. Крашенинникова Михаила Дмитриевича, 35 лет, уроженца села Новое, бывш. Владимирской губ., с высшим образованием, госу-

дарственного служащего, по специальности инженера-электрика, несудившегося, бывш. начальника ремонтного монтажного отдела 1-й Московской городской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

6. Котляревского Моисея Львовича, 29 лет, уроженца Бобринец, Зиновьевского округа, с высшим образованием, государственного служащего, по специальности инженера-механика, несудившегося, женатого, бывш. заведующего турбинным цехом Зуевской государственной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

7. Кутузовой Анны Сергеевны, 37 лет, уроженки г. Ленинграда, со средним образованием, несудившейся, бывш. секретаря уполномоченного иностранной формы «Метрополитен-Виккерс» в СССР, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

8. Кушни Джона, 35 лет, уроженец г. Иоганненсбурга в Африке, акционера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», английского подданного, с высшим образованием, бывш. офицера британской армии, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

9. Лебедева Вячеслава Петровича, 52 лет, государственного служащего, уроженца г. Иваново-Вознесенска, со средним образованием, бывш. старшего унтер-офицера царской армии, женатого, бывш. мастера Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

10. Лобанова Александра Тимофеевича, 35 лет, государственного служащего, уроженца Владимирской губ., слободы Старопашенная, сына заводчика, с высшим техническим образованием, женатого, несудившегося, бывш. начальника эксплуатационного отдела Ивановской государственной районной электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

11. Макдональда Вильяма Лионель, 29 лет, уроженца г. Лондона, сына инженера, с высшим техническим образованием, английского подданного, холостого, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

12. Монкгауза Аллана, 46 лет, уроженца г. Статфорд в Новой Зеландии, сына фермера, бывш. капитана инженерных войск британской армии, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, работавшего в СССР в качестве уполномоченного английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

13. Нордволла Чарльза, 31 года, уроженца г. Берлина, сына инженера, с высшим техническим образованием, женатого, английского подданного, монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

14. Олейника Петра Еремеевича, 52 лет, уроженца хутора Пере-

крестовщица, бывш. Полтавской губ., со средним образованием, женатого, несудившегося, старшего монтера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

15. Соколова Василия Андреевича, 33 лет, государственного служащего, уроженца села Аскино Бирского района БАССР, сына кустика, со средним техническим образованием, по специальности техника-электромеханика, женатого, несудившегося, бывш. помощника начальника электростанции Златоустовского завода, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

16. Сухоручкина Леонида Александровича, 39 лет, государственного служащего, уроженца станицы Новопавловской Северокавказского края, сына торговца, с высшим образованием, по специальности инженера-электрика, женатого, несудившегося, бывш. начальника эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

17. Горнтона Лесли Чарльза, 45 лет, уроженца г. Ленинграда, сына фабриканта, английского подданного, женатого, с высшим образованием, несудившегося, старшего монтажного инженера английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

Данными предварительного и судебного следствия Специальное присутствие Верховного суда Союза ССР установило следующее:

В течение ряда лет на крупных электростанциях Союза ССР—на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго, Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и других имели место систематические аварии отдельных котлов, моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживавшего перечисленные станции.

На основе прошедшего перед судом материала судебного следствия суд устанавливает, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работающей в СССР по договору с Народным комиссариатом тяжелой промышленности об оказании технической помощи.

I. Вредительство на Златоустовской электростанции

1. Начальник электростанции, государственный служащий Гусев В. А., бывший доброволец колчаковской армии, поставив себе целью нанесение урона государственной промышленности и обороноспособности СССР, совместно с государственным служащим, своим помощником Со-

коловым В. А. и рядом других лиц, дела о которых выделены в особое производство:

а) систематически выводил из строя в течение 1931 и 1932 годов мотор в 1400 л. с., приводивший в действие крупносортовый стан прокатного цеха Златоустовского металлургического завода, в частности путем введения куска железа в междужелезное пространство с целью приостановить выпуск снарядов и снарядных заготовок. В результате одной из таких аварий снарядные цехи не работали полтора месяца;

б) в конце 1931 года заморозил котел № 8 для ослабления котельного хозяйства электростанции;

в) в конце того же 1931 года вывел из строя углеподачу № 1 путем закладывания металлических предметов между зубьями зубчатой передачи, в результате чего была разбита эта передача и фундамент. После этого вся углеподача по распоряжению Гусева была разобрана и тем самым выведена из строя на полтора года, до момента ареста Гусева;

г) Умышленно, с вредительской целью, задержал на длительные сроки монтаж котлов №№ 1, 2, 11.

В результате этих преступных действий Гусева мощность электростанции была снижена наполовину, с 12000 до 6000 киловатт.

2. Гусев и Соколов в то же время подготовляли ряд аварий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить электрической энергии Златоустовские заводы в момент ожидавшегося вредителями военного нападения на СССР.

3. Эта преступная деятельность Гусева и Соколова совершалась по договоренности со служащими английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», монтажным инженером Макдональдом В. Л., принимавшим участие в разработке планов аварий.

4. Сверх того, по поручению того же Макдональда, Гусев и Соколов непосредственно и через третьих лиц собирали для Макдональда и передавали ему во вред СССР секретные сведения военно-государственного значения, касавшиеся:

а) работы военных цехов Златоустовских заводов;

б) производства снарядов и их типов;

в) производства высококачественных сталей для военных нужд и

г) мобилизационных планов электростанции и Златоустовских заводов.

5. За указанные преступные действия Гусев и Соколов получили от Макдональда взятки—Гусев одновременно всего 2500 рублей и Соколов—1000 рублей.

6. Преступные действия Макдональда были им совершены с ведома и по заданию английского подданного, главного монтажного инженера Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Торнтон Л. Ч., с которым так же, как и с Макдональдом, Гусев лично обсуждал планы аварий при свидании в Златоусте в 1931 году и на станции Харциск в 1932 году. При этих сведениях Гусев передал Торнтону ряд секретных сведений военно-государственного значения.

Преступные действия Гусева, Соколова и Макдональда предусмотрены ст. ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Преступные действия Торнтон квалифицированы ниже.

II. Вредительство на Зуевской государственной районной электростанции

Основным вредителем на Зуевской электростанции был заведующий

турбинным цехом станции, государственный служащий Котляревский М. Л., который в целях нанесения урона промышленной мощи СССР произвел аварию турбогенератора № 3 путем введения болта в генератор в июне 1932 года и, совместно с умершим впоследствии Васильевым, организовал аварии с масляными насосами турбины № 1 и 3 путем умышленного засорения этих насосов.

Эти вредительские акты были совершены Котляревским в соучастии с тем же Макдональдом, от которого Котляревский получил за эти преступные действия взятку в 1 000 рублей.

Преступные действия Котляревского предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

III. Вредительство на Ивановской государственной районной электростанции.

На Ивгрэсе вредительство осуществляли: заведующий эксплуатационным отделом Лобанов А. Т. в соучастии с мастером той же электростанции Лебедевым В. П., служащим фирмы «Метрополитен-Виккерс», английским подданным Нордволлом Ч. и другими лицами, дело о коих выделено.

1. Лобанов организовал следующие аварии:

а) систематически выводил из строя моторы цепных решеток путем перелома кабеля, питающего эти моторы;

б) умышленно засорял песком подшипники мотора питательного насоса котлов, вследствие чего мотор выбыл из строя;

в) умышленно вывел из строя мотор дымососа котла № 5 путем закрытия вентиляции мотора;

г) в целях нарушения бесперебойной работы электростанции неоднократно умышленно выключал фидера собственных нужд станции.

В результате этих вредительских актов имели место перебои в работе станции и сокращение электроснабжения заводов и фабрик, питаемых Ивгрэсом.

2. Непосредственным исполнителем аварий, отмеченных в пп. а) и б) п. 1, являлся Лебедев, действовавший по заданию Лобанова.

3. За эти вредительские действия Лобанов получил от Нордволла взятку в 5 000 рублей из коих около 300 рублей передал Лебедеву.

Преступные действия Лобанова, Лебедева и Нордволла предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. На той же Ивгрэс, вне связи с указанными лицами по прямому предложению Торнтона, мастер станции, государственный служащий Зиверт, тормозил в 1931 году монтаж трансформатора, за что получил от Торнтона взятку в два приема—всего 800 рублей.

Преступные действия Зиверта предусмотрены ст. ст. 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

IV. Вредительство на электростанциях Мосэнерго.

На электростанциях Мосэнерго вредительство осуществлялось следующими лицами:

Начальником эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции государственным служащим Сухоручкиным Л. А.

Старшим инженером тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго, государственным служащим Зориным М. Г.

Начальником ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской город-

ской электростанции, государственным служащим Крашенинниковым М. Д.

1. Сухоручкин:

а) на протяжении 1928—1932 годов систематически скрывал по договоренности с Торнтоном серьезные дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, а также скрывал дефекты при монтаже этого оборудования, что привело к ряду аварий, уменьшало работоспособность станции и приводило к невозможности взыскания с фирмы «Метрополитен-Виккерс» в порядке рекламации соответствующих денежных сумм;

б) в конце 1931 года лично с целью вызвать аварию на 1-й МГЭС соединил свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 с железной полкой. Авария была предотвращена лишь благодаря бдительности рабочих;

в) в 1930 и 1931 годах, неоднократно встречаясь с Торнтоном, договаривался с ним о способах разрушения электростанции в момент начала войны против СССР.

2. Зорин по договоренности с тем же Торнтоном в 1931—1932 годах с целью нанесения ущерба промышленности СССР провел на 1-й МГЭС и на Ореховской теплоэлектростанции ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования, что привело к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм.

3. Крашенинников на протяжении 1928—1932 годов провел на 1-й МГЭС ряд вредительских актов, скрывая дефекты поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» оборудования и его монтажа, что приводило к систематическим авариям на станции и к потере рекламационных сумм.

За указанные преступные действия Сухоручкин, Зорин и Крашенинников получили от Торнтонна взятки в сумме: Сухоручкин—2 000 рублей и 350 рублей торгсиновскими бонами, Зорин—1 000 рублей и Крашенинников—500 рублей.

Преступные действия Сухоручкина, Зорина и Крашенинникова предусмотрены ст.ст. 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР, а Сухоручкина кроме этого ст. 58-9 Уголовного кодекса РСФСР.

V. Вредительская контрреволюционная деятельность указанных выше государственных служащих электростанций была увязана, как явствует из приведенных выше фактов, с преступной деятельностью отдельных служащих частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс».

Суд установил следующее:

1. Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль по совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торнтону Л. Ч.—главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные, упоминавшиеся выше—Макдональд и Нордволл, а равно и инженер Кушни и гражданин СССР монтер фирмы Олейник П. Е.

Через этих лиц, как равно и непосредственно, Торнтон:

а) вступал в связь с контрреволюционными группами государственных

ных советских служащих на электростанциях, договаривался с ними (Гусев, Сухоручкин, Зорин) о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершенные ими преступные действия;

б) занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни и Олейника секретные сведения военного государственного значения, и давал за полученные сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим (Гусев, Соколов и др.).

Преступные действия Торнтонна предусмотрены ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

2. Уполномоченный Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Монкгауз:

а) был осведомлен о действиях Торнтонна по организации совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций аварий на этих электростанциях;

б) принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», а также за сокрытие дефектов монтажа этого оборудования, что приводило к авариям.

Преступные действия Монкгауза предусмотрены ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

3. Исполнителем вредительских заданий Торнтонна на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» — Кушни, организовавший в 1928 году на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торнтону.

Преступные действия Кушни предусмотрены ст.ст. 58-6, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

4. Исполнителем преступных заданий Торнтонна на ряде электростанций (1 МГЭС, Макеевка, Мотовилиха) был служащий Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс», гражданин СССР — Олейник.

а) Систематически скрывавший дефекты оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий и

б) собиравший военно-секретные сведения и вербовавший агентуру для Торнтонна.

Преступные действия Олейника предусмотрены ст.ст. 58-6, 58-7, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

5. Кутузова А. С., состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе вышеупомянутых служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Преступления Кутузовой предусмотрены ст.ст. 58-6 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

VI. На основании изложенного, исходя из установленных судом обстоятельств дела, степени вины каждого из поименованных выше лиц и на основании постановления ЦИК Союза ССР от 14 марта сего года, и

силу которого советские государственные служащие, изобличенные во вредительстве, как изменники своего отечества, подлежат более суровой ответственности, чем служащие частных предприятий

Суд приговорил:

I.

1. Гусева Василия Алексеевича,
2. Сухоручкина Леонида Алексеевича,
3. Лобанова Александра Тимофеевича, государственных служащих, граждан СССР, к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества. Избрание этой меры репрессии вместо расстрела суд обосновывает исключительно тем, что преступная вредительская деятельность указанных осужденных имела локальный характер и не нанесла серьезного ущерба промышленной мощи СССР.

II

4. Соколова Василия Андреевича,
5. Зорина Николая Григорьевича,
6. Котляревского Моисея Львовича, государственных служащих, граждан СССР, по тем же основаниям—к восьми годам лишения свободы с указанными выше последствиями.

III.

7. Крашенинникова Михаила Дмитриевича, государственного служащего, гражданина СССР,—по тем же основаниям—к пяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества.

IV

8. Лебедева Вячеслава Петровича, государственного служащего, гражданина СССР, принимая во внимание, что он являлся лишь орудием в руках Лобанова и руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР—к двум годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

V

Служащих Московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс».

9. Английского подданного Торнтон Лесли Чарльза—к трем годам лишения свободы.

10. В отношении английского подданного Макдональда Вильяма Лионель, как действовавшего по прямому подстрекательству его непосредственного начальника Торнтон, с одной стороны, и ввиду чисто-сердечного признания на суде своих преступных действий, руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, смягчить требуемую законом меру репрессий и ограничиться осуждением к двум годам лишения свободы.

В отношении английских подданных:

11. Монкгауза Аллана,
12. Нордволла Чарльза, как не принимавших непосредственного участия в совершении аварий на электростанциях, и

13. Кушни Джона, ввиду давности совершенного им преступления (1928 год), руководствуясь ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, ограничиться удалением их из пределов СССР с запрещением въезда в СССР сроком на 5 лет.

Осужденные Монкгауз, Нордволл и Кушни обязаны оставить пределы СССР в течение трех суток с момента вынесения приговора.

14. Олейника Петра Еремеевича, гражданина СССР, принимая во внимание его зависимость по службе от Торнтона и как служащего частной фирмы,—к трем годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

15. Кутузову Анну Сергеевну, гражданку СССР, по тем же основаниям—к полутора годам лишения свободы без поражения прав и без конфискации имущества.

Всем осужденным к лишению свободы зачесть срок предварительного заключения.

VI

16. В отношении Зиверта Юлия Ивановича, государственного служащего, гражданина СССР, принимая во внимание, что своей работой после 1931 года он доказал, что искренне порвал с вредителями, на основании ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР мер репрессии не применять и из-под стражи освободить.

17. Грегори Альберта Вильяма английского подданного по недостаточности улик, оправдать.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и вступает в силу немедленно с момента его оглашения.

Председатель Специального присутствия Верховного суда
Союза ССР В. Ульрих
Члены присутствия: Л. Мартенс, Дмитриев

г. Москва,
19 апреля 1933 год.
1 час.

* * *

Председатель. Тов. комендант! Обвиняемого Зиверта освободите из под стражи, подсудимого Торнтонна возьмите под стражу.

Тов. секретарь! Отберите подписку от подсудимых Нордволла, Монкгауза и Кушни о выезде из СССР в трехдневный срок с момента объявления приговора.

Заседание специального присутствия Верховного Суда СССР объявляю закрытым.

П. п. В. В. Ульрих
Председатель Специального присутствия
Верховного Суда СССР
А. Ф. Костюшко
Секретарь.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В I и II ВЫПУСКАХ

ВЫПУСК I

	Стр.
1—2. Факсимиле первой и второй страницы показания Торнтона от 13 марта 1933 г., писанного им собственноручно . . .	176/177

ВЫПУСК II

3. Факсимиле собственноручного показания Монкгауза на английском языке (от 1 апреля 1933 г.), в котором он признает себя виновным в соучастии в даче взятки инж. Долгову . . .	16/17
4. Факсимиле собственноручного показания Макдональда от 3 апреля 1933 г. (на англ. языке), в котором он признает выдачу Котляревскому и Васильеву 2000 руб. на вредительскую и шпионскую работу, а также в даче задания Котляревскому и Фомичеву по аварии на Зуевской станции . . .	24/25
5—7. Факсимиле собственноручного показания Макдональда на английском языке от 19 марта 1933 г., в котором он целиком признает свою вину в шпионаже, вредительстве и даче взяток	176/177
8. Факсимиле собственноручного показания Торнтона от 4 апреля, в котором он признает себя виновным в экономическом и военном шпионаже, привлечении для шпионской работы русских инженеров и даче взяток за сокрытие дефектов фирмы «Метро-Виккерс» и не признает себя виновным в совершении аварий на электростанциях	184/185
9—10. Факсимиле собственноручного показания Торнтона от 19 марта 1933 г. на англ. языке, в котором он целиком признается в шпионской деятельности и подтверждает, что это признание он делает добровольно и без всякого давления	192/193

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕХ ВЫПУСКОВ

ВЫПУСК I

	Стр.
Состав суда, обвинения и защиты	4
Утреннее заседание 12 апреля	5
Обвинительное заключение	9
Вечернее заседание 12 апреля	59
Допрос подсудимого Гусева	59
Утреннее заседание 13 апреля	102
Допрос подсудимого Соколова	102
Допрос подсудимого Макдональда	123
Допрос подсудимого Торнтон	149
Вечернее заседание 13 апреля	157
Продолжение допроса подсудимого Торнтон	157
Протокол показания Торнтон от 13 марта	176

ВЫПУСК II

Утреннее заседание 14 апреля	5
Допрос свидетеля Долгова	5
Допрос подсудимого Котляревского	19
Допрос подсудимого Лобанова	32
Допрос подсудимого Лебедева	54
Вечернее заседание 14 апреля	59
Допрос подсудимого Нордволла	60
Допрос подсудимого Зиверта	66
Допрос подсудимого Сухоручкина	79
Утреннее заседание 15 апреля	99
Допрос подсудимого Крашенинникова	100
Допрос подсудимого Зорина	117
Допрос подсудимого Кушни	126
Допрос подсудимого Олейника	140
Вечернее заседание 15 апреля	155
Продолжение допроса подсудимого Олейника	155
Допрос подсудимого Монкгауза	163
Допрос подсудимой Кутузовой	176
Допрос подсудимого Грегори	192

	Стр.
Утреннее заседание 16 апреля	5
Вопросы экспертизе	5
Вечернее заседание 16 апреля	11
Ответы экспертизы	11
Речь государственного обвинителя т. Вышинского	16
Утреннее заседание 17 апреля	41
Продолжение речи государственного обвинителя т. Вышинского	41
Вечернее заседание 17 апреля	78
Речь защитника Казначеева	78
Речь защитника Шварца	84
Речь защитника Пинеса	89
Речь защитника Смирнова	94
Утреннее заседание 18 апреля	102
Речь защитника Брауде	102
Речь защитника Долматовского	110
Речь защитника Лидова	117
Речь защитника Коммодова	130
Речь защитника Либсона	140
Последние слова подсудимых	149
Ночное заседание 19 апреля	155
Приговор Специального присутствия Верховного суда	155
Список иллюстраций, помещенных в I и II выпусках	164

ОПЕЧАТКИ

Вследствие срочности выпуска «Дела о вредительстве на электростанциях в СССР» в издание вкралось несколько опечаток. Приводим поправки:

ВЫПУСК I

Страница	Строчка	Напечатано	Должно быть
5	17 сверху	угол. кодекса	угол.-процесс. кодекса
146	14 сверху	в СССР.	в СССР».
146	13 снизу	от Торнтона».	от Торнтона.
200	3 снизу	РСФСР (в части тиража)	СССР

ВЫПУСК II

51	8 сверху	Да, примерно?	Да, примерно.
60	6 снизу	Мосстроя	Макстроя
73	10 сверху	очень много?	очень много.
86	3 и 4 сверху	по старой трансформаторной группе	со старой трансформаторной группы
140	24 снизу	представительство	представительством

ОПЕЧАТКИ В ВЫПУСКЕ III

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	14 сверху	Начальник «Главэнерго»	Управляющий трестом «Теплоэлектропроект».
85	22—23 сверху	ответственными	ответственны
87	11—12 сверху	социализма, я полагаю	социализма. Я полагаю
108	16 снизу	собрания	собрания
147	6 снизу	сформировано	сформулировано

ОПЕЧАТКИ

Вследствие срочности выпуска «Дела о вредительстве на электростанциях в СССР» в издание вкралось несколько опечаток. Приводим поправки:

ВЫПУСК I

Страница	Строчка	Напечатано	Должно быть
5	17 сверху	угол. кодекса	угол.-процесс. кодекса
146	14 сверху	в СССР.	в СССР».
146	13 снизу	от Торнтона».	от Торнтона.
200	3 снизу	РСФСР (в части тиража)	СССР

ВЫПУСК II

51	8 сверху	Да, примерно?	Да, примерно.
60	6 снизу	Мосстройка	Макстройка
73	10 сверху	очень много?	очень много.
86	3 и 4 сверху	по старой трансформаторной группе	со старой трансформаторной группы
140	24 снизу	представительство	представительством
	23 снизу	обществом	общество
162	13 сверху	мы	вы